

Глава 4

У истоков левого терроризма: С.Г. Нечаев и нечаевское дело

«Монстр» или «гений революции»?

(споры о Нечаеве и нечаевщине: XIX–XX вв.)

Нечаевское дело являлось важнейшим звеном русской революционной традиции. Оно внесло по-своему немалый и чрезвычайно специфический вклад в идеологию и практику революционного движения: так, Сергей Геннадиевич Нечаев (1847–1882), по имени которого названо все дело, был одним из первых профессиональных революционеров, четко и ясно сформулировавших основы революционной морали, которая в значительной мере была усвоена последующими поколениями революционеров. Ему также принадлежит приоритет в создании программы массового террора и подавления проявлений инакомыслия. Кроме того жесткие организационные и конспиративные установки, на которых зиждалась нечаевская организация, впоследствии легли в основу деятельности наиболее крупных и дееспособных революционных организаций того времени. Немалый вклад внес Нечаев и в разработку представлений об идеале будущего общественного устройства (так называемого «казарменного коммунизма»).

Помимо всего вышеперечисленного, в ходе нечаевского дела сформировались кадры будущих профессиональных революционеров, многие из которых сыграли немалую роль в истории революци-

онного движения – достаточно хотя бы назвать имена П.Н. Ткачева, В.И. Засулич, М.А. Натансона.

Следует также отметить, что Нечаев представлял собой одну из самых ярких и колоритных фигур в русском революционном движении. С ним сотрудничали такие видные идеологи и практики революционного движения, как П.Н. Ткачев, М.А. Бакунин, Н.П. Огарев. Совершенно прав исследователь революционного движения В.Я. Гросул, заметивший, что на рубеже 60–70-х годов XIX века «не было в России ни одного революционного деятеля, на борьбу с которым царские власти бросили бы больше сил, чем на борьбу с Нечаевым»¹.

Нечаевское дело неоднократно привлекало и, вероятно, еще долго будет привлекать внимание не только историков, но и политологов, философов, религиозных мыслителей, мастеров искусства, политиков. Не случайно некоторые важные эпизоды нечаевского дела легли в основу сюжета романа Достоевского «Бесы», немалый вклад в осмысление духовных основ нечаевщины внесли Н.А. Бердяев и А. Камю. С другой стороны, весьма симптоматичен интерес, проявленный к опыту и политической методологии Нечаева, и по сей день проявляемый различными экстремистскими группировками. Интерес к Нечаеву не затухает и в наши дни.

Словом, фигура Нечаева и методы его деятельности были и остаются предметом острых идеологических дискуссий, продолжающихся почти полтора столетия после его смерти. История их сама по себе чрезвычайно поучительна.

Одними из первых по долгу службы дали свои оценки нечаевскому делу жандармские историки, составившие объемистые исследования-справки для внутренних нужд III отделения. Так, Ф.А. Гиляров одним из первых отметил, что нечаевское дело было «продолжением каракозовщины и передаточным звеном в последующей агитации»... «каракозовцы были только прелюдию, настоящий фундамент для последующей агитации заложен нечаевцами»².

Не отрицая наличия «высокого нравственного достоинства людей, принявших на себя инициативу в заявлении народных нужд и пострадавших за энергичное отстаивание правого дела»,

А.П. Мальшинский замечал, что «когда движение, производящее смуту в обществе, не имеет народного характера, то как бы высоко гуманны ни были его цели сами по себе, оно безнравственно в своем исполнении (курсив Мальшинского. – А.М.), безнравственно уже потому, что есть прямое насилие народной воли», ибо «для того, чтобы достигнуть цели, заговорщиками употребляются средства, насилиющие права отдельных лиц». По мнению Мальшинского, такого рода принципиальный аморализм неизбежно сопутствует интеллигентской революционности, когда «революционное движение выходит из области мышления и переносится на реальную почву вопреки народному духу, становясь, таким образом, прямым насилием, а не выражением народной воли»³. Говоря о «почве», на которой произросла нечаевщина, Мальшинский особо подчеркивал ее интеллигентское происхождение: «Это движение, – писал он, – всецело принадлежит мыслящему пролетариату и ни на шаг не ушло от его идей, привычек и нужд, а русский народ – не пролетариат»⁴.

Для историков официально-охранительного направления была свойственна по-своему «высокая» оценка роли и значимости нечаевского дела в общем развитии революционного движения 60–80-х гг. XIX века. Так, тот же А.Ф. Гиляров отмечал: «...тем-то и худо, что случилось именно так, как проектировал 22-летний Нечаев»⁵. Вместе с тем, в работах «охранителей» наряду с вышепрочитированными здравыми мыслями можно встретить и немало грубых фактических искажений и тенденциозных оценок, вызванных отчасти тем, что им приходилось обрабатывать агентурную информацию, не отличавшуюся большой точностью, а порой содержащую откровенные вымыслы.

Немалый вклад в осмысление феномена нечаевщины (этот термин обычно используется для характеристики специфических методов Нечаева, вытекающих из установки: «цель оправдывает средства») внесли народники различных направлений. В советской литературе преобладала не вполне верная точка зрения, согласно которой огромное большинство русских революционеров-народников, за вычетом разве что одного П.Н. Ткачева, «единодушно определяли «нечаевщину» как наглядный пример «отрицательного» опыта, как попытку деморализовать движение и «отодвинуть

его назад», как «дутую затею, построенную на обмане товарищей»⁶. Такого рода оценка представляется явно односторонней. Да, бесспорно, известная часть народников резко отрицательно отнеслась к Нечаеву и нечаевщине. Некоторые из них вообще утверждали, что Нечаев вообще никакого отношения к «революционному делу» не имел. Скажем, сербский революционер С. Маркович пренебрежительно характеризовал нечаевское дело как «простой детский шум, который не имеет никакой другой цели, кроме того, чтобы его можно было дальше слышно», а относительно Нечаева заявлял, что он вовсе «не принадлежит к... кругу революционеров», намекая на то, что он якобы являлся провокатором⁷.

Один из ведущих идеологов народничества Н.К. Михайловский в рецензии на роман Достоевского «Бесы» писал следующее: «Нечаевское дело есть до такой степени во всех отношениях монстр, что не может служить темой для романа с более или менее широким сюжетом. Оно могло бы доставить материал для романа уголовного, узкого и мелкого, могло бы, пожалуй, занять место и в картине современной жизни, но не иначе как в качестве третьестепенного эпизода»⁸. Данная оценка Михайловского («во всех отношениях монстр») стала хрестоматийной, поскольку ее по-своему и на разные лады начали развивать многие народнические и либеральные историки и публицисты. Именно с Михайловского ведет свое начало трактовка нечаевщины как примитивной оковореволюционной уголовщины, якобы не имеющей никакого отношения к «подлинной революционности», как третьестепенного и совершенно незначительного эпизода русского революционного движения. Во многом с такого рода суждениями смыкались высказывания известных революционеров П.Л. Лаврова и Г.А. Лопатина. Первый видел в нечаевщине прежде всего «элемент революционного авторитаризма, бесцеремонной игры личностями и феноменально непреклонной энергии»⁹. Сущность упомянутого «революционного авторитаризма» попытался выразить Лопатин: «Что вы хотите? – вопрошал он. – В такой уродливой обстановке всегда будет вырабатываться известное число уродливо развитых личностей. Крайности порождают противоположную крайность»¹⁰. Назначение этого высказывания заключалось в том, чтобы переложить ответственность за позорные страницы нечаевщины с «ре-

волюционного дела» на «реакционное самодержавие». В этом же был смысл и теоретических рассуждений Лаврова, когда он писал о Нечаеве и его последователях: «Эти люди пользовались раздражением приверженцев нового строя против несправедливости старого и выставили начало: все средства для борьбы. В эти годные средства они вложили обман товарищей по делу, обман народа, которому они будто бы служили... Они готовы были, – утверждал Лавров, – эксплуатировать своих друзей и товарищей, лишь бы сделать их орудием своих планов, они готовы были на словах защищать полнейшую независимость и автономию личностей и кружков, организуя в то же время самую решительную диктатуру, приучая своих приверженцев к самому овечьему повиновению»¹¹. В интерпретации Лаврова все эти черты нечаевщины в принципе не могли иметь никакого отношения к «подлинной» революционной идеологии и практике, а являлись лишь «отрыжкой старого общества»¹². Это «старое общество», – заявлял Лавров, – «было основано на борьбе всех против всех за наслаждения жизни при помощи легальности и капитала... оно развило всеобщую лживость, всеобщее лицемерие... Надуть всех для собственной выгоды, подчинить всех, захватить все для себя одного, высказывать... принципы, над которыми сам смеешься, быть адвокатом чего угодно для достижения личной цели – все это были естественные приемы общества, испорченного в самых своих основах личного обогащения и буквы закона»¹³. Этим убогим почти карикатурным объяснением феномена нечаевщины долгие годы успешно довольствовались как истиной в последней инстанции целые поколения народнических, либеральных и марксистских историков. Но справедливости ради заметим, что и в то время не все разделяли эту чрезвычайно «комфортную» для «революционного самосознания» точку зрения. Например М.П. Драгоманов отмечал, что после того как подробности нечаевского дела забылись, то в революционной среде «были делаемы даже попытки идеализации Нечаева и новой популяризации среди русской молодежи его приемов «революционной деятельности», признак, показывающий, что болезнь нечаевщины сидит глубже и распространена больше, чем можно было предполагать»¹⁴.

Драгоманов был прав. Многие революционеры отнюдь не разделяли однозначно негативного отношения к нечаевщине. Сразу

же после нечаяевского дела начался процесс адаптации революционного движения к нечаяевщине. Точнее говоря, многие принципиальные положения Нечаева, высказанные им в своих изданиях и «Катехизисе революционера», никогда всерьез и не отвергались значительной частью революционеров.

В этом отношении уже весьма показательными были оценки личности Нечаева и его характерных приемов деятельности, сделанные Бакуниным. Как известно, он поначалу был в восторге от Нечаева и не скучился на самые восторженные комплименты в адрес своего «тигренка» и «молодого друга». Затем, познав, что называется, на собственной шкуре, все прелести нечаяевской системы мистификации и шантажа, убедившись, что Нечаев не разделяет его анархических убеждений, следя собственной «глупой коммунистической программе»¹⁵, он был вынужден осудить нечаяевщину, оставив весьма яркое по стилю, хотя и поверхностное ее описание. «Для того, чтобы создать общество серьезное и неразрушимое, надо взять за основу политику Маккиавели и вполне усвоить систему иезуитов – для тела одно насилие, для души ложь», – так описывал «внезапно прозревший» Бакунин специфические приемы своего бывшего «молодого друга», – «Истина, взаимное доверие, солидарность серьезная и строгая – существуют только между десятком лиц, которые образуют *sancta sanctorum* общества. Все остальное должно служить слепым орудием и как бы материей для пользования в руках этого десятка людей, действительно солидарных. Дозволительно и даже простительно их обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нужде, даже убивать их, это мясо для заговоров»¹⁶. Истоки нечаяевщины Бакунин усматривал задолго до большевистских историков 20–30-х гг. XX в. в социальном происхождении Нечаева, объясняя все неприятные его качества незнакомством с «общественными условиями, привычками, нравами и мыслями так называемого образованного мира», что якобы и сделало Нечаева «неспособным действовать в его среде, даже в вешиах его разрушения»¹⁷.

Несмотря на осуждающий тон бакунинских инвектив в адрес «юного фанатика», нельзя все же не заметить, что даже после полного организационного разрыва с Нечаевым Бакунин так и не пожелал однозначно отмежеваться от нечаяевщины¹⁸. Эта двусмысленная

позиция Бакунина не могла остаться незамеченной современниками. Так, З.К. Ралли-Арбore, одно время входивший в ближайшее окружение Бакунина, иронизировал по этому поводу: «Бакунин... признавал лишь в теории то, что Нечаев применил на практике – потому что Бакунин был человек образованный и начитанный, а бедный Нечаев был дикарь с энергией дикаря». В конце-концов, утверждал Ралли, это привело к тому, что «ученик превзошел учителя и учитель, поджавши хвост, бегал от своего самого талантливого ученика»¹⁹. Заметим, что сам Ралли, хорошо знавший Нечаева и одно время довольно активно сотрудничавший с ним, также был склонен фактически оправдывать нечаевщину, мотивируя это тем, что-де вокруг Нечаева «в то время не оказалось абсолютно ни одного человека, близкого лица, который мог бы стать равным ему по преданности раз задуманному делу, который мог бы сдержать его, когда это было необходимо»²⁰. Тем самым Ралли по сути дела утверждал, что нечаевские приемы были в той ситуации необходимы и неизбежны.

Если в оценках анархистов Бакунина и Ралии все же содержалось некоторое осуждение нечаевщины, то у В.К. Дебагория-Мокриевича, участника так называемого «чигиринского дела» (в ходе которого группка народников призвала от имени верховной власти к бунту крестьян), мы уже можем найти неприкрытую апологию исходных нечаевских принципов. Осмысливая процесс над нечаевцами, он пришел к признанию «справедливости» принципа «цель оправдывает средства». «Так как в основании революционного мировоззрения лежит именно принцип «цель оправдывает средства», – утверждал Мокриевич, и взгляды всякого революционера, прибегающего к крайним средствам борьбы для достижения известной цели (путем крови – к народному благу), в сущности покоятся на тех же... соображениях, то признание с нашей стороны этого принципа было не что иное, как признание революционного пути»²¹.

Еще дальше, чем Дебагорий-Мокриевич, заходили в своих оценках Нечаева и нечаевщины русские бланкисты во главе с виднейшим идеологом русского народничества П.Н. Ткачевым. Для них Нечаев был своего рода образцом для подражания: «Великий и доблестный пример Каракозова и Нечаева наконец нашел себе

последователей», – писал в 1878 году К. Турский²². Для самого Ткачева Нечаев был одним из «типических представителей нашей современной молодежи». Какие бы то ни были обвинения в адрес Нечаева и его последователей, исходящие от «семидесятников», он отвергал в самой категорической форме, представляя дело так, что обвинения эти могли высказывать лишь «люди трусливые и миролюбивые, люди флегматического темперамента и слабого ума, резонерствующие софисты». Именно деятели такого толка, по его словам, «с яростью набросились на своих недавних товарищ (Нечаева и нечаевцев. – А.М.) и с самодовольной наглостью стали упрекать их в «мальчишестве, в безрассудности торопливо-сти, в кровожадности и даже... даже в провокаторстве, прикрытом с лицемерным иезуитизмом – якобы народными интересами, народным благом»²³.

Ткачев, бывший идеяным вдохновителем и одним из самых активных участников нечаевского дела на раннем его этапе, нигде и никогда не отрекался от Нечаева и его методов. Причиной тому было то, что их сближало весьма многое: проповедь революционного макиавелизма, воззрения на характер и принципы революционной организации, совпадали во многом и их представления о будущем устройстве общества. Именно поэтому ткачевский журнал «Набат» сделал немало для «реабилитации» Нечаева в глазах последующих поколений революционеров.

Пропаганда «Набата» и общая логика развития революционного движения 70-х годов в конечном счете привели к своеобразной «реабилитации» имени Нечаева и его методов в среде народовольцев. Этот факт длительное время как-то «стушевывался» в советской историографии. Тем не менее, следует признать, что именно деятели «Народной воли» превратили Нечаева чуть ли не в эталон «пламенного революционера». Произошло это далеко не вдруг и не сразу. Большая часть «семидесятников» поначалу отрицательно оценивала нечаевщину. Так, В.Н. Фигнер писала, что они «относились отрицательно к личности Нечаева и к приемам, к которым он прибегал при вербовке членов в свои кружки. Его теория – цель оправдывает средства – отталкивала нас, а убийство Иванова внушало ужас и отвращение»²⁴. Более того, по свидетельству другого видного народовольца М.Ф. Фроленко, «молодежь,

ознакомившись с приемами Нечаева и возмущившись ими, бросилась в другую крайность: никакого генеральства, никаких тайных комитетов, все товарищи равноценны и каждый действует по своему разуму, доходя своим умом до необходимости революции ради свержения царского режима»²⁵. Справедливости ради надо сказать, что нигилизм в организационных вопросах участников «хождения в народ» обусловливался не только их неприятием нечаевщины, но и тем, что большая их часть пребывала на позициях анархизма, отказываясь в силу этого от принятия каких-либо уставов, от избрания руководящих органов и формального подчинения революционеров каким-либо писанным требованиям, считая лучшими средствами объединения единомышленников полное взаимное доверие и «духовную близость»²⁶. Такого рода организационный нигилизм в немалой степени способствовал быстрому и полному разгрому распыленного, стихийного «хождения». И вот, начиная со второй половины 70-х гг., в лоне революционного движения постепенно происходит формирование жесткоцентрализованных, построенных по иерархическому принципу, тщательно законспирированных партийных структур. Народилось новое поколение революционеров, для которых имя Нечаева уже не несло никакой негативной окраски. Некоторые будущие народовольцы уже в начале 70-х годов исподволь начали защищать Нечаева от критики. Тот же Фроленко вспоминал, как в 1872 г. «высказал... несколько слов в защиту Нечаева»²⁷.

К концу 70-х гг. «Катехизис революционера» постепенно перестает являться в революционных кругах одиозным документом. Более того, его иногда используют как агитационную литературу. Сохранилось любопытное свидетельство на этот счет супруги первого русского марксиста – Р.М. Плехановой. Она вспоминает, как один из выдающихся деятелей «Земли и воли» (а впоследствии и «Народной воли») А.Д. Михайлов начал ее «революционное воспитание» с того, что предложил ей «почитать вместе “Катехизис революционера”», который тогда «распространялся среди молодежи». Таким путем, подчеркивала Р.М. Плеханова, «в отмеченной молодой девушке, которую он считал способной на революционный подвиг, ему хотелось выработать твердость и фанатическую преданность делу»²⁸.

Надо ясно осознавать, что такого рода факт, даже если бы он был единичным, сам по себе весьма симптоматичен. Но речь идет отнюдь не о единичных разрозненных фактах, а о четко просматривающейся и непрерывно нарастающей адаптации революционного движения к опыту нечаявщины. Насколько далеко зашел этот процесс, можно судить по тому, что принцип «цель оправдывает средства» был даже записан одним из первых параграфов устава организации «Земля и воля»²⁹. Поэтому нет ничего удивительного в том, что когда в начале 1880 г. Нечаеву удалось передать из Алексеевского равелина письмо к членам Исполнительного комитета «Народной воли», в котором он «просто и прямо... ставил вопрос о своем освобождении», это письмо встретило восторженный прием: «исчезло все, темным пятном лежавшее на личности Нечаева, вся та ложь, которая окутывала революционный образ Нечаева». Реакция народовольцев была однозначной: «с необыкновенным душевным подъемом все мы, – вспоминала Фигнер, – сказали: “Надо освободить”³⁰».

А.И. Успенская в своих воспоминаниях свидетельствовала, как во время встречи в 1881 г. с С.Л. Перовской та заявила о том, что в «революционных кругах взгляд на него (Нечаева. – А.М.) сильно изменился». По словам мемуаристки, Перовская согласилась с ее мнением, согласно которому Нечаеву слишком рано выступил на сцену, что теперь он мог быть «бесценным работником, идя рука об руку с такими же энергичными и беззаветно преданными революционному делу людьми, какими являлись народовольцы»³¹.

Освобождение Нечаева из равелина не удалось, ибо именно в это время народовольцы начали подготовку к убийству Александра II и тут уж приходилось выбирать одно из двух. В этой ситуации Нечаев отказался от побега, хотя по свидетельству Л.А. Тихомирова, «Желябов уже лично осмотрел равелин и признал побег, при хорошей помощи извне, не только осуществимым, но даже не особенно трудным»³².

Но и после 1 марта народовольцы не оставляли надежды вызволить Нечаева из тюрьмы. Сразу же после убийства Александра II они попытались вступить в переговоры с правительством, целью которых было бы требование политической амнистии, свободы печати и социалистической пропаганды. Взамен они были готовы приоста-

новить осуществление новых террористических актов до коронации наследника. При этом, писала В.Н. Фигнер, «как залог искренности предлагали кого-нибудь воспоминать, я предлагала Нечаева» (что было особо знаменательным, поскольку за десятилетие до этого ничего кроме ужаса и отвращения Фигнер от деятельности Нечаева не испытывала. – А.М.)³³.

В 1883 г. в «Вестнике Народной воли», выходившем в Женеве, была опубликована обширная статья под названием «Арест и тюремная жизнь Нечаева», написанная Л.А. Тихомировым, имевшая откровенно апологетический характер. В том же году в «Календаре Народной воли» рядом с портретами Герцена, Чернышевского, Бакунина, Лаврова, Перовской, Фигнер и др., помещенных на первых страницах, оказалась и фотография Нечаева. Таким образом, он приравнивался к когорте деятелей с, так сказать, безупречной революционной репутацией. Это была кульминационная точка в кампании по своеобразной «канонизации» Нечаева народовольцами.

Необходимо отметить, что большей частью народовольцы в своих оценках нечаевщины старались избегать нравственных оценок, рассматривая ее через призму революционной целесообразности. Такого рода революционный прагматизм был свойствен, к примеру, для Л.А. Тихомирова: «Идти так далеко никто не намеревался, а потому система Нечаева – шарлатанство, надзор, насилие, – были неизбежными. Честным, открытым путем нельзя было навербовать приверженцев», – так объяснял логику действий Нечаева один из самых видных идеологов народовольцев³⁴. Версию Тихомирова поддерживал и М.Ф. Фроленко. Он утверждал, что слабость нечаевской организации заключалась прежде всего в отсутствии «революционного духа» у ее членов: «еще не вполне пропала вера в возможность продуктивной легальной деятельности, когда чисто студенческие дела, как борьба за кассы взаимопомощи, библиотеки, право собраний, кухмистерские, отвлекали молодежь от общественных вопросов». Лишь значительно позже «на все реформы стали... смотреть как на заплаты, которые не только не помогаютчинить старое платье, а еще больше его раздирают»³⁵.

Подобные настроения необратимо вели к возникновению культа насилия, апологии террора, признания принципа «цель оправ-

дывает средства». Это осознавали и сами народовольцы. Насилие, писала В.Н. Фигнер, «вызывает ожесточение, развивает зверские инстинкты, возбуждает дурные порывы и побуждает к вероломству... И в этом смысле и правительство, и партия... конкурировали в развращении окружающей среды», ибо «партия провозглашала, что все средства хороши в борьбе с противником, что здесь цель оправдывает средства, вместе с тем она создавала культ динамита и револьвера и ореол террориста»³⁶. Именно в силу вышеописанных умонастроений позиции Нечаева и народовольцев в конце-концов оказались едва ли не идентичными.

Свою оценку нечаевщине, разумеется, дали и либеральные историки. Подавляющее большинство из них, особенно те, которые тяготели к более левым направлениям, продемонстрировали удивительную беспомощность и слепоту в трактовке нечаевского дела. Так, В.Я. Богучарский утверждал: «нечаевщина была в русском революционном движении лишь эпизодом, совершенно исключительным, не имевшим как таковая никаких корней в движении прошлом и вызывавшим к себе в среде последовавших поколений революционной молодежи лишь безусловно отрицательное отношение... умозаключать что-либо по ней о самом движении было бы совершенно несправедливо»³⁷. В деятельности Нечаева Богучарский усматривал лишь «моральное помешательство» и «прямую бессмыслицу»³⁸. Задаваясь вопросом, почему все же за Нечаевым «шли, шли не спрашивая даже о цели, во имя которой должны совершаться... истребления», Богучарский давал на него ответ, вообще стереотипный для либеральной и народнической историографии: «Общественно-политический строй России, – вот та среда, которая только и могла воспитать Нечаева и нечаевщину»³⁹. По его мнению, Нечаев, с одной стороны, мог «развить вполне свои природные свойства» только «под влиянием “внутренней политики” властей», которую Богучарский без обиняков характеризует как «произвол безграничный, абсолютный произвол», а с другой стороны, Богучарский обвиняет русское общество, которое, будучи по его словам, «приучено» к беспрекословному повиновению велениям III отделения, «легко поддавалось всякого рода «внушениям» и «гипнозу людей» с настойчивыми характерами»⁴⁰. Богучарский был не одинок в своих «гипнотических» объяснениях сути нечаевского дела.

Аналогичную точку зрения высказывал Л. Кульчицкий: «...он (Нечаев. – А.М.) был по-видимому хорошим, но несознательным гипнотизером»⁴¹.

Если в работах Богучарского деятельность Нечаева получила крайне негативную оценку, то С.Г. Сватиков, в работе, посвященной студенческому движению 1869 г., в весьма сочувственных тонах изображал деятельность Нечаева по подготовке студенческих волнений, поскольку они объективно подрывали устои самодержавного строя⁴².

Несравненно большую объективность и глубину оценок нечайского дела продемонстрировали либеральные историки, тяготеющие к консервативному лагерю, так называемые «правые либералы». Так, В.Ф. Цеховскому Нечаев представлялся своего рода «двойником» одного из героев романа «Бесы» Шигалева. «Шигалевщина, – отмечал Цеховский, – ...представляется нам махровым расцветом якобинства на русской почве»⁴³. Впрочем, в отличие от Достоевского, который судя по всему, существенно повлиял на оценки Цеховского, последний не отличался даром предвидения автора «Бесов». Так, говоря о том, что Нечаев «был шарлатаном русской революции», Цеховский оптимистически утверждал, что «если бы освободительное направление по вехам, которые расставлял для него Нечаев, оно кончилось бы полной неудачей и быстро бы погибло, как погибает все основанное на лжи и обмане»⁴⁴.

Особняком в либеральной историографии стоит анализ нечайского дела, осуществленный праволиберальным историком Б.Б. Глинским. В лице Нечаева, считал Глинский, русская революция «приобрела крупную фигуру, которая предопределила многие ее этапы, наметила пути ее развития и вписала в ее историю “пролог”»⁴⁵. Программа действий, которую изложил в «Катехизисе революционера» Нечаев, по мнению Глинского, «с некоторыми вариантами легла в основание всей дальнейшей активной русской революционной деятельности, нашедшей себе широкое применение в террористических актах партии «Народной Воли». Именно Нечаев, считал Глинский, «первым поставил вопрос о терроре ребром и дал ему реальное обоснование»⁴⁶.

По-своему весьма «высоко» (в отличие от большинства историков народнической и либеральной ориентации) Глинский оценил

результаты деятельности Нечаева как организатора и конспиратора, а также созданную им «Народную расправу»: «Появившись в Москве, – писал Глинский, – в начале сентября, он в течение всего двух месяцев успел развить очень широкую и интенсивную деятельность, впутать в свою хитроумную организацию множество (свыше 100) лиц разных сословий и профессий и положить в России реальный фундамент революционных организаций, которые именно он первый предложил, разработал и укрепил»⁴⁷.

Роль Нечаева, считал Глинский, «в развитии революционного движения в нашем отечестве решающая и доминирующая. Это должно было признано даже теми, – утверждал он, – кто несочувственно относится к этическим началам, заложенным в его деятельности, если только они желают быть справедливыми»⁴⁸.

Свою лепту в истолкование феномена нечаевщины внесли и основоположники марксизма, и их русские последователи. Нечаевское дело сослужило для К. Маркса и Ф. Энгельса добрую службу, позволив им взвалить весь позор нечаевщины, получившей скандальную огласку, на их тогдашнего главного соперника Бакунина и благодаря этому выгнать его со сторонниками из Интернационала. В нечаевском «Катехизисе» основоположники марксизма не увидели ничего, кроме стремления «установить анархию в области нравственности»⁴⁹. Нечаевская «утопия», обрисованная в статье «Главные основы будущего общественного строя» была иронически расценена ими как «прекрасный образчик военного коммунизма»⁵⁰. Термин «казарменный коммунизм» был употреблен ими первый и единственный раз именно для характеристики взглядов Нечаева.

Двусмысленность вышеприведенных оценок заключалась в том, что сами основоположники марксизма неоднократно высказывали суждения, которые были вполне «нечаевскими» по своему духу. Энгельс, к примеру, утверждал: «Для меня как революционера пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насилиственное, так и то, которое кажется самым мирным»⁵¹. Что же касается «казарменного коммунизма», то следует отметить, что некоторые основные положения статьи Нечаева «Главные основы будущего общественного строя» совершенно отчетливо перекликаются с идеями «Манифеста коммунистической партии»⁵².

Свою оценку нечаевского дела дали и русские марксисты. Г.В. Плеханов справедливо связывал нечаевщину с традициями «непосредственной революционной деятельности» и «боевой централистической организации», которые уже после ухода Нечаева с арены политической борьбы развивал и отстаивал лидер русского якобинства П.Н. Ткачев⁵³. Заслуживает внимания оценка мотивов деятельности Нечаева, данная В.И. Засулич. Наставая вслед за Михайловским на том, что «к счастью» столь «исключительных характеров не появлялось больше в нашем движении», она подчеркивала некую «маргинальность» фигуры Нечаева, который, по ее мнению, «не был продуктом... интеллигентской среды». Главное отличие между Нечаевым и большей частью современных ему революционеров Засулич усматривала в том, что «не взгляды, вынесенные им из соприкосновения с этой средой, были подкладкой его революционной энергии, а жгучая ненависть, и не против правительства только, а против всего общества, всех образованных слоев, всех этих баричей, богатых и бедных, консервативных, либеральных и радикальных»⁵⁴.

Заканчивая обзор дореволюционной историографии, нельзя не заметить, что в ней доминировали два диаметрально противоположных подхода в истолковании нечаевщины. Один, преобладающий, трактовал нечаевское дело как позорный и случайный эпизод русского революционного движения. Другой подход строился на оценке нечаевщины как законного детища этого движения, правда, одни историки в рамках этого подхода оценивали нечаевское дело отрицательно, другие – положительно.

С 1917 г. имя Нечаева в какой-то мере стало символом наступивших перемен, что было зафиксировано различными направлениями русской общественной мысли. Так, в одной из своих последних статей, напечатанных в 1918 г. в сборнике «Год на Родине», Плеханов, анализируя деятельность Ленина, без обиняков назвал его «нечаевцем»⁵⁵. Кадет А.И. Шингарев, незадолго до убийства его революционными матросами, записал в своем дневнике: «Какое поразительное сходство (Ленина. – А.М.), типичное, с Петром Верховенским из «Бесов». Гениальная картина Достоевского, возникшая по поводу процессов Нечаева только теперь понятна своей проникновенностью и прозорливостью. Разве не исполинская не-

часыщина охватила Россию и мучит ее в кровавом кошмаре»¹⁶. О том же писал в знаменитом сборнике «Из глубины» «веховец» А.С. Изгоев: «Нечасщина была первым крупным проявлением русского большевизма. Гений Достоевского сказался в том, что он тогда же по нескольким лишь чертам нарисовал всю картину, так страшно, до мелочей оправдывающую ныне»¹⁷. Даже Горький в «Несвоевременных мыслях» указывал на «всю несбыточность обещаний Ленина, на всю глубину его безумия и его нечаяевско-бакунинский анархизм»¹⁸.

Уже в первый же месяц после большевистского переворота в журнале «Былое» появляется статья эсеровского историка Е.Е. Коллосова, в которой он призвал подвергнуть пересмотрю отношение к Нечаеву, а также «признать честно и открыто, что нечаяевское дело имело глубокие корни в революционном движении и отнюдь не было каким-то «случайным эпизодом». Им же впервые ясно и недвусмысленно была высказана «назревшая» идея «исторической реабилитации» Нечаева: «с самим Нечаем... мы чувствуем себя примиренными»¹⁹.

После завершения гражданской войны сразу же появляется целый ряд исследований, в той или иной степени затрагивающих проблематику нечаяевского дела.

В книге «П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х годов» Б.П. Козьмин первым из советских историков указал на то, что основные идеи «Катехизиса революционера» «поразительно совпадают с идеями, высказанными Ткачевым в статье «Люди будущего и герой мещанства», опубликованной в 1868 г. в журнале «Дело». Там же Козьмин дал весьма позитивную оценку нечаяевского дела и призвал к тщательному пересмотру отношения к нему»²⁰.

«Реабилитационная» по отношению к Нечаеву тенденция быстро укоренялась в советской исторической науке. Немалую роль сыграла в этом процессе позиция основоположника советской исторической науки, видного большевика М.Н. Покровского, который в своем курсе лекций по истории революционного движения в России чрезвычайно высоко оценил деятельность Нечаева и Ткачева, характеризуя их как предшественников большевизма. С его точки зрения, «Программа революционных действий», вышедшая из круга Ткачева и Нечаева на ранней стадии нечаяевского

дела, содержала в себе ни много ни мало «план назначенной революции», который, как он утверждал, «реализовался почти буква в букву 25 октября старого стиля 1917 года»⁶¹. В самой организации «Народная расправа» Покровский усмотрел зародыш «партии нового типа»: «Некоторые черты будущей революционной организации, отлившейся в партию большевиков, в сущности говоря, имеются налицо уже в 60-х годах», – заявлял Покровский. – Требования конспиративности, известная планомерность и вооруженная сила, восстание как метод действия – все это имелось уже тогда»⁶². В его изображении «хождение в народ» являлось «наименее серьезным эпизодом всего движения 60 и 70-х годов, и как ни наивны... проекты (Нечаева и Ткачева. – А.М.), они все-таки в тысячу раз серьезнее»⁶³.

Возникшую и быстро укрепляющуюся апологетическую линию в исследованиях нечаевского дела продолжил М. Коваленский, увидевший в Нечаеве «грандиозную фигуру на пути русской революции», «сверхреволюционера» и даже «гения»⁶⁴. Коваленскому выпала сомнительная честь выступить в роли первого марксистского историка, который «ребром» поставил вопрос о реабилитации самой нечаевщины, как этики революционной деятельности. Он противопоставлял Нечаева «законникам буржуазной морали», «поклонникам автономной этики», всем тем, «для кого революция не высший закон»⁶⁵. В то же время он небезосновательно подчеркивал, что методы Нечаева были усвоены последующими поколениями революционеров: «От него, от его морали открешиваются всячески ближайшие его преемники по борьбе – чайковцы, но по его стопам вынуждены идти землевольцы, народовольцы, через каменные стены Петропавловских казематов – подает он руку Желябову, печать его гения ложится на целый период русского освободительного движения»⁶⁶. Коваленский также вполне правомерно поставил и вопрос о неслучайности возникновения нечаевщины: «Движение, захватившее сотни лиц, – писал он, – примыкавших к целому ряду аналогичных движений, не могло быть вызвано к жизни чьей-то личной волей. Оно, – отмечал Коваленский, – выросло на подготовленной почве и корнями своими уходило в геологические пласты русской жизни»⁶⁷.

В первой половине 20-х гг. XX в. вышли книги П.Е. Щеголева, Р.М. Кантора, Е.З. Волкова⁶⁸, в которых исследовались различные

эпизоды нечаевского дела и рисовался образ революционера «без страха и упрека», обладавшего железной волей, в деятельности которого даже отдаленно нельзя было усмотреть какие-либо негативные моменты.

Все вышеперечисленные работы подготовили благоприятную почву для появления объемистой брошюры А. Гамбарова «В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева», которая явилаась, пожалуй, самым ярким и по сей день непревзойденным образчиком апологетики Нечаева и нечаевщины, хотя в концептуальном плане автор всего лишь осуществил своего рода синтез взглядов Покровского и Коваленского и наполнил его фактическим содержанием. С его точки зрения, на страницах истории вообще «нельзя найти хотя бы одного революционера, сколько-нибудь напоминающего Нечаева»⁶⁹. По мнению Гамбарова, политическая программа Нечаева «впервые... намечала... сущность той политической борьбы, которая свое кристаллическое завершение получила лишь в движении русского большевизма»⁷⁰. Особую «гениальность» Нечаева Гамбаров усматривал в том плане, по которому Нечаев строил свою «Народную расправу». В его лице автор видел «первого и притом крупного партийного организатора»⁷¹, который создал организацию «профессиональных революционеров» ленинского типа⁷². В качестве важного доказательства принадлежности Нечаева к коммунизму Гамбаров считал статью «Главные основы будущего общественного строя». В ней он обнаружил идеи «национализации земли и промышленности», «современных трудовых школ», «равномерного и целесообразного распределения продуктов труда»⁷³. Подобные выводы делались Гамбаровым при помощи очевидного передергивания и тенденциозного истолкования фактов.

Весьма своеобразно большевистский автор оценивал и те приемы, которые обычно ставились в вину Нечаеву. С одной стороны, Гамбаров отрицал их использование, голословно утверждая, что студент Иванов, убитый Нечаевым, «действительно был предателем», что Нечаев никого не вводил в заблуждение, когда заявлял, что был арестован в конце января 1869 г., и т.д. С другой стороны, он утверждал, что нечаевщина «представляла единственно возможную форму борьбы в специфических условиях тогдашнего самодержавия»⁷⁴. «Если отбросить специфическую для 60-х го-

дов терминологию “Катехизиса”, то под его параграфами может подписьаться каждый профессиональный революционер-большевик», – утверждал Гамбаров⁷⁵.

Нам представляется, что настойчивые попытки реабилитации Нечаева были инициированы «головкой» большевистской партии. Так, В.Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что Ленин «часто задумывался» над нечаевскими изданиями еще в то время, когда «слова «нечаевщина» и «нечаевцы» даже среди эмигрантов были почти бранными словами, когда этот термин хотели навязать тем, кто стремился к пропаганде захвата власти пролетариатом, к вооруженному восстанию и к непременному установлению диктатуры пролетариата, когда Нечаева называли – как будто бы это особо плохо – «русским бланкистом»⁷⁶. По словам мемуариста, Ленин «нередко заявлял о том, какой ловкий трюк проделали реакционеры с Нечаевым, с легкой руки Достоевского и его омерзительного, но гениального романа «Бесы», когда даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции обладал такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись»⁷⁷. По мнению Ленина, «Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятные на всю жизнь»⁷⁸. Особенно «потрясла» Ленина цитата из листка «Народной Расправы», где Нечаев призывал до последнего человека уничтожить «весь дом Романовых»: «Ведь это просто до гениальности!»⁷⁹ Если верить воспоминаниям Бонч-Бруевича, то именно Ленину принадлежит первенство в формулировании «социального заказа» на реабилитацию Нечаева: «Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать», – неоднократно говорил Владимир Ильич⁸⁰.

Нет сомнения в том, что нечаевская тема разрабатывалась именно в том направлении, которое указывали большевистские вожди. После публикации брошюры Гамбара ситуация несколько изменяется. Вокруг книжки, содержащей массу фактических

неточностей и откровенных передержек, возникла дискуссия, в которой особую, на наш взгляд, роль сыграла статья Б.П. Козьмина «История или фантастика». В ней четко прослеживалась главная установка: показать недопустимость проведения каких бы то ни было аналогий нечаевщины с более поздними революционными течениями, включая большевизм. Книжка Гамбарова объявлялась рецензентом произведением попросту «вредным»⁸¹. Осуществляя вышеуказанную задачу, Козьмин, справедливо критиковавший многочисленные ошибки и натяжки, содержащиеся в гамбаровской брошюре, впадал в другую крайность, когда, например, утверждал, что в структуре «Народной расправы» можно найти прообраз белогвардейских организаций 1918 года»⁸², а идеи, содержащиеся в нечаевской статье «Главные основы будущего общественного строя», «могут найти в построениях современных анархо-синдикалистов»⁸³. При этом Козьмин склонялся к тому, чтобы объявить Нечаева не вполне последовательным бакунистом: «Идейное влияние Бакунина на Нечаева оказывается гораздо большим, чем думает Гамбаров»⁸⁴. Само нечаевское дело представлялось Козьмину «прямым переходом» от революционного движения 1860-х к движению 1870-х годов, когда, по его словам, «Бакунин стал властителем дум революционной молодежи, а его “Государственность и анархия” – ее евангелием»⁸⁵.

В своей рецензии Козьмин наметил исследовательскую программу, исходя из которой, по его мнению, необходимо было и дальше изучать нечаевское дело: «попытаться понять личность Нечаева в ее целостности, со всеми ее светлыми и теневыми сторонами и показать под влиянием каких жизненных условий эта личность развивалась и сложилась такой, какой она была на самом деле», а также «выяснить связь нечаевского дела с прошлым и будущим, проанализировать элементы того и другого в нечаевской эпопее»⁸⁶.

В известной степени эта программа была реализована в статье Козьмина «Сергей Геннадиевич Нечаев и его политические противники», которая являлась итоговой для всей посвященной нечаевскому делу историографии 20 – начала 30-х гг. XX в. В ней впервые появляется некая амбивалентность в оценке деятельности Нечаева и нечаевщины. Так, Козьмин заявил о неприемлемо-

сти попыток полного морального оправдания нечаевщины (к чему склонялось подавляющее большинство историков начала 20-х гг. XX в.): идти таким путем означало бы «возвести нечаевщину в норму, обязательную для каждого революционного деятеля, независимо от тех исторических условий и той обстановки, в которых ему приходилось работать»⁸⁷. Козьмин тем самым допускал мысль, что в известных исторических обстоятельствах нечаевщина могла быть вполне допустимой и оправданной. Исходя из этого, он следующим образом сформулировал главную цель своей работы: «Нечаев будет вполне реабилитирован в наших глазах, если нам удастся установить, что условия места и времени, в которых ему приходилось работать, делали неизбежным пользование приемами и методами, к которым он прибегал»⁸⁸. Все дальнейшее содержание статьи Козьмина представляло по сути дела развернутое доказательство этого положения. Козьмин показывал, как с самых первых шагов на революционном поприще Нечаев натолкнулся на активное противодействие ряда кружков, составлявших «весь цвет народнической интеллигенции того времени»⁸⁹, которые в своей деятельности исходили из того, что русский народ не готов к революции и рассчитывать на возможность народного восстания в ближайшем будущем ни в коем случае нельзя. Отсюда, утверждал Козьмин, вытекало их общее убеждение в том, что Нечаев «толкает революционную партию на авантюру, за которую ей придется дорого платить»⁹⁰.

Анализ и сравнение политических установок Нечаева и противостоящих ему кружков позволили Козьмину сделать вывод: «Люди, стоящие на... диаметрально противоположных точках зрения, соприкасаясь на почве практической деятельности, неизбежно должны были чувствовать себя врагами»⁹¹. Понимание этого обстоятельства «дает ключ к объяснению своеобразия тех приемов борьбы, какими пользовались друг против друга противники»⁹². Козьмин справедливо утверждал, что в результате расхождений в тактике и Нечаев, и его противники «забывали о том, что допустимо и недопустимо для революционера, и прибегали к таким средствам борьбы, которые... представляются почти невероятными»⁹³.

Итоговые выводы статьи Козьмина оказались вполне «комплиментарными» по отношению к Нечаеву и нечаевщине. «Опасность

обстановки, противодействие, на которое Нечаеву приходилось постоянно натыкаться, жестокая борьба, которую начали против него его идеиные противники, внутренняя слабость созданной им организации, впитавшей в себя элементы весьма ненадежные с точки зрения Нечаева, – все это, – утверждал Козьмин, – заставляло его не только по отношению к противникам, но и к товарищам по организации, прибегать к приемам, имеющим характер морального насилия и обмана»⁹⁴. В то же время Козьмин, объясняя возникновение нечаевщины, не связывал ее исключительно с деятельностью одного Нечаева, отмечая, что «элемент мистификации играл заметную роль во всем революционном движении 60-х годов, начиная с Зайчневского, выступавшего от имени несуществующего «Центрального Революционного Комитета» и... кончая Ишутином, в котором в отношении приемов работы можно найти немало общего с Нечаевым»⁹⁵.

Здесь надо особо оговорить одно обстоятельство. Может сложиться впечатление, что историческая литература 20 – начала 30-х гг. XX в. о нечаевском деле носила исключительно апологетический характер. Это, однако, не совсем так. Продолжала и в этих условиях существовать и прямо противоположная тенденция. Ее представляли по-преимуществу бывшие члены оппозиционных большевикам партий (меньшевики и эсеры), для которых критика Нечаева являлась по сути дела завуалированной формой критики большевизма. Наиболее ярким представителем этой тенденции был Л.Г. Дейч. В статье «Был ли Нечаев гениален?», написанной в противовес работам Коваленского и Щеголева, Дейч в категорической форме утверждал, что «моральные максимы» Нечаева не имеют ничего общего с «пролетарской идеологией». «Нельзя согласиться, – писал он, – с тем, что Нечаев будто бы «низложил старую буржуазную мораль», как раз наоборот: практиковавшиеся им приемы были целиком заимствованы у иезуитов и Макиавелли, следовательно, из буржуазного, а не пролетарского арсенала»⁹⁶. При этом Дейч явно занижал значение нечаевского дела в истории революционного движения: «...ничего не только особенного, но и сколько-нибудь разумного, целесообразного, полезного он (Нечаев. – А.М.) не совершил, – утверждал Дейч, – нельзя же в самом деле, находясь в здравом уме и трезвой памяти, признать создан-

ную им, путем сплошной мистификации, организацию из нескольких обманутых им молодых петровско-разумовских студентов, закончившуюся ничем не вызванным, возмутительным убийством несчастного Иванова, чем-то особенно крупным, благодаря чему он достоин зачисления в “сверхреволюционеры” и гении!»⁹⁷.

Начиная со второй половины 30-х гг. XX в., в исследовании нечаевского дела, как и всего народничества в целом, наступил застой, вызванный необходимостью для исторической науки следовать оценкам «Краткого курса истории ВКП(б)». Новый этап в изучении нечаевского дела наступил лишь после XX съезда КПСС. Тогда, после длительного и вынужденного перерыва у историков 50–80-х гг. XX в., казалось, должна была появиться реальная возможность, опираясь на историографические наработки своих предшественников и на солидную источниковую базу, создать обобщающее исследование по истории нечаевского дела. Этого, тем не менее, не произошло в силу целого ряда причин.

Дело в том, что объективное и глубокое изучение всех аспектов нечаевского дела неизбежно привело бы исследователей к выводу о том, что нечаевщина являлась, при всех оговорках, законным детищем революционного движения и, в свою очередь, оказала сильное воздействие на все дальнейшее развитие революционного процесса в России. В тех условиях опубликовать подобное исследование было невозможно, поскольку несмотря на известные послабления, свобода научного исследования была загнана в весьма жесткие рамки, за пределы которых было небезопасно выходить для любого исследователя.

В 60–70-е гг. XX в. «нечаевщина» начинает выступать в ряде работ как псевдоним «сталинщины». Именно тогда термин «казарменный коммунизм» приобрел в советской политической науке предельно широкое толкование. Под видом критики «нечаевщины» и «казарменного коммунизма» ряд публицистов призвали к отказу от «крайностей» революционной идеологии и практики в международном коммунистическом движении. По вненаучным соображениям они вновь, как во времена Михайловских и Лавровых, выводили деятельность Нечаева за рамки революционного движения: «нечаевщина и русское освободительное движение... явления не только глубоко различного, но прямо противоположного поряд-

ка... за мнимо революционной фразеологией Нечаева открывалась контрреволюционная сущность его принципов и дел», – так, к примеру, в то время писали Ю.Ф. Карякин и Е.Г. Плимак⁹⁸. Нечаевское дело, таким образом, вновь начинало всерьез рассматриваться как «порождение не революции, а самого старого строя»⁹⁹, а нечаевщина трактовалась как порождение деклассированных, люмпенских элементов мелкобуржуазной разночинской среды¹⁰⁰.

Таким образом, идеологизация истории революционного движения исключала и в тот период появление объективного исследования по истории нечаевского общества. Это, конечно, отнюдь не означало, что историки вовсе прекратили разработку данной темы, но они были вынуждены сосредоточиться на исследовании частных аспектов нечаевского дела: истории взаимоотношений Нечаева с Герценом, Бакуниным и Огаревым, связях Нечаева с балканскими славянскими революционерами, ролью Нечаева в становлении русского бланкизма и некоторых других второстепенных проблемах¹⁰¹.

Новый этап в изучении нечаевского дела датируется началом 1990-х гг. Историки уже не были связаны в своих поисках и выводах идеологической цензурой и получили возможность свободно и полно писать о всех аспектах нечаевского дела. Основными из современных публикаций являются такие, как: первое издание книги Ф.М. Лурье о Нечаеве¹⁰² и документальная публикация под редакцией Е.Л. Рудницкой «Революционный радикализм в России: век девятнадцатый»¹⁰³. Кроме того был опубликован ряд менее значимых для изучения нечаевского дела работ, в которых, однако, уточнялись его существенные аспекты¹⁰⁴. Предлагаемое исследование затрагивает ключевые эпизоды нечаевского дела и содержит трактовки, существенно отличающие его от во многом «публицистической» версии Ф.М. Лурье.

Начало нечаевского дела (осень 1868 – весна 1869 гг.)

Начало нечаевского дела можно уверенно датировать концом 1868 г., когда Нечаев совместно с П.Н. Ткачевым, В.Ф. Орловым, братьями И.В. и Е.В. Аметистовыми и др. предпринял первые энергичные попытки по созданию революционной организации, пытаясь использовать для своих целей студенческое движение.

Весьма осведомленный Ткачев связывал начало нечаевской истории именно с концом 1868 г., когда зародившейся нечаевской организации, несмотря на аресты весной 1869 г., удалось не только сохраниться, но и в дальнейшем еще более «усилиться, разрастись и окрепнуть»¹⁰⁵.

Первый период нечаевского дела хронологически совпадает с началом студенческих волнений, вспыхнувших в высших учебных заведениях Петербурга. Студенческое движение 1868–1869 гг. достаточно подробно описано в работах С.Г. Сватикова и П.С. Ткаченко, в которых дается сводка всего имеющегося в исторической литературе и относящегося к этому движению материала¹⁰⁶. Поэтому мы лишь постольку касаемся истории этого движения, поскольку это необходимо для понимания и описания собственно нечаевского дела.

Причины студенческих волнений во многом, что называется, лежали на поверхности, что и нашло соответствующее отражение в отечественной историографии. Так, П.С. Ткаченко объяснял причины студенческого движения общим положением России, «ее сложившимися социально-экономическими условиями». К числу этих условий Ткаченко относил неурожай, голод, лесные пожары зимы и весны 1866 г., приведшие к резкому снижению уровня жизни столичного студенчества. Ткаченко приводил в своем исследовании выдержки из обозрения III отделения по студенческому движению, красноречиво свидетельствующие о крайне тяжелом положении части студентов: «Тиф, чахотка и другие болезни, являющиеся следствием истощения сил, делают ежегодно обильную жатву среди этих бедняков»¹⁰⁷.

Несмотря на известную тенденциозность, содержащуюся в подобного рода объяснениях, в целом надо признать, что «великие реформы» царствования Александра II привели к частичной «маргинализации» общества, что не могло не сказаться на общем положении студенчества, особенно «разночинной» его части.

Но в данном случае это наиболее общее объяснение, само по себе и верное, нуждается в существенной конкретизации. Трудности, вызванные реформами, переживало все общество в целом, но были также и узкоспецифические, так сказать, чисто «студенческие» причины происходящих событий. Студенческое движение

1869–1869 гг. во многом было «логическим продолжением той борьбы, которую пережили в 1861 г. высшие учебные заведения Петербурга и Москвы»¹⁰⁸. Выстрел Д.В. Каракозова имел своим следствием введение правительством ряда стеснительных для студенчества мер. Оно было лишено права сходок, подачи коллективных петиций, организации касс взаимопомощи. Кроме того, был затруднен доступ в университет для политически неблагонадежных молодых людей¹⁰⁹. Конечно, в этих условиях неизбежно вызревала почва для конфликтов. И правящие круги не смогли адекватно отреагировать на создавшуюся ситуацию. Даже такой осторожный в своих оценках историк, как Б.Б. Глинский говорил о том, что «слепая» политика правительства в студенческом вопросе «играла решающую роль»¹¹⁰. Он также отмечал: «Система репрессий и мер без вдумчивого разбора категорий виновности толкала исключенных в объятия друг друга и создавала с каждым годом все более широкие и сплоченные кадры революционных борцов. Правительство и его наиболее деятельные представители, как, например, граф Д.А. Толстой, министр народного просвещения, закрывали глаза на это обстоятельство, не считали нужным в интересах блага страны с ними считаться и разобраться в разнородных иногда голосах, шедших из кружков молодежи»¹¹¹.

Но помимо всех вышеперечисленных причин была и еще одна, без которой студенческие волнения и беспорядки 1868–1869 гг. не приобрели бы столь широкого размаха. И эта причина прекрасно сознавалась представителями правящих кругов. В докладе министра юстиции отмечалось: «если по внешним признакам университетские события и не давали повода подозревать в волнениях какие-либо другие цели, кроме простого желания их иметь свои сходки и кассу, но, с другой стороны, внутренняя устойчивость и одновременность этих волнений во всех трех учебных заведениях показывали прямо, что учащаяся молодежь со своими заявлениями была не более, как орудием в руках людей, преследовавших совсем иные цели и бывших главным образом причиной беспорядков»¹¹².

Речь, конечно, в данном случае шла о деятельности революционного подполья, резко интенсифицировавшего в 1868–1869 гг. свою деятельность после арестов, после спада, вызванного арестами 1866 г. В период относительного затишья в этих крайне немного-

численных кругах постепенно вызревали экстремистские идеи и обдумывались формы «прямого действия», которыми революционеры пытались скомпенсировать свою малочисленность и отсутствие какого бы то ни было серьезного влияния на образованную часть общества и крестьянство.

Революционное движение после выстрела Каракозова пребывало в глубочайшем кризисе, казалось, сама почва уходила из-под ног революционеров. Общество упорно не воспринимало революционные идеи. Выразительное подтверждение тому можно, найти, например, в воспоминаниях одного из участников нечаевского дела З.К. Ралли: «То была пора крайне тяжелая для всего, что только было честного и неиспорченного среди русской молодежи (Ралли, конечно, имел в виду исключительно *революционную* молодежь. – А.М.). Каракозовский выстрел пожрал лучшие силы университетов: страх обуял русское общество. Мелочные интересы карьеры охватывали студентов. Наступил... момент временного упадка нравственных сил»¹¹³. В этом высказывании (а подобных ему можно привести десятки) любопытно даже не то, что «революционное самосознание» явно неадекватно воспринимало русскую действительность (ведь только что отменили крепостное право, начались земская и судебная реформы; значительно смягчилась цензура, бурными темпами стала развиваться промышленность; начался очередной взлет русской литературы и т.д.), а то, что на самом деле подлинные устремления революционного лагеря были сориентированы на совершенно иную проблематику, нежели тяжелое положение студенчества и крестьянства. Революционеров интересовала одна-единственная проблема: как революционизировать «спящее» общество, что сделать для того, чтобы «мелочные интересы карьеры» перестали волновать молодежь и она встала на революционный путь, ушла в подполье.

Именно в этих целях и было использовано студенческое движение. Революционеры успешно паразитировали на вполне законных студенческих нуждах в совершенно иных целях – спровоцировать столкновения с властями, добиться исключения из высших учебных заведений как можно большего количества студентов, чтобы пополнить ими ряды подпольщиков. А момент, между прочим, представился радикалам удобный. Дело в том, что студенческие

волнения 1868–1869 гг. имели некоторые характерные черты, которые резко отличали их от предшествующих волнений начала 60-х гг. Неформальные лидеры студенчества пришли во взаимную связь друг с другом, в том числе и в провинциальных высших учебных заведениях, куда посыпались делегаты для возбуждения «вопросов». «Благодаря этому, начинающие беспорядки в одном высшем учебном заведении влекут за собой отголоски и однородные же беспорядки и в прочих рассадниках просвещения, вследствие чего впоследствии, когда участники беспорядков остаются выброшенными за пороги аудиторий, они все являются как бы натасканными в одном общем направлении, готовыми к вступлению в ряды оппозиции с единными задачами, целями и единым жизненным формулляром, что в значительной мере способствует тесному сближению их между собою и укреплению уверенности, что деятели, например, юга, всегда пойдут рука об руку с деятелями центра, севера и востока, – отмечал Глинский. – Тут рекомендоваться не приходилось, достаточно было ссылки на исключенность из такого-то учебного заведения и по такому-то случаю, чтобы быть принятых в организацию других местностей»¹¹⁴.

Эти вышеперечисленные особенности студенческого движения 1868–1869 гг. были достаточно умело использованы активными нечаевцами.

Личность и взгляды Нечаева подробно описаны в уже упоминавшейся книге Ф.М. Лурье, поэтому относительно его биографии мы ограничимся изложением лишь тех фактов, которые отвечают задачам нашего исследования.

Сын бывшего крепостного, а затем мещанина-ремесленника, Сергей Геннадиевич Нечаев родился 20 сентября 1847 г. в селе Иваново Владимирской губернии. Он рос в чрезвычайно суровых жизненных и семейных условиях, сформировавших из него личность весьма волевой и деспотической складки. Не имея в силу своего социального происхождения возможности получить не только высшее, но даже и гимназическое образование, он самостоятельно, преодолевая многочисленные препоны, освоил курс гимназии и поступил вольнослушателем в Петербургский университет, одновременно работая учителем Закона Божьего в Сергиевом училище. Сохранилось несколько весьма содержательных

характеристик Нечаева, сделанных людьми, достаточно хорошо его знавшими. Так, один из знакомых Нечаева, А.С. Капацинский, вспоминал:

Нечаев даровит, серьезно относится к своему делу, обладает очень сильною настойчивою волею (он работал около 12 часов каждые сутки) ... Первое впечатление, которое производит Нечаев, неприятное, но остро заманчивое: он самолюбив до болезненности, и это чувствуется при первых встречах, хотя Нечаев и старается сдержать себя; он много читал... и особенно книги исторического и социологического содержания, и потому знаний у него много, хотя в ссылках на разных авторов он бывает иногда весьма недобросовестен; в спорах старается какими бы то ни было уловками унизить противника, – диалектикой он обладает богатой, и умеет задевать за самые чувствительные струны молодости: правда, честность, смелость и т.д., не терпит людей равных, а с людьми более сильными сурько молчалив и старается накинуть на этих людей тень подозрения. Он очень стоец в своих убеждениях, но по самолюбию, которому готов жертвовать всем. Таким образом, главная черта его характера – деспотизм и самолюбие. Все речи его пропитаны страстью, но очень желчной. Он возбуждает интерес к себе, а в людях повпечатлительнее и поглупее просто обожание, существование которого есть необходимое условие для дружбы с ним¹¹⁵.

Эту характеристику Нечаева существенно дополняет справка, составленная для нужд III отделения еще одним знакомым Нечаева, Ф.Ф. Пуцыковичем:

Все, один или раз видевшие его, видели в нем прежде всего человека работящего, вечно занятого, вечно о чем-то хлопочущего. Встретить его можно было не иначе, как с книгой: ту он относил, ту приносил, ту читал. Суетня эта с книгами происходила от того, что он любил постоянно читать и читал по несколько книг в одно время, перебегая от одной к другой. На столе у него лежало по несколько раскрытых и заложенных книг. Все вышедшее и выходящее на русском и отчасти на французском языке было им тотчас прочитываемо

и, если оно казалось ему замечательным, он употреблял все усилия, чтобы приобрести это в собственность. Последнее особенно можно сказать относительно книг по предмету его специальности. А специальностью его были прежде: история и география, а потом естественные науки. Писать же, кажется, он ничего не писал. Впрочем, занятия его не ограничивались книгами; много времени он жертвовал изучению разных ремесел: портняжного, сапожного, переплетного и столярного. На вопрос, зачем он это изучает, отвечал: «пригодится в жизни...» Как товарищ, он был, с одной стороны, хороший товарищ: честный, правдивый, охотно делящийся всем материальным с другими, но с другой стороны, был несносный, много спрашивающий и ничего о себе не говорящий, все толкующий в другую сторону, чересчур жестокий в обращении с другими, пренебрегающий приличиями, способный иногда на циничные выходки.

Но что всего более в нем отталкивающего, – это его крайний деспотизм относительно образа мыслей. Он мог мириться с тем, что его знакомые имеют понятия, убеждения не такие, как он, смотрит на вещи и действует не так, как он смотрит и действует. Но он не пренебрегал этими людьми, нет, он, напротив, с непонятною настойчивостью преследовал их, навязывая им свое. Нередко при этом приходилось страдать его личности, он он, кажется, обращал мало на это внимания. И вообще личностью свою он, по-видимому, нисколько не дорожил, с нуждою очень легко мирился, никогда не заявлял неудовольствия на свое положение и часто даже говорил: «Мы и так заедаем чужой хлеб». А когда ему возражали против этого, он обыкновенно ставил вопрос такой: «без нашего ученья те, которых не учим будут жить так же, как и теперь живут, а мы без них как станем жить?». А в спорах – он засыпал противника фактами, впрочем, часто и неправдоподобными. Да и вообще спорить спорить с ним было трудно: он был хороший диалектик. Эта-то черта и помогала ему много говорить, но ни в чем не высказываться, ставить положения, но не делать выводов, водить других вокруг пропасти, но не показывать им ее. Такому своему искусству он обязан был тем, что от него не все сторонились. Скрытность эта его простиралась до того, что едва ли кто из самых близких его знакомых может сказать, откуда он родом, где

учился, где был прежде и как попал на то место, которое занимал. Но, наоборот, вся жизнь, вся родословная его знакомых были ему известны, – этим, отчасти, он тоже держал около себя¹¹⁶.

Мы отобрали, пожалуй, наиболее яркие характеристики, данные Нечаеву его современниками. Бессспорно, это была яркая и незаурядная личность. Но все отрицательные свойства, присущие Нечаеву: болезненное самолюбие, крайний деспотизм, скрытность, в сочетании с нездоровым интересом к интимным сторонам жизни других людей, пренебрежение принятыми в обществе приличиями, цинизм, предельная нетерпимость и интеллектуальная нечистоплотность, разрастались с течением времени, как раковая опухоль. А в сочетании с сильной волей, невероятной трудоспособностью, умением очаровывать людей да еще помноженными на революционный радикализм, все эти негативные черты Нечаева стали и опасными для всех людей, попавших в сферу его деятельности.

Нечаев, по-видимому, примкнул к революционному движению только во второй половине 1868 г. Первое упоминание об этом можно найти в воспоминаниях Л.Б. Гольденберга, который хоть и не очень уверенно, писал об участии Нечаева в одном из собраний так называемой «Сморгонской академии». Часть деятелей этой организации была близка к Нечаеву на разных этапах его революционной карьеры (Ткачев, Черкезов, братья Аметистовы).

Главным побудительным мотивом деятельности Нечаева на всех этапах его революционной карьеры была глубокая вера в близость социального взрыва, который, по его замыслу, должны были в максимальной степени использовать революционеры. Поэтому всякого рода теоретические разногласия в революционной среде вызывали у него остройшую неприязнь, так как он искренне считал, что они отвлекают от «главного». Это настроение Нечаева очень ярко выражено в одном из его писем: «Время фразы кончилось, наступает время дела, – писал он, – нечего ждать почина авторитетных умников, на них надежда плоха. Надо... полагаться на свои силы, на силы бесприютного голодающего люда. Скоро – кризис в России, гораздо сильнее того, что был при объявлении воли обманутому царем народу; или опять наши умники, красноречиво глаголющие и пишущие, остановятся на словах и не бросятся возглавить народные толпы;

или опять мужицкая кровь польется даром и безобразные, неорганизованные, многочисленные массы будут усмирять картечью?»¹¹⁷.

На Нечаева серьезное влияние оказали некоторые идеи Бакунина, сформулированные в статьях, опубликованных в 1868 г. в первом номере эмигрантского журнала «Народное дело», получившем широкое хождение в кружках радикальной молодежи. Так, в статье Бакунина «Наша программа» излагались основные принципы организации будущего общества «на началах анархии». Первым условием «освобождения» в анархистском духе было безоговорочное признание материализма и атеизма, поскольку вера в Бога и «идеализм вообще» лишали-де народ энергии, «необходимой для завоевания его естественных прав и для полного устройства свободной и счастливой жизни». Вторым условием «народного освобождения» объявлялось уничтожение права наследственной собственности и права наследования как такового. Затем в статье следовали пункты об уравнении прав женщины с правами мужчины, уничтожения семейного права и брака, об общественном воспитании детей. Принципами устройства будущего общества объявлялись коллективное владение землей и капиталами, а земледельческие общины и рабочие ассоциации призваны были стать первичными ячейками федерации, идущей снизу доверху. Одновременно в «Нашей программе» провозглашалось право «всех народов, ныне угнетенных империей», на «полнейшее самораспоряжение». И, наконец, основным программным заявлением статьи было «искоренение всякой государственности».

Перепевы некоторых положений «Нашей программы» совершенно отчетливо просматриваются в документах, написанных в дальнейшем с несомненным участием Нечаева, в частности в «Программе революционных действий» и в особенности в статье «Главные основы будущего общественного строя» (о них речь пойдет ниже).

Впрочем, еще в большей степени повлияла на формирование мировоззрения Нечаева статья Бакунина «Постановка революционных вопросов», опубликованная в том же номере «Народного дела». В ней решительно заявлялось: «Путь освобождения народа посредством науки для нас загражден, нам остается... только один путь, путь революции, наше же дело подготовить всенародное восстание

путем пропаганды»¹¹⁸. «Нечаев был восхищен статьями «Народного дела» и на сходках повторял высказанные там мысли Бакунина,» – отмечал Ю.М. Стеклов¹¹⁹. Активный нечаевец В.Д. Черкезов передавал, что Нечаев говорил о том, что «программа “Народного дела” – весьма хорошая, что следовало бы приступить к осуществлению положений, высказанных «Народным делом», то есть насилиственного переворота. Брожение студентов нужно немедленно поддерживать, организуя их в кружки для осуществления тенденций «Народного дела»¹²⁰. О том же свидетельствовал на суде и ближайший помощник Нечаева Н.Н. Николаев. Он показывал, что Нечаев настойчиво проводил мысль о том, что «всякий честный человек должен бросить учебное заведение и идти в народ, чтобы быть ему полезным; развития для этого не нужно, нужно только желание помочь народу, потому что есть люди более развитые, которые уже будут управлять действиями менее развитых. Цель Нечаева была – поднять студенческое движение. Предполагалось, что народ сам поднимется, цель кружков из среды разночинной интеллигенции – направлять народное движение наиболее разумно и целесообразно»¹²¹.

Бакунинские инвективы в адрес науки были крепко усвоены Нечаевым. Ложная дилемма: «наука или революция» уже на ранней стадии нечаевского дела получила крайне экстремистскую интерпретацию. Так, Нечаев заявлял: «Ходить в школу учиться – ерунда, ибо все развитые люди и самое достижение ими развитости есть эксплуатация, так как развитые люди неизбежно эксплуатируют неразвитых»¹²².

Впрочем, гораздо более сильное влияние, нежели статьи Бакунина, оказало на формирование Нечаева каракозовское дело. В № 1 листка «Народной расправы» Нечаев заявлял: «Начало нашего святого дела было положено утром 4 апреля 1866 года Дмитрием Владимировичем Каракозовым!»¹²³.

С самого начала своей революционной карьеры Нечаев живо интересовался историей каракозовского дела. Он с жадностью выслушивал рассказы З.К. Ралли о знакомстве последнего с членами ишутинского кружка, когда тот был студентом Московского университета в 1865–1866 гг. Нечаев выпросил у Ралли несколько номеров герценского «Колокола», в котором были напечатаны статьи, посвященные каракозовскому делу под общим

заглавием «Белый террор»: – Хоть дайте в руках подержать его! («Колокол». – А.М.)»¹²⁴.

Что же так привлекало в «каракозовщине» Нечаева? На этот вопрос в самом общем виде можно ответить словами историка каракозовского дела Ковалевского: «идеологическое и психологическое родство ишутинцев и нечаевцев – несомненное»¹²⁵. К примеру, много было сходного в некоторых личных качествах Нечаева и Н. Ишутина. Последний, подобно Нечаеву, обладал живым темпераментом и был чрезвычайно инициативным человеком, умеющим организовать людей.

Особое место в «идеологии» ишутинцев занимал принцип «цель оправдывает средства». Ишутин, например, постоянно преувеличивал силы революционеров, придумал миф о несуществующем «Европейском революционном комитете» для того, чтобы привлечь в свои ряды как можно больше сторонников, использовал для «поднятия духа» фальшивые прокламации якобы от «Земли и воли» и т.д.

Многие идеи, бытавшие в ишутинской организации нашли отражение на страницах «Катехизиса революционера». Так, Ишутин характеризовал революционеров как обреченных людей, совершенно порвавших со старым миром. Член ишутинского «Ада» должен был жить под чужим именем, бросить семейные связи, воздерживаться от брака, бросить старых друзей и т.п. Его целью должна была быть «бесконечная любовь и преданность родине и ее благу», для чего член «Ада» должен был отказаться от личных наслаждений, сосредоточивая в себе ненависть и злобу к существующему строю.

Сходство ишутинцев с нечаевцами доходило порой до «мелочей». Когда один из членов ишутинской организации стал резко возражать «вождям», то всерьез был поставлен вопрос о его физическом устраниении, как слишком много знающего и потому опасного, если он отстанет от общества. Обращает также на себя внимание раскол на «умеренных» и «радикалов», произшедший в ишутинской организации, подобно тому, как это произошло с людьми, втянутыми в сферу деятельности Нечаева. В среде «умеренных», к примеру, не только говорилось о необходимости заставить радикалов подчиниться большинству, но и обсуждались

планы их «ликвидации», посредством высылки их из Москвы, помещения Д.В. Каракозова в сумасшедший дом, даже убийства отдельных лиц¹²⁶.

Подобные «совпадения» можно объяснить не только прямым заимствованием опыта «каракозовщины», но и наличием внутренней логики развития экстремистских группировок, заставляющей проходить их в своем развитии сходные стадии (нечто похожее можно обнаружить и в деятельности итальянских «Красных бригад», немецкой «Фракции Красной Армии» и т.д.).

Нельзя забывать, что между ишутинцами и нечаевцами существовали и отличия, суть которых, на наш взгляд, совершенно точно выразил Л.А. Тихомиров: «у бравых ишутинцев была такая анархическая каша в головах, что якобинец Нечаев едва ли мог от них происходить»¹²⁷. Но также несомненно, что Нечаев сознательно заимствовал некоторые существенные элементы «революционной практики» ишутинцев. Кроме того, в его организации оказались люди, в свое время в большей или меньшей степени связанные с ишутинской организацией (П.Н. Ткачев, В.Д. Черкезов, З.К. Ралли, П.Г. Успенский, И.Г. Прыжов), а они сыграли едва ли не определяющую роль во всем нечаевском деле.

Многое в мировосприятии Нечаева роднило его с позднейшими левыми экстремистами. Для него действительность как таковая являлась объектом радикального неприятия и исступленно-фанатического отрицания. «Этот мир “обреченный на гибель” мы считаем испорченным до того, – заявлял Нечаев, – что не видим в нем ни одного справедливого начала, а повсюду ложь и всеобщее растление»¹²⁸. В его устах эта была не пустая декларация, не звонкая фраза, а заявление принципиальной позиции, которая обязывала человека, на ней стоящего, ко многому. Говоря о своей уверенности в «ложности и неестественности» общественного порядка, Нечаев специально подчеркивал, что эта уверенность является для него «главной силой и опорой»¹²⁹.

Подобное умонастроение заставляло его рассматривать российский исторический процесс как сплошное зло, не считая эпизодических прорывов за его пределы в виде «бунтов» «В истории русской он [Нечаев] не видел ничего, кроме ряда волнений, во время которых, по его мнению, только и жил народ», – свидетель-

ствовал П.Г. Успенский¹³⁰. Впрочем, сам по себе «народ» Нечаева мало интересовал в силу своей принужденности и раздавленности условиями жизни, принципиальной неспособности осознать свои собственные интересы. «Все они, – писал Нечаев о народных мас- сах, – изнемогают в борьбе с чем-то, тщетно призывая на помощь, они ведут эту борьбу слепо, тратят силы бесплодно, не видя врага, который их давит»¹³¹. Одновременно с этим, считал Нечаев, «в на- роде именно и живут те чистые, неиспорченные начала, которые всегда при малейшей возможности, всплынут вверх»¹³². Что же это были за «чистые» и «неиспорченные начала»? Ответ на этот вопрос содержался в одной из нечаевских прокламаций, где он, заявляя, что декабристы «не понимали стремлений народных», с одобрением писал о совете декабриста А.И. Якубовича «разбивать кабаки, позволять грабежи и, взяв хоругви из церквей, идти пря- мо во Дворец для расправы с его обитателями». С его точки зрения «один только Панов, шедший во дворец, чтобы перерезать всю се- мью царя Николая со всеми домочадцами, имел истинно народный смысл и стремления мужика»¹³³. Успенскому же Нечаев говорил о том, что видит единственный путь борьбы – «путь развития ненави- сти в народе»¹³⁴.

Конечно, подобный «истинный народный смысл» был предме- том «интеллигентских» забот прежде всего радикальной интелли- генции нечаевской складки. Говоря о «народе», Нечаев фактически имел в виду некий идеализированный образ «отщепенцев» – терро- ристов. Народные движения, таким образом, не удавались в силу того, что народ не был подобной «интеллигенцией». Именно по- этому, с его точки зрения, «образованное общество… должно идти в народ, слиться с ним, дать ему силу, которую он не имеет, силу интеллигенции»¹³⁵. Радикалам вменялось в обязанность «поднять народ до себя», способствуя «развитию… тех бед и тех зол, кото- рые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию»¹³⁶. «Любить народ это значит водить его под картечью», – говорил Нечаев¹³⁷. Из всех этих идейных устано- вок вытекала, как ее называл П.Г. Успенский, «теория действий» Не- чаева. «Как бы вы, – спрашивал он Успенского, – например, посту- пили, если бы были приказчиком на каком-нибудь заводе? Я, – писал Успенский, – отвечал, что старался бы покровительствовать рабо-

чим и кроме того устраивал бы стачки между ними, если бы их положение было дурно. Он ответил, что совсем нет, что вы должны бы тогда давить их еще больше, чтоб рабочие возненавидели вас и в лице вас всех хозяев, и что при этом я не должен доводить их до взрыва. Или он говорил, что все дурные поступки, направленные против рабочих, должны идти как будто от хозяина, а все приятное для них, от людей, сочувствующих им и т.д. Тут же он говорил, что нужно распространять фальшивые бумажки и когда на мой протест против этого, что это падет на крестьян... он отвечал: ну что же делать, конечно, многие семьи могут пострадать, но зато общая польза того требует. Он также рассказывал, — продолжал Успенский, — что следует пользоваться такими случаями, как, например, в нескольких местах произвести грабежи, то нужно пустить слух, что это делал какой-нибудь один разбойник, с тем, чтобы такого разбойника все боялись»¹³⁸. Весьма характерна реакция типичного радикального интеллигента Успенского на подобное «теоретизирование», в основе которого лежал принцип «чем хуже, тем лучше»: «Я только удивился, — писал он, — откуда это взялась такая практичность, так как мне все это было крайне ново и любопытно»¹³⁹. Осенью 1868 — зимой 1869 гг. Нечаев вместе с «радикалами» активно агитировал за студенческую демонстрацию. Она, по их мысли, неизбежно привела бы к желательным для революционного подполья эксцессам, когда студентов массами исключили бы из высших учебных заведений. А это, в свою очередь, позволило бы существенно пополнить ряды революционеров.

Впрочем, на этом бы Нечаев не остановился. Планы его простирались значительно дальше. В идеале он задумывал саму демонстрацию обратить в вооруженный конфликт студенчества с правительством. В показаниях одного из ближайших сподвижников В.Ф. Орлова есть один интересный момент, на который стоило бы обратить особое внимание. Орлов утверждал, что Нечаев «говорил, что хотел устроить восстание студентов в Пассаже, объясняя это как конечный исход студенческого движения, после того как будут закрывать одно за другим все учебные заведения»¹⁴⁰. Конечно, такие планы не могли не встретить ожесточенного противодействия не только среди студентов, но и в среде революционеров того времени, которые в большинстве своем были настроены куда

менее решительно и лишь события последующего десятилетия выработали из многих требуемый тип террориста, готового на все.

То, что Нечаева абсолютно не волновали собственные студенческие проблемы, подтверждается всеми имеющимися в нашем распоряжении материалами. С циничной прямотой Нечаев, например, говорил Николаеву о том, что «было начато движение между учащимися с тем, чтобы вытолкнуть в народ как можно больше людей каким бы то ни было способом. Хотя бы даже исключением начальством из заведений»¹⁴¹.

Нечаев, впрочем, не «изобретал колесо». Такого рода тактику было принято осуждать на словах, но на деле ее в той или иной степени разделяли многие крупнейшие представители революционного движения того времени. Конечно же, можно привести и цитаты, в которых преисполненные «благородного негодования» революционеры осуждали подобную практику пополнения революционных рядов. Но на деле общая позиция революционного лагеря в этом вопросе была, мягко говоря, несколько иной.

В воспоминаниях землевольца Л.Ф. Пантелеева есть запись одного из разговоров с П.Л. Лавровым, в котором Пантелеев «высказал свое недоумение и сожаление, что сами по себе пустые университетские истории со стороны искусственно разжигаются и в результате получаются десятки и даже более выброшенных недоучек, ни к какой серьезной работе не подготовленных». «Что делать, – отвечал Петр Лаврович, – революционная партия так численно слаба, что для увеличения своих рядов она должна пользоваться всяким подходящим случаем, который ей представится»¹⁴². Это весьма откровенное высказывание одного из «столпов» революционной мысли пересекается с подобными высказываниями М. Бакунина. В одном из своих писем он вполне ясно выразил свое отношение к нечаевской тактике: «Ошибка Барона (псевдоним Нечаева. – А.М.), по моему мнению, – писал он, – состояла в не том, что он хотел окончательно оторвать молодежь от общества и поставить ее в бесцельно-враждебное отношение к нему, – это, по моему убеждению, необходимость, вытекающая из всего настоящего положения в России»¹⁴³.

По сходным мотивам отнюдь не осуждали подобную практику и Герцен с Огаревым. Первый писал по поводу студенческих беспорядков 1869 г. следующее: «В Петербурге опять история с сту-

дентами. Медицинская академия закрыта, беспорядки были в Университете, Технологическом институте и Землевладельческой академии. Недурно». Огарев же по этому поводу заявлял: «Пусть себе закрывают академии или подчиняют их военному министерству... рассыльное юношество соединится с народом... Если мы не подымем словом дух юношества – это будет просто подло»¹⁴⁴.

Цитаты, как ныне принято говорить, вполне «репрезентативные» и подтверждающие нашу точку зрения. Мало того. Нечаев не останавливается и перед тем, чтобы преднамеренно компрометировать в глазах III отделения тех или иных лиц. В показаниях И.Н. Лихутина мы читаем: «Из-за границы он [Нечаев] присыпал прокламации и письма тем людям, на которых был недоволен, за их несогласие с ним – у него образовалась безобразная теория, что стоит только человеку нагадить, то есть поставить его в дурную обстановку, и он будет стараться об распространении в народе недовольства, так что его присылки всяких прокламаций выходили прямо из его теории»¹⁴⁵.

Именно таким образом пострадал от Нечаева М.А. Натансон, тогда еще мало кому известный студент Медико-хирургической академии. Сохранилась запись одной из его бесед, в которой он, между прочим, высказывает благодарность Нечаеву за столь своеобразный способ приобщения к революционному делу: «до сих пор я, – говорил Натансон, – вспоминаю свои с ним [Нечаевым] встречи с чувством глубочайшей благодарности. Я считаю, что никому другому, как именно Нечаеву, я обязан тем, что еще в ранней молодости мне удалось встать на революционный путь, с которого я уже во всю оставшуюся жизнь никогда не сходил»¹⁴⁶. В этой же записи воспроизводится и аргументация Нечаева о допустимости и необходимости его тактики в отношении студентов: «если вы хотите, – говорил Нечаев Натансону, – чтобы из нашего студенчества вырабатывались готовые революционеры, старайтесь вести дело так, чтобы правительство возможно больше сажало их в тюрьму, вышибало бы навсегда из школы, отправляло бы в ссылки, выбивало бы навсегда из колеи, не давало бы им опомниться, оглушало бы их своими преследованиями, жестокостью, несправедливостью и тупостью. Только тогда, – подчеркивал Нечаев, – они закалятся в своей ненависти к подлому правительству, к обществу, равнодуш-

но взирающему на все его зверства и всю его бесчестность, ко всем тем, кто вместе с правительством и народными угнетателями»¹⁴⁷.

Такова была личность и такова была основа взглядов Нечаева уже на раннем этапе нечаевского «дела» (для реконструкции «ядра» этих взглядов, мы привлекли документы чуть более позднего периода, но очевидно, что таковыми они были с самого начала его революционной карьеры).

Студенческое движение началось, как утверждал С.Г. Сватиков¹⁴⁸, в Петербургской Медико-хирургической академии, в которой было меньше всего поводов для возникновения каких бы то ни было волнений. Дело в том, что в академии были и студенческая касса, и студенческая библиотека, и кухмистерская. Имелись там и курсовые старосты, принимавшие участие в распределении студенческих пособий¹⁴⁹. Но, понятное дело, если специально искать повода для столкновения с начальством, он рано или поздно представится. Так и произошло в Медико-хирургической академии, куда в 1868 г. инспектором был назначен некий полковник Смирнов. По словам С.Л. Чудновского, Смирнов «полагал, что раз дисциплина военная, то обязательна в ней воинская дисциплина, и таковая должна проводиться им последовательно, строго, без всяких послаблений»¹⁵⁰. Смирнову вменялось в обязанность преследовать неношение студенческой формы, несвоевременные взносы платы за слушание лекций, длинные волосы, курение папирос в неподложенных местах, непочтительное обращение с начальством и т.п.

В октябре 1868 г. этому инспектору попался на глаза «донельзя нервный юноша»¹⁵¹, студент второго курса Н. Василевский, куривший папиросу. Поскольку это было нарушением правил, Смирнов добился исключения Василевского из академии. После этого «начались бурные сходки, студенты потребовали возвращения в Академию Василевского, поднялись протесты против Смирнова»¹⁵². Начальству удалось погасить конфликт, вступив в переговоры со студентами и пообещав через короткое время разрешить Василевскому вновь поступить в академию. Этот эпизод, с которого собственно и начались волнения осени 1868 г., представляет особый

интерес, поскольку сохранившиеся архивные документы недвусмысленно свидетельствуют о том, что в нем активное участие принял Нечаев.

В одной из справок, написанных для III отделения бывшим студентом технологического института Н. Гончаровым, он описывал события в Медико-хирургической академии, отмечал: «Студенты согласились отомстить Смирнову за дерзкое его с ними обращение, во главе этих студентов был, между прочим, Нечаев»¹⁵³.

Нечаев не был студентом Медико-хирургической академии и, тем не менее, вряд ли случайно оказался в рядах протестующих студентов. По словам Е.В. Аметистова, студента-медика, жившего с Нечаевым в одной квартире и принимавшим активное участие в нечаевских конспирациях, Нечаев заинтересовался студенческим движением именно после инцидента со студентом Василевским¹⁵⁴.

При этом Нечаев был не один. Сразу же после возникновения волнений, последовавших после эпизода с исключением Василевского, в студенческие кружки началась «инфилтрация» людей, отнюдь не принадлежавших к студенчеству. Так, по приглашению Нечаева, была в октябре 1868 г. на одной из сходок в Университете знакомая его Е.Х. Томилова, сыгравшая весьма своеобразную роль в нечаевском деле на первом его этапе¹⁵⁵. Надо полагать, помимо Нечаева и Томиловой, в сходках принимали участие и другие деятели, связанные с революционным подпольем.

Приблизительно в это же время Нечаев, через посредство уже упомянутого Евлампия Аметистова входит в студенческий кружок З.К. Ралли-Арбore. Вокруг Ралли к осени 1868 г. объединился кружок, состоявший из студентов-медиков: Е.В. Аметистова, Федора и Валентина Покровских, М.П. Коринфского, д. Урсати¹⁵⁶. Этот кружок посещали студенты и других высших учебных заведений столицы. Этот кружок посещали студенты и других высших учебных заведений столицы. Помимо разговоров о чисто студенческих проблемах, велись и в нем иные беседы. Так, Ралли, немало рассказывал о своем знакомстве с каракозовцами и познакомил Нечаева с номерами «Колокола» со статьями о каракозовском процессе¹⁵⁷. Нечаев стал приглашать Ралли к себе, в Сергиевское училище, где он работал учителем Закона Божьего.

Вскоре вокруг Нечаева возник небольшой кружок, в который входили Владимир Орлов, братья Аметистовы и Чубаров. Вечера

у Нечаева происходили в декабре 1868 г. Ралли вспоминал: «все мы читали “Lanterne” Рошфора, книженку, изданную полицией об Иосафате Огрызко, и старые “Отечественные записки” с статьями о Роберте Оуэне и, наконец, добытую нами книгу Буонаротти о заговоре Бабефа. Эта последняя книга, – писал Ралли, – произвела на некоторых из нас потрясающее впечатление, и мы заговорили об организации политического общества в России. История декабристов, петрашевцев и воспоминания о Худякове и его рассказах о существовании какого-то тайного общества за границей были излюбленными сюжетами разговоров наших на этих вечерах»¹⁵⁸. Кружок, сложившийся вокруг Ралли, интересен тем, что почти все его члены приняли участие в нечаевском деле. Помимо этого кружка, существовали и другие, которые Нечаев также не оставлял без внимания. В своих показаниях Ралли упоминал о существовании кружков С.В. Езерского, Браилко, Р.А. Бирка и Н.Н. Катина-Ярцева¹⁵⁹. Здесь интересно упоминание о кружке Катина-Ярцева или, как его еще называли, кружке студентов-саратовцев. Он интересен тем, что из его среды вышли участники так называемого «Елисаветградского дела». Наиболее колоритной фигурой в этом кружке, пожалуй, был сам Катин-Ярцев. Участник «Елисаветградского дела» В.И. Кунтушев свидетельствовал, что Катин-Ярцев «развивал мысль об организации ограбления почт в целях приобретения средств на революционные цели»¹⁶⁰. Ралли в своих показаниях рисовал Катина-Ярцева крайним радикалом, который, будучи «на сходках в библиотеке Медицинской академии объявлял, что (студенты. – А.М.) должны протестовать, расходиться не иначе как после третьего залпа и т.д.»¹⁶¹.

Несомненно, что Нечаев поддерживал связь также с кружком И.Н. Лихутина. Он состоял из В.И. Ковалевского, Мокриевича, П.И. Попова, Ижицкого и ряда других студентов. Все вышеперечисленные лица в той или иной форме принимали участие на разных этапах в нечаевском деле. Этому кружку пришлось сыграть немалую роль в развернувшихся событиях осенью 1869 г., когда некоторые из его членов обманом и шантажом добились выдачи векселя на шесть тысяч рублей у бывшего участника каракозовского дела А.Н. Колачевского.

О подавляющем большинстве кружков, с которыми был связан Нечаев, мы либо ничего не знаем, либо знаем крайне мало. Исключ-

чение составляет кружок, возникший по инициативе студента-технолога Г.П. Енишерлова, который оставил обширные воспоминания, в которых подробно описал деятельность этого кружка. Сам Енишерлов сыграл далеко не последнюю роль в студенческом движении и в нечаевском деле. Еще в гимназические годы Енишерлов пришел к убеждению, что в основе политической деятельности должен лежать принцип «цель оправдывает средства». Этот молодой человек мечтал о «слиянии Христа-проповедника с Наполеоном-завоевателем». «Против силы – насилие, против неправды – ложь, против интриг и козней – система Лойолы»¹⁶², – так Енишерлов излагал свое тогдашнее кредо. Он «отрицал абсолютную честность, признавая лишь партийную»¹⁶³. Будучи еще «зеленым» гимназистом, Енишерлов, собрав несколько знакомых, зачитал им свою программу, выдавая при этом себя, как он выражался, «для большей важности за комиссара» несуществующей «могучей организации»¹⁶⁴, используя, таким образом, те приемы мистификации, которые в дальнейшем получили название «нечаевских». Когда один из членов его гимназического кружка задал Енишерлову следующий вопрос: «Да... вы подумали, во что обойдется народу этот “эксперимент” в случае неудачи?», – то Енишерлов отрубил: «Раскрывать перед вами силы организации я не уполномочен»¹⁶⁵. Если верить Енишерлову, впоследствии Нечаев «хорошо затвердил эту фразу», и она его «выводила» так же, как в свое время самого Енишерлова.

По окончании гимназии в Харькове Енишерлов поступил в столичный Технологический институт. Планы у него были воистину «наполеоновскими»: в течение нескольких лет сколотить «партию» и по достижении совершеннолетия, получив долю наследства в 27 тысяч рублей, основать за границей «орган независимой печати, разрабатывающий, по примеру Герцена, задачи текущей жизни – теоретически»¹⁶⁶.

Ему удалось привлечь нескольких лиц, возглавляемых неким Ферапонтовым, которые, по его словам, «не допускали никаких компромиссов, ставя упорный лозунг: «кто не с нами – тот против нас». Программой их была «социалистическая, атеистическая пропаганда; разрушение всех верований, привычек и понятий народа, – «этих пут», которыми его связывали по рукам и ногам, затем – с

помощью восставшего народа – разрушение всего существующего строя с целью – достичнуть анархического хаоса, из которого сам уже народ должен выработать строй будущей жизни»¹⁶⁷.

Деятельность этого кружка особенно интересна для нас тем, что в его среде возникла идея написания документа, который стал известен под названием «Катехизис революционера». В кружок входили помимо Енишерлова и Нечаева В.Ф. Орлов, Ферапонтов, Эгельстром, «Константин Николаевич» (полковник Томилов, муж Е.Х. Томиловой. – А.М.). На первых заседаниях Енишерлов отстаивал идею необходимости подготовки «заговора», военного переворота, предполагавшего «покушения на личность» и «иезуитский путь». Такая программа не получила у большинства одобрения, хотя «все согласились предоставить тот или иной способ действий – прямым путем, или путем иезуитским на усмотрение каждого из руководителей»¹⁶⁸.

«Только один худой, с озлобленным лицом и сжатым судорогою ртом, безбородый юноша, – вспоминал Енишерлов, – горячо пожав мне руку, сказал: С вами – навсегда, прямым путем ничего не делаешь: руки свяжут... Именно иезуитчины-то нам до сих пор и не доставало; спасибо, вы додумались и сказали: “Я – ваш”». Это был Нечаев.

Вскоре была разработана программа общества, которое возглавил «непримиримый» Ферапонтов. Целью общества провозглашалась социальная революция, которую следовало готовить путем пропаганды в народе и иных слоях общества. Программа допускала «безразборчивость в средствах», устройство тайных складов, типографий и притонов, использование условных письменных знаков, сбор пожертвований под фиктивными векселями и «право защищаться». Выходящий из общества член обязан был сохранять полное молчание о его деятельности, а изменник должен был караться смертью¹⁶⁹.

Члены кружка всерьез готовились осуществить эту программу. Ими был избран «Центральный комитет» в составе «Константина Николаевича» (Томилова), Ферапонта и Эгельстрома¹⁷⁰. Енишерлову и Нечаеву было поручено агитировать в среде столичного студенчества: Нечаеву – в университете и Лесном институте, Енишерлову в Медико-хирургической академии и Технологическом

институте¹⁷¹. Деятельность этого кружка была пресечена самым неожиданным образом. Об этом мы расскажем чуть ниже.

Хорошо известно, что Нечасев было также связан с кружком, носящим название «Сморгонская академия», возникшим в 1867 году и просуществовавшим до марта 1869 года. Расцвет деятельности этого кружка относится к 1868 году. Он может считаться соединительным звеном между ишутинцами, с которыми были связаны его члены Д.А. Воскресенский, В.Д. Черкезов и др. и нечесацами. Активизация деятельности этого кружка наблюдалась во время существования на артельных началах типографии С.И. Серебренникова.

В «Сморгони» дебатировался вопрос о цареубийстве, ее участники замышляли, подобно ишутинцам, освобождение Чернышевского. Их также интересовал вопрос о «Европейском революционном комитете». Участник кружка И.И. Бочкарев специально ездил за границу для того, чтобы попытаться установить связь с этим «комитетом». Относительно идейных воззрений членов «Сморгонской академии» можно судить со слов упомянутого Бочкарева: они стремились произвести в России государственный переворот – «хоть завтра, если бы был благоприятный случай»¹⁷² – в целях осуществления «социальной республики». Организация готова была воспользоваться для этого всеми возможными средствами, так, Бочкарев выскаживал полную солидарность с афоризмом одного из эмигрантских публицистов, М.К. Элпидина: «Наша цель – социальная республика, средства – все, что только мы признаем возможным и действительным»¹⁷³. Необходимость предварительной пропаганды в народе отрицалась – «пропаганда пятистепенное дело»¹⁷⁴. Помимо всего прочего, Бочкарев разрабатывал планы изготовления фальшивых кредитных билетов, указывая, что это средство, с одной стороны, приведет русское правительство к банкротству, а с другой, даст революционерам средства, необходимые для их деятельности¹⁷⁵.

Планы «Сморгонской академии» остались нереализованными. Поездка Бочкарева за границу оказалась по своим результатам неудачной, ему удалось лишь привезти в октябре 1868 года в Россию первый номер журнала «Народное дело» со статьями Бакунина, которые оказали сильное влияние на складывание мировоззрения Нечасева и его политической программы.

В отечественной историографии принято считать, что проблема «наука или труд» была определяющей и едва ли не единственной

составляющей идеологии радикальных кружков, тяготеющих к не-чаевцам. Это далеко не так. К примеру, показания Ралли (пусть и не вполне искренние) дают достаточно ясное представление о том, какие в действительности настроения царили на сходках радикалов и какие темы для обсуждений там преобладали: «Я доказывал... – писал Ралли, – и всегда стоял за то, что средства не могут оправдаться целью, что без улучшения нравов нельзя улучшить отношения между людьми, и что учреждение, купленное ценою крови, непременно падет, подавленное неодинаковым нравственным и умственным отношением людей, я указывал на французскую революцию, на историю Пугачевского бунта, как на факты, которые сами за себя говорят»¹⁷⁶.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что большая часть студентов, посещавшая сходки, была весьма далека от подобных настроений. В.И. Засулич пишет о состоянии студенческой массы ранней осенью 1868 г.: «Изолированность молодежи, отсутствие пропаганды в ее среде, отсутствие соприкосновения с людьми сложившегося миросозерцания, могущими помочь в разрешении вопросов «что делать?» – приводило ищущую дела молодежь в тоскливо тревожное состояние»¹⁷⁷. На таком психологическом фоне сходки должны были быть для молодежи привлекательными сами по себе. Большинство, как передает Засулич, рассуждало так: «Конечно, это не «дело», не работа для «блага народа», не «революция», но хоть «что-нибудь, какая-нибудь жизнь»¹⁷⁸. Вообще, воспоминания Засулич напрочь опровергают «социально-экономическую» версию студенческих волнений: «Кассам-то, собственно, несмотря на крайнюю бедность, – писала она, – придавалось лишь второстепенное значение – добьемся их, – хорошо, но если не добьемся, – тоже хорошо: сходки привлекательны сами по себе»¹⁷⁹.

После инцидента с Василевским в Медико-хирургической академии и других столичных вузах резко усилилось брожение среди студентов. Во всех существующих кружках велась агитация, и в декабре начали собираться сходки. Тон на этих сходках задавали люди из ближайшего окружения Нечаева: Е.В. Аметистов, З.К. Ралли, М.П. Коринфский, Г.П. Енишерлов, В.Ф. Орлов, братья Покровские, И.Н. Лихутин¹⁸⁰. По словам С.Л. Чудновского, «петербургское студенчество переживало тогда крайне напряженно-нервное состояние, оно волновалось, кипело, горело. Сходка

следовала за сходкой. Выпадали дни, в течение которых мне, – писал Чудновский, – приходилось бывать в разных частях города: на Петербургской стороне, на Васильевском острове, в Измайловском полку¹⁸¹. Подобного рода «горячка сходок» (выражение Ралли) по настоящему наступила примерно с Рождества. До этого сходки были сравнительно малочисленны и не вызывали особого резонанса в студенческой среде. Нечаев, конечно же, не оставался в стороне, и весьма активно посещал эти сходки. Засулич вспоминала: «...воля его чувствовалась всеми. Он заботился о достаточном количестве ораторов, в которых в начале особенно чувствовался недостаток. С личностями, чем-нибудь выдвинувшимися, отличившимися, тотчас же знакомился, уводил к себе в Сергиевское училище... и оговаривал, о чем говорить в следующий раз на сходке»¹⁸². Похоже, что именно в Сергиевском училище и возникла идея общестуденческого протesta. Так, И.В. Аметистов писал в своих показаниях, что «Нечаев и предложил нелепую мысль протестовать вместе с университетскими, технологами и медиками, переходя из одного заведения в другое...»¹⁸³. С началом больших сходок к концу декабря 1868 г. произошел раскол студентов, собиравшихся на сходки так называемых «умеренных» и «радикалов». «Радикалы» высказывались за подачу коллективного прошения о разрешении касс, сходок и т.д. за подписями возможно большого числа студентов министру народного просвещения. Они считали, что «если прошение не будет принято или ответ на него последует неудовлетворительный, необходимо будет устроить демонстрацию, для которой... предлагались различные проекты – от сходок и криков в аудиториях до шествия толпой к дворцу»¹⁸⁴.

«Умеренные», т.е. те активные студенты, которые и в самом деле, без всякой задней мысли, пеклись о студенческих нуждах, резонно возражали, что «коллективного прошения, конечно, не примут, за демонстрации исключат и вышлют, что к тому же, если бы даже подписались под прошением все, бывающие на сходках, все же их было бы крошечное меньшинство...»¹⁸⁵. Кроме того сторонники студента Езерского, лидера «умеренных», полагали, что «кассу можно устроить и без дозволения начальства, если не поднимать об ней большого шума, то на нее, наверное, посмотрят сквозь пальцы, сходки же можно заменить литературными, музыкальными и т.п. собраниями»¹⁸⁶.

Аргументация «умеренных» была вполне разумной и, видимо, соответствовала действительности. Но «радикалы» меньше всего заботились собственно о студенческих правах. Засулич свидетельствует: «Нечаевцы... в своих интимных собраниях говорили, что, конечно, демонстрациями касс и сходок не добьешься, да и не нужно, они только развратили бы молодежь, облегчив ее положение, но что демонстрации нужны для возбуждения духа протesta среди молодежи»¹⁸⁷. Не страшила их и угроза высылки студентов, они находили их, говоря словами «радикала» Л.П. Никифорова, «крайне полезными для тех глухих провинций, куда высланные товарищи внесут дух протеста и неудовлетворенную жажду знания и свободы»¹⁸⁸.

Общее число как «радикалов», так и «умеренных» было невелико. Если верить Засулич, «то и другие, вместе взятые, составляли маленькое меньшинство среди студенчества. Это была группа инициаторов, человек в 300, подобравшаяся из студентов 1-го и 3-го курсов всех тогдашних высших учебных заведений: Петербургского университета, медицинской академии, технологического и земледельческого института»¹⁸⁹. Б.П. Козьмин считал, что «цифра, приводимая В.И. Засулич, недалека от действительности»¹⁹⁰.

Понятное дело, «умеренные» делали все возможное, чтобы воспрепятствовать реализации планов «радикалов» и стоящего за ними Нечаева. «Умеренных» поддерживала и часть революционеров, не согласных с тактикой Нечаева. История сопротивления «нечеевщине» во многом освещена в известной работе Б.П. Козьмина «С.Г. Нечаев и его политические противники». Он подробно описал попытки противодействовать Нечаеву со стороны М.А. Натансона, Ф.В. Волховского, Г.А. Лопатина, М.Ф. Негрекула. Но Козьмин во многом бы написал свою работу иначе, если бы имел в своем распоряжении воспоминания Енишерлова. В них Енишерлов довольно подробно касается деятельности некоего «Общества принесения пользы народу»¹⁹¹, возглавляемого Е.Х. Томиловой. В него входили активные противники Нечаева, целью которых было парализовать его деятельность, как и других экстремистских групп, пытающихся встать на путь насилия.

«Обществу принесения пользы народу» удалось фактически ликвидировать кружок Енишерлова – Ферапонтова – Нечаева, в

деятельности которого наметились опасные тенденции. Енишерлов рассказывает, как через несколько дней после того как кружок собрался реализовывать свои планы и даже избрал «Центральный Комитет», его «похитили» и, завязав глаза, привезли в какое-то помещение, где уже в полном составе (за вычетом Нечаева) сидели сконфуженные члены «Центрального комитета»¹⁹². Их вынудили принять новую программу, в которой основной целью провозглашалось «поднятие нравственного и умственного уровня развития всего народа» и помочь ему «всеми легальными путями». «Иезуитчина» напрочь была отброшена, вместо этого провозглашались «полная искренность и честность в поступках, прямота слова, неподкупность и самопожертвование». Кроме того, новым членам «Общества» вменялось в обязанность противодействовать «всем учениям, толкающим молодежь к погибели»¹⁹³. Во время этого загадочного «заседания» Ферапонтов сложил с себя председательство, «присужденное почти единогласно старику Эгельстрому», а Орлов и Нечаев были исключены из общества¹⁹⁴.

Енишерлов не указывает в своих воспоминаниях фамилий тех лиц, которые осуществили эту таинственную акцию, за исключением полковницы Томиловой, сыгравшей немалую роль в нечаевском деле на первом этапе его развития. Томилова была человеком либеральных убеждений, но считала своим долгом поддерживать контакты с революционерами с целью противодействия их планам. Енишерлов следующим образом передавал ее тогдашние взгляды: «наше правительство идет впереди народа. Это не значит, что у нас все обстояло благополучно: бюрократия, кулачество, казенные и общественные пироги, народная нищета и неравенство, суеверие и пьянство – вот истинные враги России. С ними должно бороться легальными средствами. У правительства и без нас очень много врагов: женевцы (сторонники Бакунина. – A.M.), с одной стороны, крепостники, Катковы и ташкентцы – с другой; не будем играть в их карты»¹⁹⁵. Томилова объясняла Енишерлову свои решительные действия по отношению к его кружку тем, что он, сам того не желая, хотел «разрушить все», над чем она и ее друзья «около десяти лет работали». «Вы надоумили Нечаева, а теперь я ничего с ним поделать не могу, – выговаривала она Енишерлову. – Он отбивается у меня из рук! Как человек без инициативы, он шел, куда его

вели, теперь же – вы ему свою Америку открыли, и усмирить этого разбойничего Писарро будет стоить большого труда»¹⁹⁶.

Трудно сказать точно, когда и где Нечаев познакомился с Томиловой. Из неопубликованных воспоминаний Ралли можно узнать, что Нечаев занимался французским языком с Томиловой, «читая по вечерам историю французской революции Мишле» в ноябре – декабре 1868 года¹⁹⁷. Томилова, очевидно, имела с самого начала знакомства с Нечаевым представление о характере его деятельности. Известно, что незадолго до Рождества Нечаев, прия к Томиловой, рассказал ей, что совершенно неожиданно собралась огромная (по тем временам) студенческая сходка в 400 человек, на которой было решено просить начальство о разрешении сходок и кассы¹⁹⁸. Орлов в своих показаниях также свидетельствовал, что Томилова «бывала часто у Нечаева до его побега»¹⁹⁹.

Закономерен вопрос, почему после того, как Томилова фактически ликвидировала кружок Енишерлова – Ферапонтова – Нечаева, последний не порвал с ней, зная, что она и впредь будет противодействовать усилиям «радикалов»? Енишерлов это объяснял тем, что Нечаев в свойственной ему манере пытался «использовать» Томилову. На следующий день после вышеописанных событий Нечаев предложил Енишерлову идти «рука об руку»: «Теперь я знаю, куда мне идти, – говорил Нечаев Енишерлову, – а вы должны знать, среди какого народа придется нам открывать свою компанию». По отношению к томиловской «компании» Нечаев был настроен весьма решительно: «Так это все – грошевые либералишки, и мы можем их тоже похерить, да ведь – киса-то у них, кошель, понимаете?.. Ну а без связей мы ничего не поделаем». Далее в своих воспоминаниях Енишерлов приводит следующие слова Нечаева: «Вот вы своим “заговором” барыньку [Томилову] напугали, и она теперь будет за вами увиваться: принесите-ка вы ей такое же покаяние, как и я, – наставлял Нечаев Енишерлова. – Тут-то ваша теория и должна блистательно подтвердиться! Высосем мы из них сок, как из лимона, да их же и бросим в лоханку, в III-е отделение»²⁰⁰. Такой откровенный цинизм настолько поразил Енишерлова, что он в этот же момент про себя принял решение «обмануть не ее, а его»²⁰¹.

Несмотря на то, что воспоминания Енишерлова воспринимаются порой как нечто неправдоподобное, особых оснований сомневаться в достоверности приводимых им фактов нет. Н.М. Пи-

румова по этому поводу писала: «В 90-е годы, когда он [Енишерлов] писал свои воспоминания, был он либералом-постепеновцем, мечтающим о демократических свободах и прежде всего свободе слова при сохранении монархии. Рукопись не предназначалась для публикации, так как автор считал, что если она и сможет увидеть свет, то только тогда, когда «от Петропавловской крепости не останется «камня на камне». Енишерлову не было никакой нужды что-то выдумывать: «...другие факты, описанные мемуаристом... подтверждаются документами, воспоминаниями, судебными отчетами»²⁰².

Конечно, в мемуарах Енишерлова имеются неточности (вполне понятные, если учесть, что они писались около 1886 г.), бесспорно, что Енишерлов порой весьма сильно преувеличивал свое влияние на Нечаева и свою роль в нечаевском деле, но в целом они достоверны.

При чтении этих мемуаров может создаться впечатление об их авторе как о человеке неуравновешенном, подверженном истерикам и т.д. Это обманчивое впечатление. Жандармская справка атtestует его следующим образом: «Енишерлов умен, энергичен, фанатик своих крайних либеральных убеждений, готовый на все, для него нет препятствий»²⁰³. Так или иначе, из воспоминаний Енишерлова становится ясно, что уже с конца декабря 1868 г. Нечаев становится объектом пристального внимания группы лиц, поставивших своей целью максимально помешать осуществлению планов крайнего крыла революционного подполья. Нечаев хорошо знал об этом и, в свою очередь, пытался использовать связи и денежные средства этой группы, ведя себя при этом весьма осмотрительно. Енишерлова он предупреждал: «Только вы того... осторожнее, полиция у нее [Томиловой] образцовая»²⁰⁴.

Томилова, в свою очередь, постаралась удержать Нечаева около себя, пообещав ему за «хорошее поведение» ввести в кружки, которые были ей известны, и проникнуть в которые без соответствующей рекомендации Нечаеву, судя по всему, было невозможно²⁰⁵. При этом она поставила условием проведение «умеренной» линии на студенческих сходках: «...бывайте время от времени на сходках... делайте оппозицию бакунинской пропаганде, спасайтеучащийся народ – будущие силы – от погибели, зовите их в аудитории

учиться и сами учитесь!» Нечаев и Енишерловы были «прощены» и, как пишет об этом последний, «удержали свои роли на студенческих сходках»: Енишерлов в технологическом институте, Нечаев в университете, «академия была поручена Ралли, а лесной институт – Эгельстрому-младшему». Только теперь вместо «стремления к демонстрациям и заговорам» они обязаны были «локализовать... возникшее движение»²⁰⁶. «Нечаеву я даю роль потому, что не могу не дать: тогда он пойдет «противу рожна прати», и Бог знает до чего может довести нас, – так объясняла Томилова свое стремление сохранить «добрые отношения» с Нечаевым, – если он окажется верен в малом, я, – продолжала она, – дам ему и большее, лишь бы его честолюбие на дыбы не вставало»²⁰⁷. Нечаев поначалу придерживался навязанной ему линии поведения. По словам Енишерлова, «на общих сходках он восставал против всяких резких мер, выказывал в своих страстных речах, что и кухмистерская, и стипендия, и библиотека – все это такие маленькие дела, из-за которых не стоит губить своей будущности, что впереди идет «общее великое дело», которое он всегда рисовал очень туманно и общими неопределенными фразами»²⁰⁸. Это сообщение Енишерлова подтверждается и материалами следственного дела. Нечаев и в самом деле вплоть до большой сходки, состоявшейся 5 января 1869 г., вел себя осторожно. Можно привести в качестве примера его выступление на одной из осенних сходок (в передаче И.Н. Лихутина): «Студенты очень разбросались, им нужно сплотиться, касса и сходка будут им в этом помогать, все это будет с разрешения начальства, которое не откажет, так как тут нет дурного»²⁰⁹.

К началу января Нечаев резко изменил свое поведение. «Видимое дело, – писал Енишерлов, – он закусывал удила: еще несколько успехов среди учащейся молодежи, еще десяток – другой единомышленников – и это уж будет партия, опираясь на которую, он сбросит маску, и тогда с ним придется считаться»²¹⁰. Опасность, с точки зрения Томиловой и Енишерлова, была столь велика, что последнему было поручено на кружковых сходках подготовливать оппозицию Нечаеву, а на общих студенческих собраниях против него выдвинули Езерского»²¹¹.

Что же заставило так резко изменить тактику как Нечаева, так и его оппонентов? Дело в том, что деятельность Нечаева, конечно

же, не ограничивалась исключительно контактами с представителями «Общества принесения пользы народу» и теми кружками, которые были описаны выше. Никого и ничего не упуская из виду, стараясь со всеми поддерживать связи, Нечаев в то же время искал людей для создания собственной организации. И в чем-то ему это в значительной мере удалось, после того, как он завязал контакты с П.Н. Ткачевым, действуя совместно с которым, он заложил основы организации. Упоминания о связях Ткачева и датируются концом декабря 1869 г. Возможно, что их знакомство произошло и раньше, но совместная деятельность относится именно к декабрю, когда Нечаев стал предпринимать усилия по созданию так называемого «Комитета». В исторической литературе «Комитет» принято считать мистификацией Нечаева. От имени этого «Комитета» он явился за границу к Бакунину и Огареву, от его же имени действовал впоследствии, по возвращении в Россию, создавая «Народную правду». Существовал ли подобный «Комитет»? Да, по нашему мнению, на начальной стадии нечаевского дела, то есть до первого отъезда Нечаева за границу такой «Комитет» существовал.

Попытки его создания описаны в воспоминаниях З.К. Ралли, который писал о том, что в начале 1869 г. Нечаев, совместно с В.Ф. Орловым пригласил нескольких лиц на его собрание, которое должно было состояться у Ткачева и на котором предполагалось обсудить вопрос о составлении группы из среды литераторов для поддержки студентов и их движения.

На собрании помимо Ткачева присутствовали также А.Д. Дементьева (гражданская жена Ткачева) и Е.Х. Томилова. Поначалу речь действительно шла о привлечении печати на сторону студенческого движения, но когда большая часть собравшихся разошлась, Ткачев и Нечаев попросили Ралли остаться. Разговор предполагал быть серьезным и посторонние уши (вроде Томиловой) здесь были неуместны. Ткачев «предложил... составить временный Комитет для руководства движением студентов, указывая, что желательно было бы привлечь к движению другие университеты»²¹². Ралли, признав организацию комитета целесообразной, заявил, однако, что «такой комитет должен быть оставлен из делегатов от существующих студенческих кружков»²¹³. Против этого предложения оказались и Нечаев и Ткачев, находя лучшим создать комитет из студентов, намеченных ими, а отнюдь не обращаться за этим к

кружкам. «Кружки должны будут признать комитет и подчиниться его директивам» – заявил Нечаев, – таким образом мы сможем использовать кружковую организацию студенчества». Ралли счел это заявление «бестактным», поскольку его «делали люди, не принадлежавшие студенческой среде, и делали его мне, – писал Ралли, – одному из представителей кружковой организации»²¹⁴.

В конце концов было решено «собраться еще несколько раз для разрешения этого вопроса»²¹⁵. На втором собрании у Ткачева вопрос об организации «Комитета» не поднимался, поскольку организация под таким названием составилась-таки, вопреки замыслам Нечаева и Ткачева, из среды самого студенчества. Студенты избрали делегатов для поездки в другие университетские города с целью приобщить студенчество университетов Казани, Харькова, Киева и Москвы к движению студентов Петербурга²¹⁶. В эту чисто студенческую организацию вошли по преимуществу представители «умеренных», людей, настроенных куда менее революционно, чем это хотелось бы Ткачеву и Нечаеву.

По возвращении из поездки в Москву, куда Ралли отправился в качестве делегата, он был вновь приглашен Нечаевым в Сергиевское училище. Туда же были приглашены Евлампий Аметистов, Орлов и Енишерлов²¹⁷. Ралли вспоминал: «Сергей Геннадиевич предложил собравшимся составить опять-таки комитет для руководства студенческим движением, а Орлов, рисуя схему централизованной организации, как бы дополняя предложение С.Г., предложил составить внестуденческую организацию из людей, выбираемых среди студенческого движения»²¹⁸. Но и на этом собрании окончательного решения не было принято.

Как видно, попытки создать «Комитет» Нечаевым предпринимались неоднократно, и каждый раз они терпели фиаско. Тем не менее, есть основания предполагать, что помимо вышеупомянутого студенческого комитета существовал еще другой, преследовавший иные цели.

В мемуарах Ралли, изданных на молдавском языке, упоминается о существовании «комитета действия», состоявшего из Нечаева, Ткачева, Орлова, Ралли, братьев Аметистовых и еще трех лиц, который по инициативе Ткачева и Орлова был преобразован в «Комитет русской революционной партии» в составе Ткачева, Нечаева, Ралли, Аметистовых, Сирякова, Никифорова, Орлова и Л.²¹⁹.

Между тем, в другой редакции своих воспоминаний, Ралли называет революционный «Комитет» – «фантазией Нечаева»²²⁰. Как же объяснить это противоречие? Очевидно, Ралли не считал «Комитет» и в этом составе достаточно серьезной организацией (тем более, что его воспоминания писались с высоты приобретенного богатого революционного опыта, в сравнении с которым конспирации конца 60-х выглядели детской игрой). Скорее всего это была инициативная группа, пытавшаяся придать студенческому движению политический характер. Но студенты, входившие в ее состав, вряд ли являлись последовательными и убежденными революционерами – конспираторами, в отличие от Ткачева и Нечаева, которые лишь использовали этих людей в своих целях.

Только так можно объяснить смысл следующих строк из неизданных воспоминаний Ралли, где он говорит: «Не знаю, но очень может быть... *Нечаев составил этот комитет с Ткачевым* (курсив наш. – А.М.)²²¹. В этом сообщении нет ничего удивительного и неправдоподобного. В то время эти два видных деятеля революционного подполья не могли не испытывать недостатка в проверенных революционных кадрах и, разумеется, в этих условиях их связывали особые отношения. Косвенное подтверждение этому нашему утверждению можно найти у жандармского историка Ф.А. Гилярова, который, давая характеристику участникам нечаевского дела, писал о том, что «только в Нечаеве, да еще разве в Успенском и Ткачеве, приметны черты агитаторов последующего времени; прочие – жертвы, обманутые и брошенные, пожалуй, даже выданные Нечаевым»²²².

Существование «Комитета» подтверждается (со слов активного нечаевца В.Д. Черкезова, впоследствии известного анархиста) М. Неттлау, который писал о том, что в начале 1869 г. «в России существовало студенческое движение с агитационным комитетом во главе, к которому Нечаев стоял очень близко. Несомненно, что Нечаев дал Бакунину преувеличенные сведения об этом комитете и, заметив сильное впечатление, произведенное его личностью и столь долгожданными известиями о существовании действительной организации в России на охваченного энтузиазмом Бакунина, он впоследствии постепенно стал мистификатором, искренне стремясь при этом действовать на пользу революции и вместе с

тем оставаясь по существу бланкистом-террористом, чуждым более благородных свободных воззрений»²²³. Это сообщение Наттлау фактически подтверждает и Ралли: «Нечаев, познакомившись с Михаилом Александровичем, на первых порах был почти что правдив и только преувеличивал количественно круг своих связей в России»... По его словам, Нечаев, «приехавший в Женеву, объявил себя делегатом революционного комитета, который будто бы существует в России, как на члена комитета он указывал на Ткачева (курсив наш. – А.М.), о котором Бакунин слышал, остальные фамилии ему был абсолютно неизвестны»²²⁴. Вряд ли Нечаев в данном случае лгал, тем более, что революционная эмиграция поддерживала связи с Россией и утверждения Нечаева сравнительно легко поддавались проверке.

Точно неизвестно, когда возник «Комитет». Но можно предположить, что толчком к созданию его послужила большая студенческая сходка 5 января 1869 г., окончательно расколовшая активное студенчество на два лагеря. Этой сходке предшествовали следующие события. На общестуденческой сходке, которая состоялась 1 января 1869 г., где «главным оратором был Нечаев», который «в речах решительно не выходил из пределов студенческих интересов»²²⁵ было решено устроить 8 января сходку в университете, которая должна была завершиться подачей студенческих требований ректору. Столкновение, таким образом, казалось было неминуемо. Но «умеренным» удалось «переиграть» Нечаева и назначить общестуденческую сходку 5 января. К этому времени из Москвы заявились «делегация» во главе с Феликсом Волховским, который активно выступал против Нечаева и «радикалов».

На сходке 5 января Волховский выступил с речью, в которой доказывал «несвоевременность всякого демонстративного движения» и «умолял студентов поступиться своими требованиями» или, по крайней мере, «предъявить их в более мягкой форме»²²⁶.

Речь Волховского произвела огромное впечатление на собравшихся, и тогда, чувствуя, что его планам грозит опасность быть сорванными, Нечаев «скинул, наконец, свою маску»²²⁷. Енишерлов пишет о «диком красноречии» Нечаева, которое, по его словам, «увлекло за собою Льва Никифорова и З. Ралли – двух самых эффективных ораторов из университета и академии. Они, – продолжал

Енишерлов, – произнесли блестящие речи в защиту студенческого протesta, могущего быть поворотным пунктом для пробуждения общественного самосознания»²²⁸. Их поддержал и Ткачев²²⁹.

О содержании «дикого красноречия» Нечаева можно судить по воспоминаниям Л.Б. Гольденберга, который писал о том, что Нечаев, стремясь вызвать «немедленное восстание», «настаивал на демонстрации на площади перед Зимним дворцом, где должны были быть предъявлены различные требования». Он требовал, чтобы молодежь «отправлялась в деревни в качестве книгонош, возбуждая народ против правительства и будя революционное настроения»²³⁰.

Вслед за «радикалами» на сходке 5 января выступил с длинной речью лидер «умеренных» Езерский. В своих показаниях он следующим образом передает суть своего длинного и темпераментного выступления: «соединение медиков и технологов и университетских студентов не должно иметь места, это – пустая демонстрация; сходки надо прекратить, ибо на них больше кричат, чем обсуждают... т.к. дело не обсужденено, сходке 8 января буду препятствовать всеми мерами»²³¹. Кроме того, Езерский предложил поставить на голосование вопрос о недопустимости сходки 8 января, которая грозила обернуться конфликтом с правительством, и это голосование дало Езерскому «огромный перевес»²³².

Словом, Волховскому и Езерскому удалось оттянуть начало студенческих волнений до конца марта 1869 г. «Радикалы» все же пытались собрать 8 января намеченную ими сходку, но она не дала желаемого результата. Иван Аметистов показывал: «После 8-го я слышал, как Нечаев передавал Орлову, что студентов было мало и потому ничего не вышло»²³³.

Тем не менее, «радикалы» во главе с Нечаевым проиграли на сходке 5 января отнюдь не окончательно и бесповоротно. Напротив, у них появился шанс довести задуманное до конца. Дело в том, что на сходке 5 января по предложению Енишерлова были избраны представители, которые должны были провести опрос в каждом вузе и на каждом факультете о дальнейших шагах студенчества. Результаты этого опроса и были оглашены на сходке 8 января. Опрос показал, что, не смотря на признание нецелесообразности проведения больших общестуденческих сходок (их и

в самом деле больше не было вплоть до марта 1869 г.), студенты столичных вузов в своем большинстве высказались за проведение демонстрации, на которой должны были быть предъявлены начальству студенческие требования. Демонстрация должна была состояться после экзаменов весной 1869 г.²³⁴.

Результаты опроса были выгодны для «радикалов». Дело в том, объяснял Енишерлов, что «будь назначен короткий срок (для подготовки проведения демонстрации. – А.М.) меньшинство не успело бы подготовиться и не произвело бы демонстрации на свой страх и риск, при назначении же трехмесячного срока это незначительное меньшинство могло окрепнуть и перетянуть к себе легалистов, сделать скандал по крайней мере»²³⁵.

Итоги этого опроса так напугали членов томиловского «Общества принесения пользы народу», что на «тайном заседании» они поставили вопрос «об устраниении Нечаева». Енишерлов даже «высказался в пользу его смерти», но его никто не поддержал. Большинством голосов было решено «выслать за границу» Нечаева²³⁶.

Вероятно, именно после сходки 5 января, ознаменовавшей окончательный раскол общества на «умеренных» и «радикалов», и сложился «Комитет». Подтверждение этому можно найти в воспоминаниях Ралли. Так, он пишет о том, что в начале 1869 г., когда студенческое движение значительно активизировалось, «радикалы», встретив сопротивление со стороны «умеренных», решили объединиться: «на одном из собраний, бывшем в Петербургской стороне, принято было решение сплотиться в один кружок всем тем, которые уже поняли, что студенческое движение поднято для того, чтобы познакомить людей между собой и, таким образом, составить кружок из людей, имеющих целью поднять восстание в России и уничтожить существующий порядок вещей»²³⁷.

Ключевыми фигурами в «Комитете» были три человека: Нечаев, Ткачев и Орлов.

Говоря о сотрудничестве Ткачева и Нечаева, их взаимном влиянии друг на друга, подавляющее большинство историков ограничивалось, как правило, лишь кратким упоминанием о том, что в период студенческих волнений 1868–1869 гг., до первого отъезда Нечаева за границу весной 1869 г. и его знакомства с Бакуниным существовал кружок, в котором главную роль играли Нечаев и

Ткачев, из которого вышла написанная ими совместно так называемая «Программа революционных действий», а также и о том, что после того, как Ткачев тайно отпечатал и распространил воззвание «К обществу» в защиту студентов, он был арестован и приговорен по делу нечаевцев к одному году и четырем месяцам тюрьмы, а затем сослан и с места ссылки бежал за границу.

В отличие от историков, которые придерживаются мнения, вроде того, что Ткачев «не имел никакого отношения к иезуитским методам и уголовным деяниям Нечаева и его организации», сделанного на том формальном основании, что «все события, получившие осуждение в революционной среде под названием “нечеевщины”, развивались без него»²³⁸, мы считаем, что Ткачев не просто инициировал своей деятельностью возникновение организации «Народной расправы», но и был одним из главных идеиных вдохновителей нечеевщины.

Ткачева и Нечаева сближало многое. Возьмем, к примеру, эволюцию их взглядов. Еще в начале 60-х гг., будучи совсем молодым человеком, Ткачев развивал планы обширной террористической деятельности. По словам его сестры, «он находил, что для обновления России необходимо уничтожить всех людей старше 25 лет». В дальнейшем, правда, Ткачев «отказался от этого человекоубийственного плана, но все-таки находил, что ради общего блага не только можно, но и должно жертвовать отдельными личностями»²³⁹.

В начале 1862 г. Ткачев вошел в кружок л. Ольшевского, члены которого взяли на вооружение программу, изложенную в известной прокламации Зайчевского «Молодая Россия» (в которой, пожалуй, впервые в истории русского революционного движения была ясно и отчетливо сформулирована идея необходимости массового террора). В кружке этом активно муссировалась мысль о цареубийстве. Неудивительно, что чуть позже Ткачев оказался связан и с каракозовцами.

Юношеские террористические настроения Ткачева – отнюдь не единственное, что роднило его с Нечаевым. В его исповедальных стихах начала 60-х гг., преобладали мотивы всеобщего разрушения, столь свойственные и нечаевским документам: *Теперь нам надобен топор / Нам нужен нож – чтоб свой позор / Смыть кровью притеснителей!.. / Мы будем рушить, рушить все / Не пощадим мы*

ничего! / Что было создано веками... / Мы церковь сроем и дворец / Пусть с рабством будет и конец / Всему отжившему, гнилому / Пусть будет место новому, живому / Очистит наше разрушенье²⁴⁰. Эти стихи пронизывал также пафос отрицания знания и науки вообще, красной нитью проходивший через некоторые нечаевские прокламации, своего рода революционный антиинтеллигентализм: *Зачем же мыслью ядовитой / Смузять нам жизни краткий миг / Боготворить кумир разбитый? / Зачем твердить нам старый бред / Что жить без мысли невозможно / Что знанье, знанье это свет? / Где все бессмысленно и ложно²⁴¹.*

Подобного рода экстремистские умонастроения в дальнейшем были в меньшей степени присущи Ткачеву, но, надо сказать, никогда и не исчезали вполне. Именно наличие такого «духовного опыта» поставило к концу 60-х гг. Ткачева в положение как бы «старшего брата», более осторожного и «умудренного» жизнью, по отношению к молодому, импульсивному и фанатичному Нечаеву, сделав возможным их тесное сотрудничество.

В конце 1868 г. в Петербурге существовал тщательно законспирированный кружок, возглавляемый Ткачевым, к которому были близки А.Д. Дементьева, С.Ф. Чубаров и С.И. Серебренников. Сведения о нем чрезвычайно скучны и противоречивы, поскольку обвиняемые, которые могли что-либо рассказать о нем, ставили прежде всего своей целью во что бы то ни стало выгородить Ткачева, согласовывая друг с другом свои показания. Сам же Ткачев во время следствия придерживался тактики полного отрицания. Он отрицал свое знакомство с Нечаевым, отрицал существование своего кружка и тем более «Комитета», отрицал устройство собраний на своей квартире, отрицал свое авторство прокламации «К обществу». О последнем он признался только на суде, чтобы облегчить участь Дементьевой.

Тем не менее, следствием были установлены некоторые существенные факты. Именно на заседаниях ткачевского кружка в конце 1868 г. вынашивались планы создания организации по типу «Народной расправы». Об этом говорят показания В.И. Ковалевского, который присутствовал на одном из «интимных» собраний, где, по его словам, «собраны были представители разных заведений», перед которыми Нечаев «развивал свою теорию организации кружков в пять человек; он указывал, – продолжал Ковалевский, –

что это надо делать для подготовки студенческого движения в более широких размерах. К этому он прибавлял, что эта форма может быть годна и для более серьезной цели»²⁴². Ткачевский кружок, на базе которого был создан «Комитет», располагал некоторыми средствами, поскольку его члены организовали сбор денег «для высылаемых студентов» (впоследствии к подобному приему прибегал и Нечаев, чтобы пополнить кассу «Народной расправы»). Е.В. Аметистов свидетельствовал, что « обращался к Ткачеву за деньгами потому, что говорили, будто эти деньги хранятся у него». По его словам, «собрано было до 1500 рублей». В жандармской справке о Ткачеве отмечалось, что при аресте Ткачева у него «найдено 1085 рублей, которые и хранятся в III отделении»²⁴³.

От внимания историков как-то ускользнул тот немаловажный факт, что именно Ткачев, обладавший обширными революционными связями, ввел Нечаева в круг лиц, сыгравших решающую роль в возникновении организации «Народной расправы». Так, познакомившись в Петербурге в декабре 1868 г. с П.Г. Успенским, Ткачев прислал к нему в Москву в начале 1869 г. Орлова, которого отрекомендовал как своего «хорошего знакомого». Орлов же, как писал в своих показаниях Успенский, в свою очередь познакомил его с Н.Н. Николаевым и человеком, назвавшимся «Павловым»²⁴⁴. Этим последним был Нечаев. Встреча эта для Успенского оказалась роковой. Очевидно, что простым знакомством дело не ограничилось. По свидетельству И.Г. Прыжова, который вошел наряду с Успенским, Николаевым и другими в руководящее ядро «Народной расправы», «Нечаев из-за границы переписывался с Успенским»²⁴⁵. Мало того, Успенский вовлек упомянутого Прыжова в круг нечаевцев еще летом 1869 года, когда сам Нечаев был заграницей. Тогда же Прыжов раздобыл 100 рублей, которые должны были быть высланы Нечаеву²⁴⁶. В начале этой цепочки «знакомств» стоял П.Н. Ткачев.

Организационными связями Нечаева и Ткачева дело отнюдь не исчерпывалось. Обычно историки, пишущие о нечаевщине, характеризуют ее как революционный макиавеллизм, внедрение принципа «цель оправдывает средства» в идеологию и практику революционного движения. В наиболее яркой и по своему талантливой форме этот принцип был выражен в знаменитом «Катехизисе ре-

волюционера», который иногда называют даже «квинтэссенцией» нечаявщины. Между тем, Нечаев выступал лишь в роли эпигона Ткачева и лишь повторял вслед за ним, что для революционера нравственно лишь то, что способствует успеху революции. Ткачев же, в свою очередь, никогда не отрекался от нечаяевской «максими». Напротив, один из основных пунктов устава созданного им «Общества народного освобождения» гласил: «Для преуспевания «Общества народного освобождения» и достижения его великих целей, – все средства считаются хорошими»²⁴⁷.

В сознании современников Ткачева и Нечаева их образы порой сливались воедино. К примеру, Л.Г. Дейч вспоминал: «По нашему убеждению, с задачами, которые выдвигал Ткачев, и с предложен-ной им организацией неразрывно связаны мистификации, обманы, всякого рода недостойные приемы, даже тайные убийства и другие преступления... Он готов был войти в ту или иную сделку с далеко не чистоплотными лицами, раз мог извлечь из них какую-либо вы-году; короче, не на словах только, но и на деле он придерживался принципа «цель оправдывает средства» и в этом отношении был верным последователем Нечаева»²⁴⁸.

Сущностное единство взглядов Ткачева и Нечаева в сфере «ре-волюционной морали» было налицо. Но имелись между ними и иные точки соприкосновения, ничуть не менее значимые, которые отчетливо выявились в деятельности Ткачева в 70-е гг. Так, нам представляется бесспорным, что на протяжении 70-х гг. имен-но Ткачев отстаивал и развивал воззрения Нечаева на характер и принципы построения революционной организации, отведя этому вопросу немало места в своих статьях в журнале «Набат». Наро-доволец М.Ф. Фроленко отмечал, что ткачевский «Набат» явился «как бы преемником Нечаева». По его словам, ткачевцы «загово-рили о дисциплине, об авторитетном центре, о тайном комитете, о котором редко кто мог узнать, но которому, однако, надо было не только подчиняться, но и отдавать всего себя в полное его распоря-жение, следить за другими членами и доносить агенту комитета. Комитет же, исповедуя, что цель оправдывает средства, мог заста-вить делать все, что ему вздумается»²⁴⁹.

Залогом успешной деятельности революционной партии, со-гласно Ткачеву, были следующие принципиальные моменты:

«1) централизация власти и децентрализация функций революционной деятельности, 2) иерархическая подчиненность и безусловная дисциплина деятельности каждого из членов организации, не только по отношению к правительству, но и по отношению ко всем отдельным ее членам». При этом каждый член организации мог знать о существовании и деятельности других членов «настолько, насколько это существенно необходимо для успешного выполнения той революционной функции, которую он призван выполнить»²⁵⁰. «Успех революции, – считал Ткачев, – возможен только при создании организации, сплачивающей разрозненные элементы в одно живое тело, действующее по одному общему плану, подчиняющееся одному общему руководству»²⁵¹.

Подобного рода организационные установки резко отвергались подавляющим большинством революционеров-«семидесятников», получив в их среде презрительный ярлык «нечаевщины». В свою очередь, Ткачев «выступал как суровый критик движения 70-х годов до поворота в этом движении, определившегося в течение 1878–1879 годов», настойчиво противопоставляя ему «опыт движения 60-х годов, особенно ишутинско-каракозовский и нечаевский эпизоды»²⁵².

Изменение политики «Земли и воли», развязавшей кампанию террора с 1878 г. было воспринято русскими бланкистами как свидетельство возврата к традициям 60-х гг. К примеру, видный деятель «Общества народного освобождения» К. Турский в брошюре с характерным названием «Революционная Расправа», посвященной апологии террора, с удовольствием замечал: «Великий и доблестный пример Каракозова и Нечаева наконец нашел себе последователей. Русское революционное движение, пройдя утомительно-длинный ряд всевозможных болезненных состояний, и не раз сбиваясь с истинного пути, наконец, снова на своих ногах и твердо идет по дороге, завещанной ему великими предшественниками»²⁵³. С точки зрения Ткачева, именно конспиративные принципы, положенные Нечаевым в основу деятельности его организации, зародившейся в конце 1868 г., позволили ей, несмотря на аресты в начале 1869 г., не только сохраниться, но и еще более «усилиться, разрастись и окрепнуть». Ткачев обращал внимание на тот факт, что несмотря на то, что с осени 1869 г. «существование московской организации

(«Народной расправы». – A.M.) не было уже тайной ни для общества, ни для правительства», организация действовала «открыто», и тем не менее «полиция не могла напастъ на ее следы». Мало того, по его мнению, «даже арест значительного количества членов организации ничего не открыл правительству, никаких особо компрометирующих документов найдено не было; из того немногого, что попалось в ее руки, нельзя было сделать никаких точных заключений о характере, о деятельности и о размерах организации; ее устав, число членов, их имена, употребляемый ими шифр и т.п. сделались известными полиции только тогда и только потому, что сами арестованные выдали ей свои тайны»²⁵⁴.

При этом Ткачев демонстрировал завидную осведомленность в делах «Народной расправы»: «Несомненно, – писал он, – что в руки правительства... попалась только некоторая часть лиц, принимавших участие (прямое или косвенное) в деятельности организации. Остальные совсем не были обнаружены, даже существенные улики добыты лишь против меньшинства лиц, привлеченных к дознанию, и только это меньшинство и было судимо»²⁵⁵.

Мы уже отмечали, что Ткачеву приходилось отстаивать «не-чаевские» организационные принципы в условиях, когда большая часть революционного лагеря того времени их резко отвергала, считая, по словам Ткачева, «будто все это – совсем не необходимые условия для тайной организации, будто при известной степени доверия друг другу, легко можно обойтись безо всех этих якобы «отживших атрибутов» старых революционно-политических организаций»²⁵⁶. Подобные настроения были, конечно, не случайны, т.к. в то время подавляющая часть революционной молодежи стояла на позициях анархизма и отрицания необходимости «политической революции», считая ее «мерзостью». Обычно в литературе указывается, что это умонастроение было следствием реакции на «нечаевщину». В какой-то степени это утверждение справедливо. Ткачев же считал иначе: по его мнению, «неудачный исход революционных попыток, кончившихся так называемым нечаевским заговором, в значительной степени ослабил энергию русской революционной партии, устранив на некоторое время с арены политической деятельности ее наиболее и наиболее революционные силы». На смену «пламенным революционерам вроде Зайчнев-

ского, Каракозова и Нечаева пришли «силы наименее и наименее революционные», которые «гордо подняли головы, почуяв, что теперь настало их время»²⁵⁷.

К числу «наименее революционных сил» Ткачев относил подавляющее большинство народнических организаций 70-х гг., начиная их отсчет с «чайковцев»: «Первым реакционным протестом против тенденций непосредственных задач и организации нечаевского общества можно считать так называемый кружок чайковцев»²⁵⁸.

Не ограничиваясь пропагандой общих принципов, Ткачев шел значительно дальше, порой не останавливаясь перед защитой «специфически-нечаевских» методов конспирации, вызывающих дрожь омерзения у «семидесятников». В полемике с Лавровым, резко осуждавшим организацию нечаевского заговора, в частности, за установление иерархии между членами «Народной расправы», за безусловное повинование нижестоящих членов организации вышестоящим, за то, что им «не объяснялись с первого раза ясно и точно цели общества» и т.д. Ткачев отстаивал правоту Нечаева, мотивируя это тем, что «вообще при всякой тайной организации каждому вступающему в союз нужно будет иметь в виду, что его сведения о ходе дел (революционных) в стране и в личном составе союза будут довольно ограничены, что он будет иногда обязан исполнить данное поручение, не имея даже возможности обсудить его «целесообразность» и т.д.»²⁵⁹. Ткачев также утверждал, что Нечаев не применял при вербовке новых членов методов мистификации: «каждый поступающий в общество очень хорошо знал, в какое общество он вступает и никаких сомнений насчет гласной цели общества не существовало»²⁶⁰.

Все вышесказанное вполне определенно свидетельствует о том, что в революционном движении 60 – начала 70-х гг. Нечаев и Ткачев были наиболее близкими друг к другу фигурами в революционном лагере, и что нечаевское дело представляет собой начальную стадию формирования якобинского направления в русском революционном движении.

Помимо Нечаева и Ткачева немалую роль в нечаевском деле на первом этапе его развития сыграл В.Ф. Орлов – третья ключевая фигура в «Комитете». Он был земляком Нечаева. Сохранилось жандармское

донесение, в котором говорится о том, что Нечаев летом 1868 г. был в Иванове и привез с собой «возмутительные сочинения и запрещенные книги», которые он читал вместе с Орловым «молодым людям и прикащикам»²⁶¹. Имеются самые противоречивые высказывания участников нечаевского дела о личности Орлова. Так, Ралли характеризовал его весьма уничижительно: «Орлов этот произвел на меня довольно-таки неблагоприятное впечатление, – писал он, – он был положительно неуч, русскую литературу знал крайне поверхностно, научной подготовки никакой и в то же время с большими претензиями на личный авторитет. Чувствуя, однако, свою несостоительность по части энциклопедического самообразования, – продолжал Ралли, – он напускал на себя какую-то таинственность»²⁶².

Люди, давно знакомые с Орловым, были более снисходительны в своих оценках. Нечаевец Ф.А. Маврицкий так писал о нем: «Орлов – больной, раздраженный постоянной бедностью и семейными несчастьями... озлобленный несправедливыми притеснениями семинарским начальством и жизненными неудачами, возмущающийся собственной неровностью характера и непреклонностью своего широкого гуманного и эстетического образования, высокоодаровитый и талантливый человек. Орлов никогда не имел определенного направления, под каким развивается современная мыслящая молодежь, – но благодаря своей постоянно сомневающейся, волнующейся и разочаровывающейся душе, жаждущей осуществления в жизни недосягаемых идеалов истины, добра и правды, он не удовлетворился ни одним направлением и, кажется, до своей смерти не будет иметь успеха в своей погоне за счастием, которое он слишком широко понимает»²⁶³. Характеристика Орлова, оставленная нечаевцам И.И. Флоринским, позволяет существенно уточнить круг духовных и политических предпочтений Орлова: «он занимался адвокатурою, восхищался земскими учреждениями и новыми судами... Старался знакомиться с мастеровыми, – с некоторыми из них толковал об ассоциациях... Около него всегда группировался небольшой кружок поклонников его. Под влиянием его пьяницы переставали пьянствовать, карточные игроки – играть... В семинарии я, – вспоминал Флоринский, – знал его за человека очень богомольного. Я видел его молящимся в своей квартире по целым часам. Товарищи знали его поэтом, и он писал стихи,

по преимуществу сатиры на монахов и на консistorских чиновников... В 1868 году он восторгался реформами... царствующего Государя Императора. Он говорил, что русское правительство идет всегда впереди своего народа и что благодаря этому, Россия скоро сравняется с западными державами и Америкой»²⁶⁴. После его знакомства с Нечаевым Орлов, по единодушному свидетельству всех, кто его знал, становится совершенно другим человеком. Даже его глубокая религиозность приобрела совершенно иную окраску и направленность. Енишерлов вспоминал, что Орлов, будучи человеком искренне верующим, «проповедовал восстание с крестом в руках»²⁶⁵. В показаниях Флоринского читаем: «он [Орлов] начал говорить, что в университеты ходить незачем, что они развращают людей, что ассоциации и разные потребительские общества – либеральные затеи, что они не принесут той пользы, которую от них ожидают. Одним словом, – замечал Флоринский, – он начал говорить против того, чем прежде восхищался, и при этом замечали, что он говорит ложь». В изображении Флоринского Орлов выглядит, как «кальтер эго» Нечаева, буквально копирующее слова и поступки последнего: «Он ходил и говорил с некоторою, не замечаемою прежде торжественностью, как бы нося в голове какую-либо идею. Некоторым он казался помешанным, – слушая его речи, и я считал его если не совсем рехнувшимся, то по меньшей мере, со всеми признаками умопомешательства, – вспоминал Флоринский, – он с часу на час становился страннее и страннее. Он говорил, что уважает Нечаева исключительно за то, что Нечаев – страшнейший подлец, – что если можно в каком-то деле рассчитывать на успех то это только в том случае, если станет действовать иезуитскими средствами, наглым обманом, – что все люди подлецы, и что с подлецами нужно поступать подло, – что в этом отношении, с особеною легкостью, можно воспользоваться наивностью и глупостью барынь, так как они не способны понимать таких людей, как Нечаев, – что через них можно действовать в своих целях, нимало не опасаясь за то, что они догадаются, что ими играют, как пешками...

Он говорил также, – продолжал Флоринский, – что для того, чтобы заставить людей работать в своих целях, должно отнять у них всякую возможность поступать иначе, что нужно поставить их в безвыходное положение, что в этом случае в такое положение очень

легкомысленно ставить всех современных либералов и гуманистов, так как эти господа помешаны на честности и благородстве, а эти последние понятия условны-де. Он ненавидел собственников и объяснял свое знакомство с Зубковым (А.Ф. Зубков – ивановский фабрикант, неоднократно выделявший Орлову и Нечаеву небольшие суммы денег на «революционное дело». – A.M.) тем, что им можно пользоваться для своих целей, как дойною коровою, что такие Зубковы есть и в Петербурге... Он говорил, что подобным господам нужно поклоняться»²⁶⁶. Конечно, рассуждать подобным образом увлекающийся Орлов стал не сразу, а лишь по мере втягивания в нечаевские конспирации.

В ноябре 1868 г. Орлов получил от Нечаева письмо с просьбой приехать в Петербург. На Рождество он приехал, угодив в самую «горячку сходок». Орлов тут же увлекся «делом» и развил бурную деятельность в среде волнующегося студенчества. При этом он выдавал себя за студента землевладельческой академии²⁶⁷. В студенческой среде, по словам Ралли, Орлова «все знали, он у всех бывал»²⁶⁸. Но знали, как правило, не по имени – фамилии, а под разными кличками, которыми щедро «наградил» его Нечаев – «Крылов», «Петров», «Хомутовский». Вдобавок ко всему «Геннадич» выдавал Орлова за человека, причастного к каракозовскому делу. Нечаев познакомил Орлова с Ткачевым, которому Орлов обещал содействовать созданию подпольной типографии, собираясь выпросить на нее деньги у упомянутого выше Зубкова. Кроме того, он участвовал во всех известных нам попытках создания «Комитета» и указан как его член в списке Ралли. В январе Орлов с рекомендательными письмами, написанными Ткачевым, отправляется в Москву, где знакомится с П.Г. Успенским, Ф.В. Волховским, М.О. Антоновой и др.²⁶⁹.

Очевидно, он имел целью активизировать студенческое движение в Москве, где оно шло весьма туго. Попутно он передал Ф.В. Волховскому экземпляр «Программы революционных действий», представлявший собой программу деятельности ткачевско-нечаевского «Комитета».

Пребывание Орлова в Москве подготовило почву для деятельности Нечаева в дальнейшем, осенью 1869 г. Так, по приезде в Москву Орлов вовлек в нечаевские конспирации Н.Н. Николаева (в свое время Орлов был у него домашним учителем, преподавал ему арифме-

тику. – А.М.), который впоследствии вошел в ядро «Народной расправы». Кроме того Орлов не ограничился знакомством с членами бывшего «Рублевого общества», но завязал также связи со студентами московской Петровско-Разумовской академии, проторив туда дорогу Нечаеву, который в сентябре 1869 г. сделал эту академию своим опорным пунктом. Согласно его показаниям, он был у студента академии В.И. Лунина, на базе кружка которого осенью 1869 г. была организована одна из первых «пятерок» «Народной расправы».

Помимо Нечаева, Ткачева и Орлова в состав «Комитета входили (или тесно с ним сотрудничали) более «мелкие» фигуры. Так, З.К. Ралли был в свое время связан с членами ишутинской организации. В нечаевском деле он принимал активное участие, будучи одним из вожаков «радикалов». К тому времени он еще не был вполне сложившимся революционером. Впоследствии он «исправился», став в эмиграции видным бакунистом. Будучи арестованым по нечаевскому делу, он, говоря словами жандармского документа, «один с самого начала дал вполне правдивые показания»²⁷⁰. Есть основания полагать, что очень близко к «Комитету» стояли С.Ф. Чубаров и С.И. Серебренников. Так, в жандармской справке о Ткачеве говорилось, что у последнего было найдено много бумаг «весьма компрометирующего свойства», их которых, между прочим, «обнаружились близкие отношения Ткачева... с студентом Земледельческого института Чубаровым»²⁷¹. Чубаров был знаком не только с Ткачевым, но и с Нечаевым и Орловым и упоминался в материалах следствия по нечаевскому делу как организатор ремесленной мастерской для студентов²⁷². Известно также, что Чубаров был послан сразу же вслед за Нечаевым за границу, для установления связи с Бакуниным²⁷³.

Чубаров работал в типографии С.И. Серебренникова, который был ее владельцем на протяжении 1868–1869 гг. Она была устроена на артельных началах группой, в которую помимо Чубарова и Серебренникова, входили также М.П. Сажин, Н. Златовратский, Рейнгольд Бирк (привлекался по нечаевскому делу). Интересно отметить тот факт, что Серебренников и Сажин, уже будучи за границей, некоторое время довольно активно сотрудничали с Нечаевым. Серебренников был связан с «Комитетом». Ковалевский в своих показаниях говорил о том, что в «кружок Ткачева» он попал «через студента Серебренникова», что, конечно, не могло быть какой-то

случайностью²⁷⁴. С «Комитетом» обычно связывались через Нечаева и Орлова.

В начале 1869 г. типография Серебренникова была приобретена А.Д. Дементьевой. В марте 1869 г. в этой типографии была напечатана прокламация «К обществу». Сам же Серебренников по продаже типографии эмигрировал.

Любопытно отметить, что весной 1869 г. почти одновременно за границу выезжает несколько человек, весьма активно принимавших участие в нечаевском деле на разных его этапах: Серебренников, Сажин, Чубаров, Катин-Ярцев. Предлагали уехать за границу и л. Никифорову.

Во всех имеющихся списках членов «Комитета» упоминается фамилия Л.П. Никифорова. В январе 1869 г. он вошел в группу «радикалов» (по его словам, она насчитывала «человек двадцать, тридцать»)²⁷⁵. В записке агента секретного отделения петербургскому полицмейстеру говорится, что л. Никифоров, начитавшись «Что делать?» Чернышевского «прилагал в действительной своей жизни тип Рахметова». По словам агента, он развивал в обществе идеи коммунизма и предлагал руководствоваться сочинениями Прудона и Сен-Симона. В 1869 г. во время беспорядков Никифоров первым подписал известный протест студентов, предложенный Нечаевым²⁷⁶.

О братьях Аметистовых, Иване и Евлампии, известно, что они были членами «Сморгонской академии» и одновременно тесно сотрудничали с Нечаевым (Евлампий жил с Нечаевым на одной квартире). Сохранилась автохарактеристика Е.В. Аметистова, где он писал: «Близок я к Сергею Геннадиевичу, и в настоящую минуту изображаю из себя ejus secundum ego»²⁷⁷.

О деятельности «Комитета» в этом составе известно крайне мало. Но кое-какие скучные данные все же имеются. Так, Ралли писал о том, что «было решено действовать более открыто, то есть не ограничивать дискуссии делами чисто студенческими, но направлять ораторов на темы чисто политические»²⁷⁸. Программа подобных дискуссий обсуждалась предварительно у Ралли, Коринфского, Соловьева, Любимова и Томиловой²⁷⁹.

Известно также, что людьми, входившими в «Комитет» или близкими к нему, было принято решение о том, чтобы Чубаров уехал за границу, так как «стало положительно известно, что он

будет вскоре арестован»²⁸⁰. Нечаев же, по словам Ралли, не думал об отъезде за границу, хотя и «принял решение удалиться из Петербурга на время, и если возможно, устроиться в Москве, где студенчество петровско-разумовское было более подходящим для сформирования первых ячеек политической организации»²⁸¹. В деятельности «Комитета» вообще очень четко прослеживается интерес к «московскому направлению». Мы уже писали о поездке Орлова в Москву, где он заложил основу деятельности будущей «Народной расправы». Этому также способствовал и Ралли. Г.С. Ульман писал о том, что Ралли, будучи посланным в Москву, «образовал там местный комитет в составе: Успенского, Иванова и др.»²⁸².

Ульман в данном случае лишь пересказал статью М. Неттлау, написанную со слов В.Д. Черкезова, человека весьма осведомленного обо всех перипетиях нечаевского дела. В воспоминаниях Ралли, между тем, содержится ряд косвенных подтверждений этой информации. Так, рассказывая о своей совместной поездке в Москву вместе с Никифоровым, он приводит факты, подтверждающие рассказ Черкезова. По приезде в Москву он остановился у П.Г. Успенского и через последнего познакомился с В. Лунным, Иваном Ивановым (ставшим впоследствии жертвой Нечаева) и Пименом Енкуватовыми из активистов «Народной расправы»²⁸³.

Но самым внушительным доказательством существования «Комитета» является не раз упоминавшаяся уже нами «Программа революционных действий»²⁸⁴.

Сохранился экземпляр этой программы, который был передан Орловым Волховскому²⁸⁵. «Программа революционных действий» чрезвычайно интересна не только тем, что, по словам М.Г. Седова, «основные ее положения в дальнейшем развивал и пропагандировал П.Н. Ткачев в журнале «Набат»²⁸⁶, но и тем, что Нечаев, создавая организацию «Народная расправа» определенно старался придерживаться ее основных пунктов. В планах Нечаева и нечаевцев совершенно особое место отводилось дате 19 февраля 1870 г. Дело в том, что «Положения 19 февраля 1861 года» устанавливали срок, в течение которого крестьяне были обязаны удерживать в своем пользовании без права отказа отведенную им мирскую землю за установленные повинности в пользу помещиков. По истечении

этого срока, т.е. с 19 февраля 1870 г. крестьяне получали право выбора: или отказаться от пользования землей и возвратить ее помещику, или сохранить ее в своем пользовании, продолжая нести установленные повинности. Таким образом, Нечаеву представлялось, что приближение 19 февраля революционизирует крестьянство, ставя его перед вопросом о дальнейшем отношении к земле и к помещику.

Нечаев (вместе с Ткачевым и другими лицами) полагал, что дело обернется восстанием, которое призвано как бы «оседлать» организацию, которую он лихорадочно сколачивал. Его и ему подобных «вдохновлял» голод 1868 г., особенно поразивший Смоленскую и Архангельскую губернии и, который, как они считали, непременно должен был привести к всенародному бунту.

Разумеется, либеральная и радикально-демократическая пресса также в огромной мере способствовали распространению представлений о критическом положении деревни и возможности крестьянского бунта. На основании такого рода печатной продукции «сам» Маркс как раз в 1870 г. писал Энгельсу о том, что «нынешнее положение России надолго удержится... уничтожение крепостного права... лишь ускорило процесс разложения... предстоит страшная социальная революция»²⁸⁷.

Согласно «Программе революционных действий», участники нечаевского общества должны были до мая 1869 г. сгруппироваться в университетских центрах, после чего им следовало рассредоточиться в провинциальных городах. С осени 1869 г. им предписывалось начать действия среди народа с тем, чтобы весной 1870 г. начать восстание.

«Программа» исходила из того постулата, что только «радикальная перестройка нелепых и несправедливых общественных отношений» могла бы дать людям «прочное и истинное счастье». Достигнуть этого «счастья» можно было лишь через политическую революцию, предполагающую «истребление гнезда существующей власти и государственную реформу». Авторы «Программы...» заявляли: «Социальная революция – конечная цель наша и политическая – ...единственное средство для достижения этой цели».

Этот вполне бланкистский документ декларировал необходимость создания в обществе «возможно большого количества ре-

волюционных типов» путем «распространения известного рода листков в известном духе», устройства «протестов», сплочения нужных людей в кружки, завязывания связей с европейской революционной организацией. Кроме того предписывалось составление «особого катехизиса», правила которого должен будет соблюдать всякий, вошедший в непосредственное сношение с организацией, и проекта, в котором излагалась бы «форма будущего устройства государства».

В заключение «Программа...» «назначала» «удобное время» для восстания – весну 1870 г.

Знание политической биографии Нечаева в полном объеме позволяет утверждать, что основных положений этого документа он старался строго придерживаться вплоть до своего ареста в 1872 г.

Наряду с «Программой революционных действий» существовал еще один документ, содержание которого нам известно в изложении Ф.В. Волховского. В нем рассматривался «вопрос о политических и социальных переворотах вообще и о возможности или невозможности такового в России». С точки зрения авторов, в России переворот был возможен, ибо «во всех государствах, где народ принимает мало, или вовсе не принимает участия в политической жизни, политические перевороты очень часты и быстры (как, например, во всех восточных государствах и у нас при императрице Анне, Елизавете, Екатерине), а так как у нас народная масса находится в этом отношении в том же положении, то... в настоящее время такой переворот возможен». «Правительство, – утверждали авторы документа, – ... опирается или на народ, или на войско, если же народ спит, то войско может быть выведено в безопасное место или распущено по домам и тогда против «партии действия» останется один дворец, который сам по себе слаб»²⁸⁸.

В документе также излагалось своего рода «философское» обоснование подобных действий. Исходя из того, что «никакое следствие не может быть более произведшей его причины», авторы документа тем не менее полагали, что «небольшая, но хорошо организованная «партия действия» может произвести переворот, последствия которого далеко превзойдут его первоначальный объем», подобно тому, как «в физических и химических явлениях небольшая живая сила освобождает огромные запасы потенциальной

силы («искра – порох»), так и «партия действия» может послужить такою искрой, освобождающей огромные запасы потенциальной силы, заключающейся в бедственном положении масс»²⁸⁹.

И «Программа революционных действий» и вышеприведенный документ однозначно свидетельствуют о преобладании заговорщических бланкистских элементов в идеологии нечаевцев на первой стадии развития их организации.

Крупной удачей «радикальной партии», ядро которой составлял «Комитет», было проведение 28 января 1869 г. многочисленной сходки на Фурштатской улице, довольно подробно освещенной в материалах следствия по нечаевскому делу.

После сходок 5 и 8 января наступило некоторое затишье. Затем, ближе к концу января нечаевцы захотели ускорить ход событий. Путем сбора подписей тех, кто хотел выйти на демонстрацию протеста, Нечаев хотел встряхнуть своих сторонников и расширить ряды «радикалов». На сходке присутствовало около семидесяти человек (Ралли, впрочем, называл цифру 200, что представляется малоправдоподобным²⁹⁰). Нечаев, – вспоминала Засулич, – «взял слово и заявил, что уже довольно фраз, что все переговорили, а тем, кто стоит за протест, кто не трусит за свою шкуру, пора отделиться от остальных; пусть, поэтому, они напишут свои фамилии на листе бумаги, который уже оказался приготовленным на столе»²⁹¹. Гольденберг же пишет, что Нечаева «явился с бумагой и прочитал что-то вроде того, что, мол, мы обязываемся собраться такого-то числа на площади перед Зимним дворцом для демонстрации»²⁹². Вопрос о демонстрации, очевидно, ставился в устной форме. Нам удалось обнаружить копию этого списка. В тексте нет никаких упоминаний о демонстрации, он гласит: «Подпись лиц, учащихся в высших учебных заведениях, протестующих против всех условий, в которые они поставлены и требующих для изменения этих условий, право общих сходок для всех учащихся в высших учебных заведениях, вместе. Форма протesta по согласию подписавшихся»²⁹³.

По словам Засулич, группа инициаторов «подписалась первая, а за ними бросились подписывать другие»²⁹⁴. Успех, с точки зрения Нечаева, был немалый, и один из его тогдашних сторонников так писал об этом в своих показаниях: «По окончании сходки Нечаев с собравшимися членами кружка восхищался необыкновен-

ной удачей подписки, не обращая внимания на то, что при подписании объявлялась свобода вычеркивания и то, что многие люди были званы на сходку обещаниями интересных разговоров»²⁹⁵. Всего набралось 59 подписей. Первыми расписались Никифоров и Нечаев. В числе подписавшихся мы видим фамилии Е. Аметистова, Ралли, Катина-Ярцева, Бирка, Енишерлова, Лихутиных, Ижицкого. Вообще же, около половины подписавшихся в той или иной степени «проходят» в материалах нечаевского дела.

Зачем Нечаеву понадобилась эта подпись? Весьма распространенное мнение об этом выразил Гольденберг: «Нечаеву нужна была эта подпись, чтобы держать опрометчивых молодых людей в кулаке, чтобы запугать их и заставлять делать, что ему хочется»²⁹⁶. Исключать наличие подобного рода мотивов в деятельности Нечаева нельзя, тем более, что подписной лист загадочным образом попал в III отделение.

После проведения этой сходки выступление радикалов, казалось, стало неизбежным. После того, как подписи были собраны, инициаторы сходки собрались у Томиловой и «распределили между собою роли, относительно устройства дальнейших сходок, как на частных квартирах, так и в стенах учебных заведений». Было также решено «образовать ядро, которое вело бы сношения с теми товарищами, которые будут высланы, и объединяло бы их»²⁹⁷.

Но последующие события поломали все планы нечаевцев: Нечаев скрылся из Петербурга. Перед этим полиция попыталась его арестовать.

В литературе, посвященной нечаевскому делу, принято утверждать, что никакого ареста не было и что Нечаев специально придумал эту историю для того, чтобы заработать «революционный капитал», создав вокруг себя ореол «мученика». К примеру, Сватиков писал, что на Нечаева «сильно подействовала неудача, которую он потерпел», поскольку «ему не удалось овладеть студенческим движением, направить его по предназначенному им руслу великого освобождения России». Поэтому, заявлял Сватиков, «Нечаеву необходимо было создать себе имя, ореол революционера и мученика за свободу, достать благословение «династии «Колокола» (т.е. Герцена, Огарева и Бакунина), достать, наконец, средства для проведения в исполнение его грандиозных замыслов»²⁹⁸.

С нашей точки зрения, все на самом деле обстояло гораздо сложнее. Начнем с того, что никакой особой «неудачи» Нечаев не потерпел, в целом события шли по «Программе революционных действий». Сходка на Фурштатской воочию продемонстрировала, что «радикалы» активизировались, начали набирать силу и явно готовились к решительным выступлениям. А главное – III отделение пыталось его арестовать, о чем однозначно свидетельствуют архивные документы.

Так, в донесении от 29 января 1869 г. сообщалось: «Вчера вольнослушателем университета и учителем Сергиевского приходского училища Нечаевым устроена была... сходка студентов... О сходке этой дано было знать в полицию и Нечаев уже арестован»²⁹⁹. Нечаев был допрошен и дал следующее объяснение: «он [Нечаев] действительно вечером 28 января, был у студента Любимова, в комнате, где было до 12 человек, ему неизвестных: они рассуждали о кассе для бедных студентов. На сходку эту он никого не приглашал, и были ли в квартире у Любимова еще какие лица, – не знает, о сходке он узнал в университете от незнакомого ему студента»³⁰⁰. В донесении от 6 февраля 1869 г. сообщается: «Нечаев до сих пор не разыскан... Университетские студенты, как сообщают, сильно негодуют на Нечаева, который своею сходкой принес им больше вреда, чем пользы. Говорят даже, что они хотят побить Нечаева, если он попадется им»³⁰¹. Справка от 13 марта 1869 г. говорит о том, что Нечаев «участвовал в сходке, задержан полициею, скрылся и до настоящего времени не отыскался»³⁰². Все эти документы свидетельствуют о том, что Нечаев 29 января был вызван в Секретное отделение, давал там объяснения по поводу сходки на Фурштатской улице, но затем скрылся.

Воспоминания Енишерлова вносят еще один интересный штрих в обстоятельства ареста и последующего бегства Нечаева за границу. «Убедить Нечаева, что его ищут арестовать было очень легко после той сходки (5 января 1869 г. – А.М.), где он так несдержанно выражался»³⁰³. Енишерлов не знал, что Нечаева действительно собирались арестовать, но это отнюдь не обесценивает его дальнейший рассказ о событиях: «Равным образом, убедить все студенчество в арестовании Нечаева было еще легче, – вспоминал Енишерлов, – раз Нечаев будет выслан из России – он уже, раз-

умеется, не вернется, будучи скомпрометирован и своим поведением на сходках, и самым своим самовольным выездом за границу. Там, разумеется, он сойдется с женевцами (т.е. Бакуниным и его окружением. – А.М.) и будет развивать свои теории... Так и было сделано». Далее в его воспоминаниях приводится следующий эпизод, который резко противоречит всем предшествующим версиям: «Тут моя иезуитчина, – писал, – Енишерлов, – была применена с большим успехом. Нечаев был «похищен», снабжен паспортом и деньгами, посажен на английский корабль и увезен из России»³⁰⁴ Енишерлов вспоминал о том, что у него «чесались руки», скинуть Нечаева с борта, и он не сделал этого лишь потому, что при Нечаева были «компрометирующие письма»³⁰⁵.

В этом рассказе сразу же вызывают сомнение несколько обстоятельств, хорошо известных историкам. Нечаев отнюдь не сразу после своего «ареста» отправился за границу, это произошло в начале марта. До этого он успел побывать в Москве и в Одессе. Тем не менее из воспоминаний Енишерлова очевидно одно: группа, собравшаяся вокруг Томиловой, была в максимальной степени заинтересована в отъезде Нечаева, с тем, чтобы, избавившись от него, попутно скомпрометировать его в глазах студенчества и в глазах правительства. Похоже, противники Нечаева буквально вынудили его уехать за границу. Что же касается хронологических нестыковок в рассказе Енишерлова, то, возможно, в памяти его произошло «наложение» разных событий, разделенных временем. В любом случае, не следует, на наш взгляд, игнорировать это свидетельство, по-новому позволяющее взглянуть на обстоятельства «ареста» и «бегства» Нечаева.

Конечно, ареста как такового не было. Тем более, не было никакого заключения Нечаева в Петропавловскую крепость и бегства оттуда. Это – вымысел чистой воды.

Трудно установить дату, когда началась нечаевская мистификация. Скорее всего это случилось в первых числах февраля, когда еще совсем молоденькая Вера Засулич прибежала, задыхаясь от усталости, к Томиловой с запиской, полученной ею по городской почте. Записка гласила: «Идя по мосту, я встретил карету, в которой возят арестованных; из нее выбросили мне клочок бумаги, и я узнал голос дорогого мне человека: если Вы честный человек,

доставьте это, я спешу исполнить и в свою очередь прошу Вас, как честных людей, сию минуту уничтожить мою записку, чтоб не узнали меня по почерку». Подписано «Студент». При этой записке была приложена другая, от Нечаева, писаная красным карандашом на грязном клочке бумаги, такого содержания: «Меня везут в крепость, не теряйте энергии, друзья-товарищи, хлопочите обо мне» Даст Бог – свидимся»¹⁰⁶.

Даже самое ближайшее окружение Нечаева явно не знало всех обстоятельств его «ареста» и «бегства». Упомянутая записка явилась для них полнейшей неожиданностью. Орлов писал в своих показаниях (и, кажется, вполне искренне): «он [Нечаев] не просто напустил о себе слухи, что его взяли в крепость, а сочинил и подкинул записку, в которой чувствительно прощался со студентами... Насколько такой резкий и подлый обман был в нем новым, сверхобычным явлением, так это видно из того, что я, – утверждал Орлов, – знаяший, что он умеет врать, все-таки не поверил сразу, когда мне сказала Томилова, что он обманул всех, что его посадили в крепость»¹⁰⁷.

Но один Нечаев никак не мог подстроить все это дело с запиской. Ему кто-то помогал. В неопубликованных воспоминаниях Ралли в качестве помощника называется Е. Аметистов. Ралли пишет о том, что Нечаев совместно с Аметистовым «порешили распустить слух, что будто Нечаев был арестован и при перевозке его в карете в крепость выбросил записку, извещавшую всех об его аресте». Многим этот слух показался настолько неправдоподобным, что возникло предположение о том, что Нечаев был шпионом III отделения. «Подозрение это, – вспоминал Ралли, – заставило Аметистова сознаться в кружке, что Нечаев просто-напросто уехал в Москву, боясь ареста»¹⁰⁸.

Воспоминания Енишерлова заставляют усомниться в том, что круг мистификаторов ограничивался лишь Нечаевым и Аметистовым и расширяют круг лиц, явно знающих об обстоятельствах появления на свет злополучной записи. Во всяком случае, Енишерлов и Дементьев оба всем знали. Енишерлов писал: «Помню, как она [В. Засулич] истерически плакала, когда ей суждено было “найти” на улице записку, “выброшенную” из кареты» Нечаевыми, в то время, как его “арестованного”, увозили в крепость». «Я, – вспоминал

Енишерлов, – чуть устоял тогда от соблазна успокоить ее за участие этого квазимодо. С этой запискою в руках она хотела явиться на сходки и призывать к отмщению; взрослой женщине (на полях карандашом рукой Енишерлова написано – Дементьевой. – А.М.) надо было употребить все свое громадное влияние нравственного и умственного перевеса, чтобы удержать этого ребенка»³⁰⁹.

Воспоминания Ралли, кроме всего прочего, довольно отчетливо показывают активную роль Томиловой во всей этой мистификации. С одной стороны, она явно была заинтересована в распространении слухов о «заключении в крепость» Нечаева, с другой, всеми силами пыталась избежать студенческих волнений, могущих возникнуть в связи с «арестом» Нечаева. Так, именно она скрыла упомянутые записи, дабы они не попали в руки решительно настроенных «радикалов». Ралли пишет об этом: «Томилова... заявила нам, что никакой записи не получила, но что Нечаев просил ее, для безопасности его (?! – А.М.) распространить слух, что он арестован и сидит в Петропавловской крепости»³¹⁰. Далее Ралли показывал: «Объяснение это нас удовлетворило, хотя некоторым из нас показалось неудобным утверждать факт ареста, и мы ограничились заявлением, что, мол, говорят так, но положительно впрочем ничего не известно».

Ралли, таким образом, подтверждает заинтересованность Томиловой в том, чтобы не допустить взрыва в студенческой среде по поводу «ареста» (записка так и не попала в руки «радикалов»), и в то же время способствовать компрометации Нечаева, распространяя слух о его «заключении в крепость». Характерно, что Ткачев, подобно Орлову, не мог поверить в целесообразность происходящего обмана и принять его. По словам Ралли, «Ткачев каким-то образом узнал об этой мистификации, что он не признает для себя возможным поддерживать этот слух и поэтому всюду будет заявлять, что Нечаев не арестован, а просто, боясь быть арестованным, сбежал»³¹¹. Впрочем, столь резкая оценка поведения Нечаева почему-то не помешала Ткачеву буквально через неделю отправиться в Москву вслед за Нечаевым, где он лишь случайно не застал последнего и встретился с Орловым и Николаевым по очень важному делу (см. об этом ниже. – А.М.).

Так или иначе, мистификация состоялась и возврат Нечаеву в Петербург был заказан.

В начале февраля 1869 г. Нечаев объявился в Москве. Орлов передал Нечаеву свой паспорт, после чего последний «отправился по железной дороге в Киев»³¹². Нечаев заявил Орлову, что «хотел бы отправиться в Одессу и затем за границу»³¹³. Поездка эта было неясна по своим целям. Хотя Нечаев и говорил о своем желании выехать за границу, он никак не мог этого сделать по двум причинам: во-первых, простой паспорт на имя Орлова для этого не годился, нужен был заграничный, во-вторых, трудно предполагать, что он не знал, что зимой Одесский порт обычно не функционировал. Эти два обстоятельства свидетельствуют о том, что Нечаев в Одессе имел некое подобие организации.

Вскоре после отъезда Нечаева на юг России, в Москву приехали Ткачев и Дементьевы. Дементьевой нужно было «найти жениха, который бы согласился от венца разойтись с ней». Стать таким «женихом» было предложено Николаеву, которому Орлов необходимость этого объяснил следующим образом: «Ткачев и Орлов хотят устроить подпольную типографию для печатания в ней разных нецензурных вещей, но у них в настоящую минуту нет денег, а между тем какой-то Серебренников, кажется, уезжая за границу, продает свою типографию. У Дементьевой же есть несколько тысяч, которые она и отдает на эту операцию; деньги эти находятся не у ней на руках, а у опекуна, и она может их получить только по совершеннолетии или же когда выйдет замуж»³¹⁴. План этот так и не был реализован. Николаев оказался слишком молод и священник отказался его венчать, но Ткачев и Дементьева все же приобрели типографию. Именно в ней и была отпечатана ткачевская прокламация «К обществу».

Обращение к Николаеву не было случайным. Этот очень молодой человек был явно посвящен в нечаевские конспирации. В одном из доносов, датированных 9 апреля 1869 г., говорилось: «московский мещанин Николай Николаев с двумя товарищами своими, молодыми людьми Владимиром Федоровым и Павлом Ивановым (в этих персонажах легко угадываются Орлов и Нечаев. – А.М.) объясняли молодым девицам: «нужно уничтожить неправду, а неправда эта – Св. Синод и господа с крестиками, вся эта неправда берет взятки – от квартального надзирателя до министра и далее...» Павел Иванов говорил, что Каракозов глупо и необдуманно сделал, что выстрелил не рассчитавши, как удобнее надо было

сделать и потому поплатился жизнью... что на место Каракозова много есть людей»³¹⁵. Донос этот не привел к аресту Николаева лишь потому, что к тому времени он скрылся из Москвы.

Спустя некоторое время после отъезда Ткачева и Дементьевой в Петербург, в Москве вновь появился Нечаев. Он, по словам Николаева, рассказывал о том, что «был схвачен в Одессе, в трактире узнавшим его полицейским чиновником, но в то время как чиновник с жандармом повезли его на извозчике, он, столкнув их, убежал»³¹⁶.

Николаев к 3 марта справил заграничный паспорт, Орлов выпросил 200 рублей у Зубкова³¹⁷ на поездку Нечаева, после чего последний отправился за границу.

Судьба оставшихся нечаевцев сложилась по-разному. Николаев, оставшийся без паспорта, отправился в «народ», время от времени поддерживая связь с Успенским и Прыжковым³¹⁸. Орлов же остался «замещать» Нечаева, который велел ему «отправиться в Петербург и поддерживать там студенческое движение»³¹⁹.

Орлов действительно отправился в столицу и остановился у Томиловой³²⁰. Деятельность его в Петербурге не была сколько-нибудь успешной. Хотя он и поддерживал связи с Аметистовыми, Лихутиным, Ралли и Енишерловым³²¹, но, судя по всему, изрядно охладел к «делу». Единственное, что он сделал – послал Коринфского и Иванова для того, чтобы тот «мог завести знакомство с теми людьми, которые уже известны Орлову как годные для пропаганды». Свидетель этой поездки, Николаев, показывал: «Коринфский побывал у всех намеченных Орловым и остался ими очень недоволен, говоря, что они ни к чему не годны, что они способны только читать запрещенные брошюрки да распевать революционные песни»³²². Интересно отметить, что Орлов снабдил Коринфского «Программой революционных действий»³²³.

Во время пребывания Орлова у Томиловой, та получила от Нечаева две телеграммы с просьбой о присылке ему денег³²⁴. 18 марта она выслала ему 100 рублей³²⁵.

К этому времени ей стало ясно, что Нечаев и за границей не «успокоится», забрасывая своих сторонников письмами, в которых будет призывать их к «решительным» действиям. Поэтому она постаралась избавиться от наиболее ретивых радикалов. Первым по-

лучил письма от Нечаева Орлов. В них он писал о том, что «Европа ждет услышать слово из России»³²⁶. «Сам по себе, со своим “словом” Орлов, – писал Енишерлов, – в студенческой среде был бессилен, но он имел там несколько последователей Нечаева, которых, для придания себе пущей важности, он уверил, что принимал деятельное участие в похищении Нечаева»³²⁷. Енишерлов также рассказывает о том, что Орлов «выписал из глубины России своего однокашника, обошедшего всю Европейскую и Азиатскую Русь, под именем Чубарова, Ломова, Халтурина, и др. – человека, послушать рассказы которого, соберется, разумеется все студенчество»³²⁸. Поэтому «Орлов мог стать не совсем безопасным»³²⁹.

Избавлялись от нежелательных радикалов весьма простым способом. Так, «непримиримого» Ферапонтова «навьючили письмами, не представляющими ни особенной нужды, ни... опасности и отправили в 16 разных городов, причем Казань приходилась ему по дороге в Симферополь»³³⁰. Аналогичным образом поступили и с Орловым.

Исследователям нечаевского дела хорошо известны две записки, оставленные Орловым для Томиловой и изъятые у последней при обыске. В них был почти один и тот же текст: «Всем друзьям по делу, Вы, которым знакомы имена Нечаева, Ралли, Аметистова, пр., доверьтесь во всем Томиловой и всем на кого укажет она. Ей передан весь план нашего дела, и через нее Вы найдете и средства и лучших друзей для продолжения нашего дела»³³¹. Обычно историки, вслед за жандармами, считают эти записками доказательством того, что Томилова была сторонницей Нечаева. На самом же деле записки эти давали в руки Томиловой связи Нечаева и Орлова в среде студентов-радикалов, а заодно и возможность предотвратить какие-либо выступления с их стороны.

В своих показаниях Орлов писал: «Томилова смотрела на меня как на друга Нечаева, вполне с ним солидарного и жившего в Петербурге единственно в видах Нечаева... У меня не хватило силы воли разубедить Томилову обо мне и снять с себя ту маску, которую надел на меня Нечаева, переиначивший мою фамилию, называя меня под другими фамилиями... выдавая меня за прикосновенного к делу Каракозова и может быть распуская обо мне еще другие, более нелепые слухи. Вследствие этого, желая прекратить ненормаль-

ность моего положения в Петербурге, я, – пишет Орлов, – решился подальше уехать, чтобы никто не знал, где я. Перед отъездом моим Томилова просила меня, чтобы я оставил ей хоть записку, если я сам не остаюсь, на ее имя, чтобы ей доверяли, как мне и таким образом она могла поддерживать намерение Нечаева агитировать (намерения Томиловой, как мы знаем, были прямо противоположного свойства. – *A.M.*); я отнесся к этому легко и продолжал роль Хлестакова – героя комедии Гоголя «Ревизор» – дал ей две записи»³³².

Думается, что Орлов был в этой части своих показаний почти что правдив, за исключением того, что из Петербурга он все-таки уехал не вполне по своей воле. Енишерлов утверждал, что Орлова удалили из Петербурга совершенно тем же способом, что и «непримиримого» Ферапонтова. Мне, – вспоминал он, – было поручено доставить до Москвы Орлова, «командированного к кавказским молоканам», настоять там, чтобы он не засиживался в Москве»³³³. Это свидетельство Енишерлов отчасти подтверждается и самим Орловым: «Я отправился на Кавказ...» – писал он в своих показаниях³³⁴. Орлов был арестован в Варенниковской станице Войска Кубанского 30 июня 1869 г.

Несмотря на то, что Орлов и Нечаев «вышли из игры», их деятельность принесла свои плоды. Ведь им удавалось в течение достаточно длительного времени будоражить студенческую массу, исподволь приучая ее к мысли о необходимости выступлений. К концу марта сложилась ситуация, в которой достаточно было небольшой искры, чтобы приготовленный «хворост» вспыхнул.

Вскоре после отъезда Нечаева, во второй половине марта от него стали приходить письма. Вот как описывает реакцию, которую они вызвали, Енишерлов: «От Нечаева из-за границы, получены письма, адресованные многим лицам, на которых косо смотрит III отделение. Письма крайне нахального содержания... Студенчество волнуется и снова собирается в большие сходки, под самым носом у полиции»³³⁵. «Томиловцы» попытались было угасить начинаящиеся волнения. Так, Енишерлов отправился на первую же большую сходку и с «документами» в руках объявил, что Нечаев – шпион, агент-подстрекатель». «Поднялось нечто невообразимое, – вспоминал Енишерлов, – и, может быть, меня бы разорвали на клочки»³³⁶. Ему по-

мог Езерский, успокоивший студентов. Но, как пишет Енишерлов, после случившегося, «никакого более сомнения быть не могло» в том, что предстояла неотвратимая студенческая демонстрация³³⁷. Застрельщиками и на сей раз выступили нечаевцы. Засулич писала, что именно они вновь «подняли … вопрос о студенческих правах и кассах»³³⁸. Кроме того, на сей раз большую активность развили те, кто раньше числился в «умеренных». Например, Л.Б. Гольденберг, до того бывший одним из вожаков «умеренных», резко изменил свою позицию. В его воспоминаниях, касающихся событий второй половины марта 1869 г., читаем: «мы решили повести агитацию в Технологическом институте и выступить открыто, когда навербуем триста сторонников». Сторонники Гольденберга организовали большую сходку, где присутствовал Ткачев³³⁹. В своем обращении к собравшимся Гольденберг заявил, что «демонстрация становится необходимой»³⁴⁰. Начиная с 17 марта и до 20-го беспорядки поочередно прокатились в стенах Медико-хирургической академии, Технологического института и Университета.

К 17 марта 46 главных виновников беспорядков в Медико-хирургической академии были арестованы, в университете число исключенных дошло до 150 человек, общее же число участников беспорядков в столичных вузах перевалило за 600 человек³⁴¹.

На заключительном этапе «дела» немалую роль сыграл Ткачев. В эти дни на его квартире непрерывно шли заседания. 21 марта в редакции нескольких газет и должностным лицам была разослана печатная прокламация. Она же была разбросана возле высших учебных заведений. Язык прокламации, несмотря на скромность перечисленных требований, был резок и выдавал в ее авторе несомненного революционера. Довольно неожиданно прокламация стала известна широкой публике, благодаря тому, что консервативная газета «Весть», не без задней мысли напугать правительство резкостью тона, напечатала эту прокламацию под заглавием «К обществу». Прокламация была помечена 20 марта 1869 г.

Появление этой прокламации, конечно, не было случайным и вряд ли являлось результатом одной лишь личной инициативы Ткачева. Выдвинутые в прокламации требования лишь конкретизировали некоторые пункты ткачевско-нечаевской «Программы революционных действий», в которой указывалось на необходимость

распространять «известного рода листки в известном духе» и выдвигалось требование организации касс. По этой же программе был намечен до мая 1869 г. «протест студентов, как университета, так и других высших учебных заведений, за право официальных сходок». Совпадение пунктов требований ткачевской прокламации с положениями «Программы революционных действий», а также время появления прокламации не могло быть случайным. Распространение прокламации «К обществу» сразу же придало студенческим беспорядкам политический характер.

Надо отметить, что в нечаевском деле на первом, подготовительном его этапе, тесно связанном со студенческим движением, сами студенты не играли сколько-нибудь серьезной и самостоятельной роли. Ралли в своих показаниях был совершенно прав, когда утверждал: «Дела чисто студенческие никогда не приходили к концу: касса ли предприятия... программа ли депутатов, – все это останавливалось на полдороге и вечно (каждая сходка) кончалась криком, ссорою»³⁴².

Во всех этих «делах» представители революционного подполья сумели сыграть решающую роль: они выступили в роли «застрельщиков», смогли создать координирующий центр («Комитет»), дали движению «идеологию», организовали сходки, сборы подписей, денег и т.д. В довершение всего именно они сформулировали за студентов их собственные требования.

Разумеется, на протяжении весны 1869 г. полиция и III отделение тоже не сидели, сложа руки. 26 марта были задержаны Дементьев, в типографии которой была отпечатана прокламация «К обществу», и Ткачев. 13 апреля была арестована Томилова.

В апреле беспорядки были прекращены. В этом, возможно, была заслуга не только III отделения и полиции. Известно, что «антинечаевцы» предприняли лихорадочные усилия для того, чтобы не позволить разрастись беспорядкам. Так, Енишерлов побывал в Москве, Харькове, Киеве и Одессе. По его словам, ему было «поручено зондировать настроение умов, являясь на сходках под видом делегата от петербургских студентов, просящих поддержки от всех университетов, и параллельно с этим, определив численный состав партии «непримиримых», если не совершенно прекратить их деятельность, то хоть предупредить ее плачевые последствия»³⁴³.

Каким образом Енишерлов это делал, красноречиво свидетельствует оригинал анонимного доноса, сохранившийся в материалах следственного дела. Вот его содержание: «Не могу больше молчать, дело слишком серьезное, у нас сходок не будет, а намерены быть посмелее: предполагается убить Царя в Ильинском в ожидаемый приезд. Ради Бога, писал аноним, – примите меры, заговор слишком силен и другого Комиссарова не будет. Пока не высказываю себя, боясь мести товарищей»³⁴⁴. Жандармы установили, что донос был написан Енишерловым, левой рукой³⁴⁵.

Безусловно, такого рода «документы» не могли не активизировать деятельности III отделения в соответствующем направлении. В течение марта – апреля 1869 г. почти все вожаки радикалов были арестованы. На свободе остались лишь второстепенные фигуры и Нечаев.

Прокламационная кампания лета 1869 г.

Оказавшись за границей, Нечаев отправился в Женеву – центр русской революционной эмиграции, на встречу с «династией «Колокола». Взаимоотношения Нечаева с Бакуниным, Огаревым и Герценом относятся к категории наиболее разработанных вопросов нечаевского дела, нашедших отражение в значительной литературе. Поэтому в нашем исследовании мы коснемся лишь тех фактов и проблем, которые не получили должного освещения в отечественной историографии.

Одну из этих проблем можно сформулировать так: с какой целью Нечаев прибыл за границу и на что он рассчитывал при встрече с Герценом, Огаревым и Бакуниным? Обычно принято считать, что Нечаев был заведомым обманщиком, который, явившись за границу, лишь водил за нос доверчивых женевских эмигрантов, понуждая их совершать массу глупых и малопристойных деяний. Так ли это было на самом деле? Имел ли Нечаев право, заявившись к Бакунину, выступать посланцем внутрироссийской революционной организации, заявывать от ее имени с эмиграцией революционные контакты? Были ли столь уж легковерными Бакунин и Огарев, вступившие с ним в союз?

Очевидно, что Нечаев заблаговременно предупредил о своем приезде Бакунина присылкой последнему «Программы револю-

ционных действий». Об этом писал сам Бакунин в прокламации «К офицерам русской армии»: «Около года тому назад (т.е. в начале 1869 г. – А.М.) Комитет, найдя полезным известить меня о своем существовании, прислал мне свою программу с изложением плана революционных действий в России»³⁴⁶. В одном из писем к Нечаеву Бакунин следующим образом воспроизвел содержание этой программы: «всеселостное разрушение государственно-юридического мира и всей так называемой буржуазной цивилизации, посредством народно-стихийной революции, невидимо руководимой отнюдь не официально, но безыменно и коллективно диктатурою друзей полнейшего народного освобождения из-под всякого ига, крепко сплоченных в тайное общество и действующих всегда и везде ради единой цели, по единой программе»³⁴⁷. По прямому смыслу этого текста, Бакунин мог говорить хотя и с сильным анархическим «акцентом», только об одном документе, название которого он почти что точно воспроизвел – «Программе революционных действий».

Бакунин принял эту программу как основу для дальнейшего сотрудничества с Нечаевым. Казалось бы, его должно было смутить то обстоятельство, что программа провозглашала единственным средством достижения конечной цели политическую революцию и была по своей идейной направленности бланкистским документом. Но это не совсем так. «Программа революционных действий» отличалась резко революционным, разрушительным духом и многие ее формулировки в этом отношении не могли не прийтись по вкусу Бакунину. Кроме того, следует согласиться с мнением Ю.М. Стеклова, который утверждал, что «за исключением «государственного элемента», содержащегося в этой программе, основные положения ее во многом совпадают со взглядами, изложенными Бакуниным в номере первом «Народного дела»³⁴⁸. Еще одно соображение. Сама по себе поездка Нечаева за границу заведомо не могла быть его единоличной акцией, так как для этого он, как минимум, должен был получить чью-то материальную поддержку, иметь при себе надежные рекомендации, использовать чьи-то пути и т. д.

В любом случае Нечаев отнюдь не лгал Бакунину, утверждая, что за его спиной стоит организация российских революционеров. Есть основание предполагать, что вряд ли он даже существенно преувеличил масштаб ее распространения и организованности.

Сам Бакунин по этому поводу писал ему следующее: «Как бы вы ни отвертывались и ни виляли, вы поневоле высказали мне следующее: общество ваше по своей численности было еще весьма незначительно, по материальным средствам еще менее. Практического ума, знания и умения в нем еще очень мало. Но комитет, вами составленный, без сомнения, из людей, подобных вам, – продолжал Бакунин, – и между ними вы – один из самых лучших, из самых крепких... кроме вашего кружка я не предполагал и не предполагаю возможность существования в России другого столь же серьезного кружка»³⁴⁹.

А серьезность нечаевского кружка в глазах Бакунина доказывалась одним-единственным, но бесспорным фактом: студенческие беспорядки произошли-таки и в них ощутимо чувствовалось «инородное» влияние.

И в этом отношении Нечаеву вовсе не приходилось лгать! Мы уже писали, что нечаевская организация действительно выступила в роли одного из главных инициаторов волнений, произвела необходимую «раскачку» студенческой массы в течение ноября 1868 – марта 1869 гг. и даже сформулировала собственно студенческие требования, придав им политическую окраску. Помимо всего прочего, Нечаев действительно великолепно знал все мельчайшие детали студенческого дела и, вероятно, не преминул козырнуть перед эмигрантами этими знаниями.

Ко всему этому можно добавить, что почти одновременно с Нечаевым за границу выехали люди, близко связанные с нечаевской организацией – Чубаров, Серебренников, Катин-Ярцев. Нельзя исключать, что они в какой-то форме проинформировали эмиграцию о происходящих событиях в России.

Единственное, что тогда можно было бы вменить в вину Нечаеву, так это миф о заключении в крепость и побеге из нее. Но, судя по приведенным нами фактам, это не было единоличной выдумкой одного Нечаева, а какой-то не вполне ясной инициативой целой группы лиц, которые и должны были бы нести за нее всю полноту ответственности.

Словом, Нечаев в этот момент не был таким уж отъявленным лжецом и самозванцем, как его обычно представляют.

Подтверждение всему сказанному выше можно найти в содержании двух писем Нечаева, отправленных им Томиловой в апреле

1869 г. и перехваченных III отделением. В них не содержится никаких элементов мистификации, они трезвы, «практичны», и вполне ясно прорисовывают подлинные намерения Нечаева, стратегию и тактику его поведения за границей весной–летом 1869 г.

Ему необходимо было, в первую очередь, получить точные сведения о положении дел в России после его отъезда и предоставить их Бакунину. Так, он (в иносказательной, разумеется, форме) писал Томиловой: «Поторопитесь составить из всех приходо-расходных книг за последнее полугодие (кстати сказать, слово «полугодие» лишний раз указывает на то, что начало нечаевского дела было положено в ноябре 1868 года. – А.М.) хотя сжатую, но тем не менее ясную отчетность о том, сколько, где и когда было и есть товара, полный перечень названий продуктов и мест, где они теперь. Без таких данных можно закупить или очень много, или же очень мало»³⁵⁰. Вероятно, Бакунину и Огареву требовалось подтверждение рассказов Нечаева. Далее, Нечаев просил прислать требуемый отчет с надежным человеком: «Все эти счеты пришлите хоть с бабушкой Верой (имеется в виду В.И. Засулич, которую Нечаев действительно собирался использовать в качестве «курьера». – А.М.) что ли, потому, я слышал, что она собирается за границу»³⁵¹. В другом месте Нечаев писал: «Всего лучше, если б приехал Бирк..., если он болен, то пришлите Евлампия (Аметистова. – А.М.)»³⁵². На Орлова Нечаев явно не рассчитывал: «Зная его дряхлые руки, я, конечно, не жду от него писем, к чему ему портить зрение»³⁵³. На Аметистова, судя по тексту, надежда была также невелика: «Евлампий, говоря, что летом пришлет отчет, говорит неизмеримую глупость»³⁵⁴.

Некоторые моменты писем Нечаева свидетельствуют о том, что Нечаев серьезно рассчитывал получить деньги от ивановского фабриканта, купца 1-й гильдии А.Ф. Зубкова. Тот неоднократно давал деньги Орлову на революционные дела, чему сохранилось немало подтверждений в материалах следственного дела. По поводу сотрудничества с Зубковым Нечаев писал следующее: «Выскажите, чтобы он [Орлов] тотчас приступил к сделке с Зубатовым (карандашом на подлиннике документа написано – «Зубковым». – А.М.) на сумму самую большую от имени того же негоцианта, что держал портерный завод в Лондоне (написано «Герцен». – А.М.), в продолжении такого долгого времени. Захочет ли Зубатов сам повидать Бакурского (надписано – «Бакунин». – А.М.) или удо-

влетворится печатными отзывами о нем и дипломом, который его контора через своих агентов, может ему выслать для рассмотрения ...Он [Бакунин], – продолжал Нечаев, – сейчас велит бочки готовить, как только сделку большую с Зубатовым сделаем наши итоги приведем в известность ему»³⁵⁵.

Полиция заинтересовалась личностью «Зубатова» и у него в апреле 1869 г. был произведен обыск. Жандармы рассчитывали найти что-либо существенное, но получилось иначе. Офицер, производивший обыск, докладывал: «не только ничего не найдено, но собственный оркестр Зубкова встретил г. Агафонова (жандармский штабс-капитан. – А.М.) народным гимном». В итоге жандармы пришли к выводу, что «арестование его (Зубкова. – А.М.) могло бы повлечь за собою остановку работы на его фабрике, то есть выбросить на улицу толпу рабочего люда»³⁵⁶.

История с Зубковым имела свое продолжение. В одной из справок III отделения читаем: «Зубков получил от Нечаева (вскоре после обыска. – А.М.) письмо с просьбой выслать ему денег, но письмо это Зубков представил начальнику Владимирского жандармского управления, – а затем стал вовсе отказываться от какой-либо солидарности с какими бы то ни было агитаторами и объяснять, что способствовать к произведению волнений между рабочими сословиями значило бы рисковать потерять свое состояние»³⁵⁷. Любопытна характеристика Зубкова, помещенная в этой справке: «он хороший, но пустой человек, немного хвастун и потому любит полиграфничать, и при случае кольнуть и правительство и дать заметить, что он читал Герцена и во многом ему сочувствует. Но все это фразы и при том фразы, проистекающие не из внутреннего убеждения, а лишь из-за желания порисоваться, свойственного неразвитому и сильно испорченного лестью человеку»³⁵⁸.

Несмотря на сильный испуг, который Зубков испытал после обыска, стремление «полиграфничать»-таки взяло свое. Летом 1869 г. Зубков дал 100 рублей Прыжову для передачи Орлову и которые в конце концов оказались у Нечаева. Прыжов, вспоминая о своей встрече с Зубковым, показывал: что «Нечаев был у Зубкова своим, домашним человеком, и Зубкову, по всей вероятности, были известны нечаевские убеждения, планы, а в то время, когда я, – пишет Прыжов, – брал для Нечаева 100 рублей, то ему положительно было известно об его политической деятельности»³⁵⁹.

В конце концов Зубков окончательно порвал с «революционным делом». Тот же Прыжов свидетельствовал: «Во второй раз, когда Нечаев посыпал меня к нему за получением обещанных 10 000 рублей (это было осенью 1869 г. – А.М.), Зубков меня не принял»³⁶⁰.

Вернемся, впрочем, к планам Нечаева, которые он подробно развел в письмах к Томиловой. Им не суждено было осуществиться – к тому времени в России были арестованы почти все, на кого он мог рассчитывать. Мало кто отвечал на его письма (хотя единичные ответы и были), поэтому можно понять его страстные слова, обращенные к Томиловой: «Разве вы считаете меня камнем, что оставляете в неведении о деле, которое для меня дорого? Как жизнь? Читая газеты и не получая ни строчки от Вас, я мучился все эти дни, и если не сошел с ума, то потому вероятно, что дела здесь по горло!.. Вы, – продолжал Нечаев, – должны были извещать меня о малейшем изменении, о всех подробностях, если вам тоже дорого дело! Что же вы там руки-то опустили! Дело горячее, его как железо, надо бить, пока горячо»³⁶¹.

Очевидно, желая в максимальной степени заинтересовать своих соратников и уверить их в необходимости им задуманного, Нечаев интригующе воскликнул: «Здесь дело кипит, варится такой суп, что всей Европе не расхлебать! Торопитесь же други!.. Торопитесь.. Не откладывайте до завтра, что можно сделать сию минуту»³⁶². «Суп» действительно варился очень густой. И расхлебывать его пришлось в России.

Зная историю нечаевского дела, как оно развивалось с ноября 1868 г. по март 1869 г., нам очень трудно представлять Бакунина и Огарева в роли доверчивых и простодушных старичков, коварно обманутых молодым и энергичным злодеем. Напротив, как нам представляется, именно они внесли решающий вклад в цепь последующих мистификаций, которые по своей значимости и последствиям далеко превосходили выдумку о побеге из Петропавловской крепости. Эта жалкая мистификация совершенно затмевается и перечеркивается последующими акциями, предпринятыми по инициативе Бакунина и Огарева.

Дело в том, что подобно тому, как Нечаев хотел использовать русскую революционную эмиграцию во внутрироссийских целях, буквально следуя «Программе революционных действий», точно так же и Бакунин возжелал использовать нечаевскую организацию

в интересах своего анархического Альянса Социальной Демократии. И добро бы, если бы Нечаев появился в России как представитель Альянса, отнюдь нет, он отправился как член никогда не существовавшего «Европейского Революционного Союза». Мандат, выданный ему Бакуниным, гласил: «Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного Союза, 2771», он был подписан «Михаил Бакунин», а на печати было выгравировано: «Европейский Революционный Союз. Главный Комитет».

Прекрасно известно, что никакого «Всемирного революционного Союза» не существовало, как и не было «Европейского революционного Союза», так же, впрочем, как и его «русского отдела». Единственное, что тут было, так это «Главный Комитет», который был в количественном отношении еще меньше, чем ткачевско-нечаевский кружок и, судя по всему, включал в себя трех человек: Бакунина, Огарева и Нечаева. Нельзя не признать, что все эти мистификации имели куда более далеко идущие последствия, чем нечаевская ложь. А если взять во внимание такой факт, как посвящение стихотворения Огарева «Студент» Нечаеву, где речь шла о героической смерти «студента», то очевидно, что на такие «мелочи» как искажение биографии и расцвечивание ее цветистыми подробностями вся троица смотрела сквозь пальцы. Между тем, благодаря бакунинскому мандату и «Студенту» миф о героическом побеге из-под ареста возился в энную степень. И, конечно же, совершенно исключительную роль во всей последующей «нечаевской истории» сыграл поток прокламаций, засыпаемый, начиная с весны 1869 г., в Россию.

Если Бакунин хотел использовать Нечаева в интересах своего Альянса, то участие Огарева в агитационной кампании объясняется тем, что он целиком попал под влияние Бакунина, причем рассказы Нечаева явно разбудили в нем «террористическую жилу» (выражение Герцена. – А.М.)³⁶³. Именно Огарев по наущению Бакунина категорически потребовал от Герцена предоставления половины так называемого «бахметьевского фонда»³⁶⁴ для финансирования агитационно-пропагандистских акций.

С апреля по август 1869 г. был выпущен целый комплекс прокламаций. Они печатались Вольной русской типографией, номинальным владельцем которой считался л. Чернецкий, но фактическим руководителем был Огарев. Организацией пересылки занимался в

основном Огарев, причем адреса предоставлял Нечаев. Прокламации в тысячах экземпляров шли в Россию и частью доходили до адресатов, частью же перехватывались III отделением: с марта по август 1869 г. было перехвачено 560 пакетов с женевскими изданиями, адресованных 370 лицам³⁶⁵. Разумеется, революционеров среди адресатов было мало: прокламации рассылались вслепую, хаотично и бессистемно, а большинство адресов было взято Нечаевым из обыкновенных адресных книг.

Всего вышло около двух десятков прокламаций, многие из них были лишь переизданием старых прокламаций начала 60-х гг., часть же являлась их своеобразным переложением в новых условиях³⁶⁶. Мы же рассмотрим лишь ту часть изданий, которая несла на себе яркий отпечаток «нечаевщины» и специфична именно в этом отношении.

Наибольшей известностью из них пользуется так называемый «Катехизис революционера», который иногда даже называют «квинтэссенцией нечаевщины». Необходимость создания документа такого рода было одним из пунктов «Программы революционных действий». Долгое время большинство исследователей считали «Катехизис» созданием Бакунина. Н.М. Пирумова, опираясь на воспоминания Г.П. Енишерлова, приписывающего приоритет в изобретении принципа «цель оправдывает средства» для революционных нужд, полагала, что «идеи иезуитизма, мистификации, террора по отношению к инакомыслящим – всего того, что принято называть нечаевщиной, в наиболее концентрированном виде было сформулировано в кругу Енишерлова–Нечаева»³⁶⁷. С нашей точки зрения, ставить знак равенства между программой, приведенной в воспоминаниях Енишерлова и «Катехизисом революционера» все же нельзя, ибо целый ряд положений этой программы приходит в явное противоречие с идеями «Катехизиса». К примеру, в енишерловской программе социальная революция должна достигаться путем исключительно мирной пропаганды, там же декларируется отрицательное отношение к идее государственного переворота, более того, содержится призыв оказывать ей противодействие. В тексте нечаевского «Катехизиса» всего этого нет и не могло быть и в принципе. Но одно бесспорно – идея «иезуитчины» не могла не прийтись по вкусу Нечаеву. «Против

силы – насилие, против неправды – ложь, против интриг и козней – система Лойолы», – так Енишерлов изложил свое кредо³⁶⁸.

Не отрицая влияния Енишерлова на Нечаева и возможного участия его в составлении одной из первоначальных версий «Катехизиса», следует подчеркнуть, что несравненно большее влияние на Нечаева в этом отношении не мог не оказать Ткачев. Еще в начале 20-х годов Б.П. Козьмин пришел к выводу о том, что ключевые идеи «Катехизиса» были изложены Ткачевым в статье «Люди будущего и герои мещанства», опубликованной в 1868 г. Она фактически одержала в себе развернутый план самого известного документа нечаевского дела: «Подчинение всей жизни одной идее, вражда ко всему, что противоречит ей или удерживает ее развитие, пренебрежение законами и нравственностью современного общества, признание нравственным лишь того, что способствует достижению цели, соединение революционной страсти с холодным расчетом, полный отказ от личной жизни... Все эти черты, – писал Б.П. Козьмин, – поразительно совпадают и в созданном Ткачевым образе людей будущего и в тех требованиях, с которым устав нечаевской организации обращается к своим членам»³⁶⁹.

Таким образом, Нечаев лишь повторял вслед за Ткачевым одну из стержневых идей «Катехизиса» о том, что для революционера нравственно то, что способствует успеху революции. Они исповедовали в области морали революционный макиавелизм, предлагающий полное отрицание общеобязательных этических норм, характерных для традиционной христианской нравственности, основывающейся на системе надрациональных моральных абсолютов.

Суть «новой морали» (точнее было бы употребить выражение «принципиальный аморализм») была следующим образом выражена в «Катехизисе»: «Он [революционер] презирает и ненавидит во всех побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что помешает ему».

В «Катехизисе революционера» впервые в истории русской революционной мысли была сформулирована детальная программа широкомасштабной террористической деятельности. До нечаев-

ского дела мы встречаемся лишь с фрагментарными набросками таковой, например, в прокламации «Молодая Россия».

В «Катехизисе» «все это поганое общество» дробилось на шесть категорий, осужденных на смерть. В первую категорию попадали люди «особенно вредные для революционной организации», а также те, чья «внезапная и насильственная смерть... может навести наибольший страх на правительство». Ко второй категории осужденных относились люди, которым «временно» даровали жизнь для того, чтобы они «рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта». В третью категорию входило «множество высокопоставленных скотов», которых, по замыслу Нечаева, перед смертью надо было «эксплуатировать всевозможными манерами... сбить их с толку и, овладев... их грязными тайнами, сделать... своими рабами».

Заслуживает особого внимания отношение Нечаева к четвертой и пятой категориям осужденных на истребление, в которые входили либералы и не согласные с тактикой Нечаева революционеры. С первыми надлежало «конспирировать по их программам, делая вид, что слепо следуешь за ними, а между тем, прибрать их в руки, овладеть всеми их тайнами, скомпрометировать их донельзя, так чтобы возврат для них был невозможен, и их руками мутить государство». Революционеров же, не согласных с Нечаевым, следовало «беспрестанно толкать и тянуть вперед, в практические головоломные заявления, результатом которых будет бесследная гибель большинства и настоящая революционная выработка немногих». Этому принципу Нечаев неукоснительно следовал на всем протяжении своей революционной карьеры.

Центральная тема «Катехизиса»: каким должен быть подлинный революционер? По Нечаеву, это – существо совершенно особого рода, сверхчеловек, противопоставляющий себя обществу и миру, у которого «нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени». В «Катехизисе» рисуется уникальный образ предельно идеологизированной личности, следующей во всем голой рациональной схеме, в которой исключается какая бы то ни было опора на традицию, на естественные, органические общественные связи и институты. В этом существе все «нежные... чувства родства, дружбы, любви, благо-

дарности и даже самой чести должны быть задавлены... единую холодною страстью революционного дела». Подлинная революционность, как в том убежден был Нечаев, «исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть и мщение». Революционер «должен приучить себя выдерживать пытки». В «Катехизисе» революционер с предельной жесткостью противопоставлялся не просто «врагам народа», а обществу как таковому: «Между ними существует тайная или явная, но непрерывная и непримиримая война на жизнь и на смерть... Он, – подчеркивал Нечаев, – в глубине своего существа, не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира». Таким образом, определяющая черта революционера – ненависть к действительности: «Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, – заявлял Нечаев, – если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, в котором все и все должны быть ему равно ненавистны».

В своих рассуждениях Нечаев исходил из того, что в среде революционеров должна была существовать жесткая иерархия. «Другом и милым человеком для революционера, – писал Нечаев, – может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам». Все прочие категории, естественно, не попадали в разряд «милых людей». По мысли Нечаева, должны существовать революционеры «второго и третьего разрядов», или, как он их называл, «не совсем посвященных», отношение к которым должно соображаться не «какими-нибудь личными чувствами, но только пользою революционного дела». «Катехизис революционера» рисует картину иерархической «касты», ставящей себя не только над обществом, но и над теми, кого Нечаев называл «народом». В этом документе впервые в истории русского революционного движения с предельной ясностью и откровенностью были зафиксированы наиболее характерные черты нарождающегося в России слоя «профессиональных революционеров». «Катехизис» являлся своеобразным звеном в цепи идеальных образов профессиональ-революционеров, создаваемых в революционное

демократической литературе того времени: Рахметов Чернышевского, «мыслящие реалисты» Писарева, «люди будущего» Ткачева. Эти абстрактные идеологические схемы в конце 60-х гг. явно вдохновляли Нечаева, определяя его стиль поведения и жизни. В этом отношении правы те историки, которые утверждают, что Нечаев «был одним из первых профессиональных революционеров»³⁷⁰. При этом Нечаев был не просто первопроходцем, но и разработал своего рода «символ веры», свободный от всяких недомолвок, внутренней цензуры и в этом отношении чрезвычайно интересный, как первое и притом очень яркое и по своему талантливое выражение революционного самосознания. «Катехизис» был зашифрован и носил «эзотерический» характер. Он предназначался для особо «посвященных» революционеров «первого разряда» и по формальным признакам не входил в состав агитационно-пропагандистских изданий. Но именно в нем содержались все основные идеи нечайевского дела, при этом они были доведены до логического завершения. Большая часть «Катехизиса» (§ 1–21) была составлена, вероятно, еще в России. В ней нет практически ничего такого, что позволяло бы говорить об авторстве Бакунина. Зато заключительный раздел – «Отношение товарищества к народу» носит ярко выраженный анархистский характер: в нем говорится о революции, «которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России», кроме того, там же декларировалась необходимость соединения революционеров «с разбойниччьим миром – этим истинным и единственным революционером в России». Скорее всего Бакунин отредактировал весь текст, придал ему известный литературный блеск и дописал целиком в своем духе последний раздел «Катехизиса». Так или иначе, следует признать «Катехизис» документом, явно имеющим несколько авторов или идейных вдохновителей, среди которых было два ведущих теоретика революционного народничества и который оказался «точкой», в которой пересеклись различные «векторы» революционной мысли, активно разрабатывающей стратегию и тактику революционного подполья того времени*.

* Цит. по: *Революционный радикализм в России: вск девятнадцатый*. М., 1997. С. 244–248.

Значительный интерес представляют также взгляды Нечаева на характер и принципы построения революционной организации. В качестве идеала Нечаевым выдвигалась тайная организация орденского типа, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация централистическая, действующая по одному общему плану, подчиняющаяся одному общему руководству, представляющая собой как бы одно живое тело, старавшееся проникнуть во все поры «поганого общества».

Большая часть членов этой организации открыто рассматривалась лишь как «пушечное мясо» для заговора. К этой массе следовало применять принцип «не убеждать, то есть не вырабатывать, а сплачивать те силы, которые есть налицо», исключая при этом «всякие прения, не имеющие отношения к цели»³⁷¹. В организации должен был царить принципиальный антидемократизм (разумеется, в интересах дела), когда «всякие вопросы» от рядовых членов к организаторам «устранялись», и, наоборот, требовалась «полная откровенность от членов к организатору»³⁷².

Подход к рядовым членам организации был сугубо инструментальным и формулировался Нечаевым с циничной откровенностью: «Все количество лиц, организованных по общим правилам, рассматривается и употребляется как средство или орудие для выполнения предприятий и для достижения цели общества»³⁷³.

За членами организации должен был быть установлен тотальный контроль. При этом, «всякое отступление... каково бы оно ни было по своему значению, совершенное сознательно, вследствие колебания уверенности в истине и справедливости известных начал, ведет к тому, что лицо выбрасывается из нашей среды, – подчеркивал Нечаев, – как загнивший член тела, негодный для работы и могущий только передать гниение остальным частям»³⁷⁴. Исключение же из общества «есть исключение из списка живых»³⁷⁵.

Организация должна была, по возможности, распространить свое влияние решительно на все общество: «Революционер... должен проникнуть всюду, во все высшие и средние классы, в купеческую лавку, в церковь, в барский дом, в мир бюрократии, военный, в литературу, в III отделение и даже в императорский дворец», – гласил один из пунктов «Катехизиса»³⁷⁶.

В отличие от «Катехизиса» все другие издания, выпущенные в ходе прокламационной кампании, предназначались для широкого распространения. Прокламацией такого рода было послание Нечаева «Студентам университета, Академии и Технологического Института». Это единственный документ, подписанный лично Нечаевым и содержащий элементы мистификации, в частности, миф о заключении и побеге из Петропавловской крепости. В прокламации содержалась нигилистическая характеристика университетской науки и преподавания. В последних Нечаев видел лишь «поток лжи, возведение в закон беззаконий, поток подлых, утонченных суеверий». Поэтому в стенах высших учебных заведений молодежи делать нечего: «Пусть отныне задачей студента не будет диплом, не будет казенное теплое место, а жизнь среди народа и борьба за его интересы», – призывал Нечаев. Большая часть воззвания – это призыв к новым столкновениям студентов с начальством и полицией во имя выработки революционных характеров, которые «родят протестующая деятельность, и чем в больших размерах протест, чем чаще столкновения с темной силой, чем сильней борьба, тем более людей, вырабатывается для дальнейшего ее продолжения». «Не бывало истинного дела без жертв», – патетически заявлял Нечаев*.

В прокламации «Несколько слов к молодым братьям в России», Бакунин высказался о студенческих беспорядках весны 1869 г., определяя в ней «смысл нынешних, еще невинных движений» с ультраанархических позиций. В студенческих беспорядках он увидел ни много ни мало как приближение времен Стеньки Разина, знаменующих «конец этому поганому государству». Анархические убеждения – «старый государственный мир, основанный на религии, на метафизике и на буржуазной цивилизации, на праве семейном и на наследственном праве, видимо падает и должен уступить место освобожденному чернорабочему миру» – выдавались Бакуниным за «убеждение лучших людей на Западе».

Практические же рекомендации апостола анархии русским студентам оказались выдержаными в еще более радикальном духе, нежели это сделал Нечаев в своей прокламации. Так, Бакунин договорился до того, что «наука должна погибнуть вместе с миром,

* Революционный радикализм... С. 207–210.

которого она есть выражитель». Такого рода демагогия должна была, вероятно, психологически облегчить для студенческой молодежи восприятие призывов «утопиться в народе», стать «не учителем, не благодетелем и не диктатором-указателем для народа, а только повивальною бабкою самоосвобождения народного». На страницах этой прокламации Бакунин нарисовал фантастический (для конца 60-х гг. XIX века!) образ «коллективного Стеньки Разина», т. е. «легиона бессословной и безымянной молодежи, живущей уже теперь народною жизнью, и сплоченной крепко между собой одною мыслью и целью*». В данном случае желаемое выдавалось за действительное.

Впрочем, общий дух и характер идей выше рассмотренного документа, вышедшего из-под пера Бакунина, отличались еще известной «умеренностью» и «сдержанностью» в сравнении с анонимными прокламациями, озаглавленными «Постановка революционного вопроса» и «Начала революции». Последняя была, скорее всего, продуктом совместного творчества Бакунина и Нечаева.

Появление «Постановки революционного вопроса» знаменовало собой качественно новый этап в развитии русской революционной мысли. Всякая ставка на так называемое «революционное просвещение» народа и длительную пропаганду в его среде безоговорочно отмечались авторами прокламации как абсолютно бессмысленные: «Учить народ? ...Мы должны народ не учить, а бунтовать!» В этом документе пока еще в самом общем виде ставился вопрос об организации, которая должна была бы объединить разрозненные народные бунты. Ставка, естественно, делалась на радикально настроенную молодежь. Но не только! Именно в «Постановке революционного вопроса» впервые открыто появилась апология разбоя, характерная для «зрелого» бакунизма: «Разбой – одна из почетнейших форм русской народной жизни... Разбойник, это герой, защитник, мститель народный; непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством, боец на жизнь и на смерть против всей чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизации... настоящий и единственный революционер – революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый,

* Революционный радикал... С. 210–214.

неукротимый на дело, революционер народно-общественный, а не сословный». В отличие от «крестьянского мира», который лишь временами поднимается на бунт, а большей частью «спит», разбойный мир – это «мир русской революции». «В нем и только в нем одном существует издавна настоящая революционная конспирация». Следовательно, делают из вышесказанного очередной «практический» вывод авторы прокламации, студенческая молодежь должна «броситься дружно в народ, в народное движение, в бунт разбойничий и крестьянский, и храня верную, крепкую дружбу между собой, сплотить все разрозненные мужицкие взрывы в народную революцию, осмысленную и беспощадную» (здесь перефразировано известное выражение Пушкина)*.

Обычно советские исследователи, касаясь подобных «разбойных» установок и явно смягчая крайне негативное впечатление, ими производимое, «объективистски» отмечали, что-де надежды Бакунина и иже с ним были необоснованы, поскольку этого «полумифического разбойного мира» в действительности не существовало. Подобный буквализм в истолковании достаточно недвусмысленных заявлений по меньшей мере наивен. Речь шла, конечно же, не о былинных Васьках Буслаевых и Кудеярах, а о совершенно реальных уголовных элементах, что прекрасно понимал тот же Нечаев, первый попытавшийся осуществить бакунинские установки на практике. В уставе его «Народной расправы» откровенно говорилось о необходимости «знакомства с городскими сплетниками, публичными женщинами» и «заведении сношений с так называемой преступной частью общества»³⁷⁷.

Что же касается «Начал революции», то эта прокламация, пожалуй, вообще является одним из самых экстремистских документов в истории мировой леворадикальной мысли. Центральным понятием в ней, вокруг которого структурируется весь текст, является «Революция». Под ней понимается процесс, предполагающий «замену всех, без исключения форм, современной европейской жизни новыми, совершенно противоположными». Таким образом, вся энергия революционеров должна сосредоточиться исключительно на всеобъемлющем разрушении. Тотальное разрушение

* Революционный радикализм... С. 214–218.

объявлялось абсолютной необходимостью, возводилось в степень догмата, ибо, по мысли авторов прокламации, совершенно новые формы жизни могут произойти только из совершенной аморфности». Под «аморфностью» понималось такое состояние общества, при котором все традиционные институты и отношения были бы полностью ликвидированы.

«Начала революции» – это подлинный гимн тотальному разрушению: «Если убережется несколько, даже хотя одна старая форма – значит уцелеет зародыш прежних форм и возможность ему в будущем пышно разростись, – значит изменение будет только кажущееся и временное, а жертвы и кровь, ценой которых куплено изменение, будут потрачены даром», – заявлялось в прокламации. Какие бы то ни было созидательные цели в прокламации не выдвигались, более того, всякая попытка сформулировать положительный общественный идеал расценивалась как преступление, как «бесплодное растление ума, онанизм мысли».

В прокламации наряду со всем прочим высказывались любопытные соображения о характере деятельности революционеров во время всеобщего бунта. Так, заявлялось, что «для настоящей революции нужны личности, во главе толпы стоящие, а скрытые незаметно в самой толпе и незаметно связывающие посредством себя одну толпу с другой, дающие незаметно также одно и то же направление, один дух и характер движению». Нельзя не признать, что в данном случае конкретизировались представления о способе реальной организации бунтов.

В первую очередь эти «незаметные личности» должны были развязать широкомасштабный террор. Это – «естественный путь». «Истребление высокопоставленных лиц, в которых воплощаются правительственные формы или формы экономического разложения, должны начаться с единичных деяний», а затем «перейти в деяния коллективных масс» и приобрести «все более народный, характер». При этом заранее допускалось применение любых средств террористической деятельности: «Яд, нож, петля и т.п.! Революция все равно освящает в этой борьбе... Это назовут террором. Этому дадут громкую кличку! Пусть, нам все равно!» Подобного рода декларациям на страницах прокламации тут же подыскивалось и соответствующее «моральное» оправдание: «Го-

раздо человечнее резать и душить десятки, много сотни ненавистных людей, чем участвовать с этими людьми в систематических, законных убийствах, мучениях и терзаниях миллионов мужиков, как участвуют более или менее непосредственно наши чиновники, наши ученые, наши попы, наши купцы, словом, все сословные, гнетущие бессословных»*.

Пропагандистский опус под названием «Издания общества “Народной расправы” № 1» входил в ту же самую теоретическую «обойму» и содержал в себе две большие статьи. Первая, без заглавия, имела подпись: «От Русского Революционного Комитета». Так же была подписана и вторая статья, озаглавленная: «Взгляд на прежнее и нынешнее понимание дела (Предназначается для истинно народной молодежи, прочувствовавшей всю сладость современного общественного строя)».

Издание это задумывалось как периодический орган, который якобы публиковался в России, хотя на самом деле два вышедших номера были отпечатаны в Женеве. Большинство авторов склоняется к тому, что Нечаевым была написана львиная доля текста этого издания, при активном редактировании Бакуниным.

В передовой статье откровенно формулировалась цель всей пропагандистской кампании: «соединить в одно неразрывное дело все разрозненные революционные усилия в России». Тут же заявлялось, совершенно в духе «Начал революции», что «Народную расправу» не следует воспринимать как «литературный» или «учебный» орган, ибо «мысль дорога только, если она может служить великому делу радикального и повсюдного разрушения», что на деле важны лишь «фактические проявления», т.е. действия, устраивающие «конкретное лицо, вещь, отношение».

Во второй статье этого выпуска давалось развернутое «историческое обоснование» идеальных, программных и тактических принципов, развиваемых «Народной расправой», с тем, чтобы показать их преемственность с деятельностью предшествующих поколений революционеров, придать им своего рода «революционную легитимность». Большинство из своих предшественников Нечаев, мягко говоря, не жаловал, делая в этом отношении исключение лишь для декабристов, издателей «Колокола» и, в особенности,

* Революционный радикализм... С. 218–222.

каракозовцев. Остальные же, по его словам, «с чрезвычайной серьезностью толкли воду в ступе», отдаваясь бесплодному теоретизированию.

Декабристы, по Нечаеву, были «людьми дела», «их отрицание было отрицанием на деле». Но и они, с его точки зрения, не понимали «стремлений народных». Лишь немногие из них предлагали «разбивать кабаки, позволить грабеж и, взяв хоругви из церквей, идти прямо на дворец для расправы с его обитателями», чтобы «перерезать всю семью царя Николая со всеми домочадцами».

Большинству же своих предшественников Нечаев ставит в вину отсутствие «полного равнодушия к выбору средства, которое служит основанием всякой серьезной борьбы и составляет главнейшую силу правительства». Главная причина, по которой революционное движение в России долго топталось на месте – это недостаточный аморализм его участников: «Размышления над нравственностью и честностью той или другой меры, необходимой для истинного дела, именно и мешали и останавливали всякое реальное начинание». Итак, нравственность и честность являлись главными помехами революции.

Совершенно исключительное место в статье отводилось апологии ишутинского дела. С него «началась новая эра революционного понимания», а «мощные образы ишутинцев крепко запечатлелись в головах юношества и делались образцами». Выстрел же Каракозова объявлялся Нечаевым «начинанием нашего святого дела».

Наряду с апологией каракозовщины в нечаевской статье содержались, как всегда, «практические» рекомендации единомышленникам. Это была обширная террористическая программа, предусматривающая последовательное и целенаправленное уничтожение определенных слоев населения: чиновников, военных, чинов III отделения, консервативных журналистов и т.д. Одних следовало бы «положительно истреблять, безо всяких рассуждений», у других необходимо было «отбирать их экономические силы и средства» или же «уничтожать эти силы и средства», третьих надобно было заставлять молчать «хотя бы лишением языка» и т. п. Члены же III отделения «должны быть казнены самым мучительным образом и в числе самых первых». Нечаев заявлял: «Чувствуется настоящая потребность в подробном списке не по алфавитному порядку имен, а по степени мерзости и зловредности». В него по-

пало семнадцать человек, среди которых значились министр двора Адлерберг, глава III отделения Мезенцев, обер-полицмейстер Трепов, Катков, Градовский, Погодин и «пр. дрянь»³⁷⁸.

Но главным пунктом «практических действий» было «истребление царя со всей семьей, со всеми чадами и домочадцами, со всей, так называемой ектенией, для искоренения формы государя вообще». (Это место нечаевского листка, если верить воспоминаниям В.Д. Бонч-Бруевича, вызвало особый восторг у Ленина: «Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам, бывали в церкви, и все знали, что на великой, на большой ектений вспоминается весь царствующий дом, все члены дома Романовых. Кого же уничтожить из них? – спросит себя самый простой читатель. – Да весь дом Романовых, – должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности!»)³⁷⁹.

Это была несомненная конкретизация террористических идей «Катехизиса революционера», их дальнейшее уточнение и развитие.

В тексте статьи обсуждалась с анархических позиций и тема будущего устройства общества: «В казацком кругу, устроенном Василием Усом в Астрахани, по выходе оттуда Степана Тимофеевича Разина, идеальная цель общественного равенства неизмеримо более достигалась, чем в фаланстерах Фурье, институтах Кабе, Луи Блана и прочих ученых социалистов, более чем в ассоциациях Чернышевского»*.

Заканчивая анализ наиболее специфичных изданий 1869 г., нельзя обойти вклад Огарева в бакунинско-нечаевскую кампанию. Его роль была ничуть не меньшей, чем, скажем, Бакунина. Достаточно указать на тот факт, что с июля 1869 г., после отъезда Нечаева в Россию и временного отхода от «русских дел» Бакунина (он в это время с головой ушел в борьбу против Маркса в I Интернационале), пропагандистскую кампанию до конца года вел никто иной, как Огарев. Правда, справедливости ради надо отметить, что

* *Революционный радикализм...* С. 223–244.

большинство прокламаций, вышедших из-под пера Огарева перепевало мотивы его пропагандистских выступлений начала 60-х гг., в которых проводилась идея объединения различных социальных групп против правительства. Кроме того, он весьма широко использовал свои старые прокламации того же периода.

Но были и определенные «новации». Так, Огарев явился создателем ряда документов, представляющих собой образчики самой разнудленной демагогии, в которых содержались призывы к погрому и резне высших сословий. Никаких принципиальных отличий от вышеупомянутой бакунинско-нечаевской литературной продукции в них не содержалось. Если различия и были, то они носили по преимуществу вербальный характер. Так, отвергая необходимость «резбоянического восстания», Огарев жаждал некоего «человеческого», «народного», «откровенного восстания», опирающегося, помимо русских крестьян, на башкир и киргизов с Урала и Дона¹⁵⁰.

В стихотворной прокламации Огарева «Гой, ребята, люди русские!», написанной в псевдонародном стиле, присутствовал целый ряд идей, четко вписывавшихся в общий контекст нечаевско-бакунинской агитации. Ее главные мотивы – разжигание иррациональной ненависти к высшим сословиям, апология разбоя, «расправы» над «сладеями-врагами»:

Припасайте петли крепкие
На дворянские шем томкие!
Добывайте мозги вострые
На поповские груди белые!
Подымайтесь, добры молодцы,
На разбой – дело величье!

Далее Огарев заявляет:

Надо всех их нам со света скрутить
Города, дворцы огнем спалить...
...Мироздан всем каретуны дадим,
Все дома их пустим по ветру.

Особо выделяются в этих «стихах» мотивы цареубийства, обильно слобренные вообще характерной для Огарева германофобией:

Подставному царю-батюшке
Александрушке подмененному
Мы скрутим руки немецкие,
Поведем на площадь Красную.
...Мы теперь тебя разорвем в куски,
Разбросаем их во все стороны *.

Те же идеи – только прозой – развивались в огаревской прокламации «Мужичкам и всем простым людям работникам»: «Становые, исправники, мировые посредники, мировые судьи – все одна сволочь... Надо нам их всех вконец истребить, чтоб и духу их не осталось, чтоб и завестись они не могли опять никак. А для того надо нам, братцы, будет города их жечь. Да выжигать дотла. Да места выжженные вспахивать».

Подобные строки делают Огарева достойным компаньоном Нечаева и Бакунина. Более того, в чем-то они, пожалуй, и порадикальней соответствующих списков и «рекомендаций» «Катехизиса» и листка «Народная расправа».

Весь этот комплекс разрушительных идей, сформулированных в документах прокламационной кампании весны–лета 1869 г., Нечаев и его единомышленники пытались реализовать на практике в России.

Создание и деятельность общества «Народная расправа» (август–декабрь 1869 г.)

Историю собственно «Народной расправы» следует, по нашему мнению, начинать не с сентября, как это принято в исторической литературе, а с конца лета 1869 г. В июле 1869 г. Нечаев уехал в Россию. По пути он должен был расширить связи с болгарской революционной эмиграцией в Румынии, где он пробыл около двух недель, налаживая каналы транспортировки в Россию нелегальной литературы. Через границу он переправился в районе Одессы. Следует согласиться с В.Я. Гросулом, который утверждал: «Видимо, в этих местах он пытался создать нечто вроде филиала своей организации – центральной его идеи того времени, которой он подчинял все остальные помыслы»⁸¹. Во время расследования нечаевского дела в середине декабря 1869 г. III отделение пришло

* Революционный радикализм... С. 248–251.

к следующему выводу: «средоточие преступной организации, несомненно было в Москве, тем не менее, деятельность общества стремилась проникнуть и даже некоторым образом успела уже распространиться и в другие места России, как-то: в Петербург и главным образом на юг России и в Одессу»³⁸². Кто из одесситов действительно входил в организацию, в материалах III отделения не указывалось. Особое внимание привлекает, в этом отношении, присутствие фамилии одесского студента А.М. Попича в списке кандидатов в «Народную расправу»³⁸³. Факт этот, разумеется не мог быть случайным и свидетельствовал о связях Попича, принимавшего довольно активное участие в революционном движении, с нечаевцами. Попич внес в список активный нечаевец Пимен Енкуватов³⁸⁴ при обыске у него были найдены номера журнала «Народное дело» и нечаевская прокламация «Начала революции». На допросах Попич указал как на единомышленников на Барского и Финкельштейна³⁸⁵. В 70-е годы Попич переписывался с революционерами бланкистского направления: уже известным нам Чубаровым и Ковальским.

И в дальнейшем у Нечаева имелся ряд сторонников, вышедших из Одессы. Среди них выделяются К. Турский, Е. Южакова, Р. Туманова и др. Об одессите Барском (возможно, что именно на него указывал Попич. – А.М.), агентура доносила, что он некоторое время «стоял даже во главе нечаевского общества» (за границей. – А.М.)³⁸⁶.

То, что Нечаеву удалось завязать какие-то связи на юге России подтверждает и хорошо осведомленный Н.Н. Николаев, ближайший помощник Нечаева. Он показывал, что Нечаев, «возвращаясь из-за границы через Юг России, распространил по Малороссии прокламации», и что «через Владимира Орлова Нечаев завязал отношения с Новороссийским Университетом и Одесскою Духовною Академиею»³⁸⁷. При обыске у студента Харьковского университета В. Малютина, причастного в свое время к каракозовскому делу³⁸⁸, были найдены три нечаевские прокламации³⁸⁹. Милютин учился в петровско-разумовской академии до января 1869 г. и был знаком с активными участниками «Народной расправы»³⁹⁰. Николаев показывал, что «в конце октября (1869 г. – А.М.) Успенским и Нечаевым посыпались с кем-то в Харьков их хорошим знакомым несколько

писем с прокламациями «от сплотившихся к разрозненным». Нечаев говорил, – продолжал Николаев, – что у него есть в Харькове люди ему знакомые, способные для организации³⁹¹.

В конце августа 1869 г. деятельность Нечаева на «южном направлении» пересеклась с деятельностью участников так называемого «Елисаветградского дела»: Ф.А. Борисова, М.П. Троицкого и В.И. Кунтушева, тесно связанных с «Сморгонской академией». Вышеперечисленные лица выехали в Одессу для того, чтобы наладить доставку подпольной литературы в Россию. Впоследствии им было приписано стремление организовать покушение на Александра II, в связи с чем дело получило определенный резонанс. Сохранившиеся воспоминания одного из участников «Елисаветградского дела» Борисова свидетельствуют о том, что они действительно встретились с Нечаевым, «с которым решили действовать вместе. Но, – продолжал Борисов, – крайняя неразборчивость Нечаева в средствах оттолкнула от него Борисова и его товарищей»³⁹². По мнению В.Я. Гросула «можно с полной уверенностью сказать о том, что Нечаев искал встречи с Борисовым и Троицким, знал о их нахождении на юге и, видимо, выступал в роли агента Элпицина, которого здесь ожидали»³⁹³. Если это так, то не лишне отметить, что М.К. Элпицин с его недоверчивостью, порой переходящей в шпиономанию, мог довериться Нечаеву только в том случае, если бы имел бесспорные рекомендации на этот счет. Это, кстати говоря, лишний раз подтверждает, что первую поездку за границу Нечаева ни в коем случае нельзя сводить только к единоличной мистификации со стороны Нечаева.

Но основные события, связанные с организацией «Народной расправы», разворачивались все же не на юге России, а в Москве. По нашему глубокому убеждению, Нечаев уехал в Москву не «вслепую», а уже зная, к кому он приедет, и на что он может рассчитывать на первых порах. Дело в том, что часть ядра будущей «Народной расправы» к этому моменту уже сложилась в Москве. Напомним, что еще зимой 1869 г. в Петровско-Разумовскую академию являлись поочередно Орлов и Ралли, которых в первую очередь интересовали студенческий кружок В.И. Лунина, куда входили будущие активисты «Народной расправы»: А.К. Кузнецов, И.И. Иванов, Н.С. Долгов, Е.И. Беляева. Орлов, будучи в Москве, по рекомендации Ткаче-

ва познакомился с Успенским и, в свою очередь, познакомил его с Николаевым, Флоринским и Нечаевым. Летом 1869 года Успенский принимал живейшее участие в судьбе Орлова и Нечаева. Известно, что Успенский направил Прыжова к Зубкову, который выделил деньги для передачи Нечаеву, кроме того, Успенский переписывался с Нечаевым.

Поэтому неудивительно, что первым, к кому в Москве отправился Нечаев, был Успенский, который работал приказчиком в книжном магазине Черкесова. Петр Гаврилович Успенский не был «новичком» в революционных делах, известно, что еще в 1866 г. каракозовцы собирались привлечь его и Прыжова в свое общество³⁹⁴. «Успенский, – свидетельствовала хорошо знавшая его лично В.И. Засулич, – был для Нечаева очень подходящим человеком. Он раньше встречи с Нечаевым уже думал, скорее, мечтал о заговорах, о революции»³⁹⁵.

Нечаев сразу же раскрыл перед Успенским свои карты. Правда, карты эти были «краплеными». Он, в частности, сообщил ему о том, что является представителем мощной организации, которая действует по всей России, только Москва «отсталая»³⁹⁶. Нечаев повторил миф о своем побеге из Петропавловской крепости и от жандармов в Одессе. При этом он дал понять Успенскому, «что бежал по какому-то чрезвычайно важному делу, а вовсе не из-за такой малости, как студенческая история»³⁹⁷. На Успенского все эти рассказы, как и личность самого Нечаева, произвели «громадное впечатление»³⁹⁸. «Вначале, – писал он в своих показаниях, – я только симпатизировал ему и уважал, а потом даже стал несколько бояться, по крайней мере, он казался мне таким могущественным, что я, находясь уже под арестом ждал: вот-вот явится Нечаев и или уведет меня из-под замка, или убьет для того, чтобы я ничего не говорил на допросах»³⁹⁹. Надо признать, что Нечаев умел производить сильное впечатление и на куда более крупных и самостоятельных людей, нежели Успенский: достаточно вспомнить о Бакунине, Огареве, Ткачеве. Кроме того, у него был мандат, подписанный Бакуниным. В результате Успенский сделался одним из самых деятельных и осведомленных помощников Нечаева.

Не ограничиваясь контактом с Успенским, Нечаев также возобновил старые связи с революционным подпольем. Сразу

же по приезде в Москву он встретился с бывшим участником каракозовского дела, организатором «Сморгонской академии» В.Д. Черкезовым. С Нечаевым Черкезов познакомился в Петербурге в 1868 г. через Е. Аметистова⁴⁰⁰ Известно, что в период студенческих волнений Черкезов был среди тех, кто пытался противодействовать Нечаеву. В показаниях Ралли говорится о том, что зимой 1869 г. «какой-то князь Черкезов приехал в Москву и говорит всем и каждому, что все это студенческое дело поднято другими людьми, ищущими людей для организации, с целью же какою, кто такие, не знает»⁴⁰¹. Пытаясь избежать ареста в связи с студенческими беспорядками, Черкезов уехал из Москвы «на лето в провинцию, на работу по постройке Владикавказской железной дороги»⁴⁰². По сообщению М. Неттлау, московская квартира Черкезова послужила первой явкой для Нечаева в сентябре 1869 г.⁴⁰³. В своих показаниях Черкезов писал о том, что Нечаев сообщил ему, что он приехал из Женевы как член международного революционного общества, как уполномоченный завязать сношения со всеми недовольными в Москве, и, если это будет возможно... основать тайное общество, которое бы действовало в Москве»⁴⁰⁴. Показания Черкезова воочию демонстрируют, насколько тяжело было Нечаеву создать организацию в кругу тех лиц, которые ранее его хорошо знали. Так, когда Нечаев показал Черкезову прокламацию «Народная расправа», и заявил, что она отпечатана в Москве, Черкезов тут же уличил его во лжи: «прокламация, так хорошо отпечатанная, сделана не в Москве, а, должно быть, в Женеве»⁴⁰⁵.

Сохранилось письмо Черкезова, в котором он дает весьма своеобразную характеристику Нечаеву и которое ясно показывает отношение активных деятелей революционного подполья к Нечаеву и свидетельствует о том, что не только Нечаев пытался в своих целях их использовать, но и они, в свою очередь, имели на него виды: «Нечаев в моих глазах человек не с особо ясным и широким развитием, человек, не могущий не только дать направление, – куда ему! – но даже быть представителем какой бы то ни было серьезной и последовательной политической агитации, – писал Черкезов, – но он имеет одно качество – решительность, доходящую до изуверства, любовь к работе на народное дело и привязанность к нему, равносильную фанатизму. В этом последнем качестве и нужно ис-

кать то влияние, какое он имел на известные ему группы честных людей... Его личность имела для меня, – подчеркивал Черкезов, – одно значение – посредник между отдельными недовольными личностями, но его посредничество становится лишним, коль скоро личности сами столкнулись»⁴⁰⁶.

Черкезов, таким образом, знал с кем имеет дело, но, тем не менее, пошел на тесное сотрудничество с Нечаевым. Он сделал крупный вклад в кассу зарождавшегося общества, пожертвовав 100 рублей⁴⁰⁷. Основная масса денежных поступлений и в дальнейшем шла именно от него. На стадии становления «Народной расправы» Черкезов, впрочем, никакой роли не сыграл, так как был вынужден находиться по преимуществу за пределами Москвы до ноября 1869 г.

В деле создания организации в роли главного помощника выступил Успенский. Он сразу же посоветовал Нечаеву обратиться к студенту Петровско-Разумовской академии Н.С. Долгову⁴⁰⁸. Долгов, в свою очередь, ввел Нечаева в круг лиц, составивших костяк «Народной расправы»: это были А.К. Кузнецов, И.И. Иванов, Е.И. Беляева, Ф.Ф. Рипман и др. Все они были студентами Петровско-Разумовской академии. Академия в то время была на особом положении, поскольку ее студентам жилось гораздо свободнее и лучше, чем студентам каких-либо других высших учебных заведений. Причин для волнений у петровцев в принципе не было: «Право сходок, которых добивались петербуржцы, здесь не имело смысла: половина студентов жила на казенных квартирах в одном здании, остальные размещались в слободке, в нескольких шагах друг от друга; к их услугам был великолепный парк при академии, и сходки, если таковые бы понадобились, могли продолжаться здесь хоть круглые сутки, – писала Засулич, – у них была кухмистерская, общая библиотека, которыми заведовали выборные от студентов, была и касса, считавшаяся правда,тайной, но спокойно существовавшая целые годы, насчитывая до 150 членов»⁴⁰⁹. Тем не менее, в этих, чрезвычайно неблагоприятных для революционной работы условиях, Нечаеву, удалось завлечь в организацию «прежде всех тех слушателей Академии, которые до него считались наиболее консервативными»⁴¹⁰. Успех Нечаева в Академии был ошеломляющим. Засулич объясняла это тем,

что «при сплоченности студентов и зачатках организации, можно было смело рассчитывать, подчинив своему влиянию несколько выдающихся личностей, повести за собою очень многих»⁴¹¹. Так и произошло. Дело в том, что кружок В.И. Лунина был наиболее выдающимся и влиятельным во всей Академии⁴¹². Члены его намеревались по окончании академии устроить землевладельческую ассоциацию и заняться «народным образованием». Некоторые из них занимались обучением грамоте жителей слободки, располагавшейся недалеко от академии. В.И. Лунин даже разработал «проект артели странствующих учителей, в которых намеревались превращаться члены ассоциации в свободное от полевых работ месяцы»⁴¹³. Выезжая на практику в образцовые имения разных губерний, члены кружка сталкивались по роду своей деятельности с сельскохозяйственными рабочими и крестьянами. По возвращении с практики, осенью, члены кружка обменивались своими впечатлениями. Как писал в своей автобиографии А.К. Кузнецов, «положение рабочих и крестьян рисовалось в самых мрачных красках, и выявлялось недовольство крестьян реформой 1861 года»⁴¹⁴. Немалую роль в идейной жизни кружка и его радикализации играло и осмысление политических событий. Кузнецов вспоминал: «каракозовский выстрел... сделал большую брешь в нашей психологии» и «был... толчком, способствовавшим косвенным путем созданию нечаевского общества»⁴¹⁵.

Нечаев предстал перед этими людьми окруженным ореолом таинственности, под именем «Павлова». «В то время такой человек, – писала Засулич, – был необычным явлением: никто не скрывался, даже предвидя арест, его ожидали на собственной квартире – нелегальность изобретена еще не была»⁴¹⁶. Кроме того, Нечаев изображал из себя «выходца из народа», а в то время «в таком человеке, в силу одного его происхождения, готовы были допустить всевозможные свойства и качества, уже заранее относились к нему с некоторым почтением»⁴¹⁷. В немалой степени своим успехом Нечаев был обязан мистификаторским приемам, хотя не следует особо преувеличивать их роль. Лунин, к примеру, писал о том, что процесс вербовки в «Народную расправу» Нечаев сопровождал рассказами об ужасах репрессий со стороны правительства, о жестоких пытках, которым последнее подвергает попадающих в его тюрьмы и т.д.,

причем не стеснялся вносить в свои рассказы всевозможные преувеличения, и чем, кажется, развивал в своих слушателях ненависть к правительству и желанию ниспровергнуть его»⁴¹⁸. Кроме того, поверить на слово в существование большого заговора в то время было легче, чем впоследствии. С каракозовского дела прошло ведь всего три года.

Но, конечно, дело было не только в нечаевских приемах. Нечаев умел очаровывать людей и увлекать их за собой. Кузнецов, например, писал о том, что Нечаев привлекал прежде всего своей «колossalной энергией, своей прямолинейностью, силой своей воли, своей бескорыстной преданностью принципу. Его постоянными словами, – продолжал Кузнецов, – были: «Нужно работать для блага обездоленного народа, нужно организовывать восстание»⁴¹⁹. Да и сам образ жизни Нечаева производил сильнейшее впечатление на тех, кто сталкивался с ним. «Добродушные петровцы, – писала Засулич, – привыкшие после дневных трудов покататься на лодке, погулять, бродить по окрестностям, а потом поспать 7–8 часов, были поражены и очарованы»⁴²⁰. В своих показаниях Кузнецов рассказывал об удивительной работоспособности и выносливости Нечаева: «он... спал иногда только по два часа в сутки... и... бывало дремлет, а ему что-нибудь читают, о чем-нибудь спрашивают, и он отвечает всегда исправно, советует, распоряжается»⁴²¹. В другом месте Кузнецов писал о том, что Нечаев «спал на голых досках, довольствовался куском хлеба и стаканом молока, отдавая работе все свое время»⁴²².

Разумеется, такой сильной личности, тем более обладающей способностью искусно убеждать в своей правоте оппонентов, не составляло большого труда «подмять» под себя «добродушных петровцев». Он следующим образом убедил «петровцев» в несостоятельности их прежних планов: «раз правительство, – говорил Нечаев, – узнает о существовании какой-нибудь ассоциации, оно закрывает ее, и нельзя же пахать землю тайно, а народным образованием людям, побывавшим в высшем учебном заведении, заниматься запрещено»⁴²³. Противопоставить этой железной логике сколько-нибудь убедительную аргументацию в рамках «радикального сознания» было, разумеется, невозможно. Нечаев утверждал, что « заводить ассоциацию мыслимо, только опираясь на сильную

организацию, которая всегда сумеет защитить своих членов... народное восстание так близко, что осуществить свои планы им придется уже в обновленной России»⁴²⁴.

«Народная расправа» в Москве стала становиться на ноги примерно к половине сентября 1869 г. «На первом заседании, – вспоминал Кузнецов, – Нечаев объявил себя уполномоченным Международного Общества рабочих... статуты которого были приняты бакунинской организацией, в свою очередь уполномочившей его на революционную работу в России»⁴²⁵. Нечаев предложил затем создать «головной кружок», обязав присутствующих «создать около себя кружки второго разряда при непременном условии, чтобы образуемые нами кружки второй, третьей, четвертой и т.д. степеней, – продолжал Кузнецов, – не знали о кружках по восходящей линии, а могли лишь знать о кружках, ниже стоящих»⁴²⁶. После этого организационного собрания развернулась интенсивная работа по созданию кружков в Петровско-Разумовской академии. При вербовке новых членов следовали нечаевскому принципу «не убеждать, а сплачивать». Так, «политически неразвитым» говорили: «Государственный переворот – это дело будущего, а теперь мы находимся в стадии созиания сил»⁴²⁷.

Обычно Нечаев говорил членам организации, что цель «Народной расправы» выражена на страницах одноименной прокламации. Это вызывало известные сомнения у спрашивающих. В самом деле, на страницах «Народной расправы» говорилось лишь о «повсюду и беспощадном разрушении». А что же должно было быть дальше? Нечаев же не желал допускать обсуждение этого вопроса. Кузнецов показывал, что Нечаев не говорил об этом, «объясняя такую неопределенность тем, что если теперь же указать эту цель, то непременно возникнут споры о средствах к ее осуществлению, споры эти обратятся в ссоры, а когда эти ссоры начнутся, то они вредно могут повлиять на общий характер дела. Он, – продолжал Кузнецов, – говорил, что наше дело – работа подготовительная, мы должны готовить себя, чтобы быть полезным народу, помогать ему своими знаниями, пополнять пробелы в этом отношении у народа: надо было расшатать прежде всего общественную машину»⁴²⁸.

При этом Нечаев отнюдь не целиком и полностью уповал на народный бунт. Взгляды его, в сравнении с весной 1869 г., претерпели некоторые изменения. К примеру, Успенский утверждал, что «предполагалось не произвести возмущение, а только воспользоваться предполагающимся волнением между крестьянами, волнением, которое явится просто в силу собственного недовольства»⁴²⁹.

Нечаев говорил о том, что сделать «в такой короткий промежуток как от Сентября к Февралю 1870» много вряд ли возможно, и что «это дело, вероятно, растянется на два или три года, что в 1870 году могут быть какие-нибудь отдельные вспышки, но что они не будут иметь никакого общего значения и потому будут не значительны»⁴³⁰. То же утверждал и Кузнецов: «1870 год имел в его [Нечаева] глазах главным образом значение определенной точки отправления, положения же 19 февраля и толки в литературе давали повод представить ему для нас эту точку отправления не возможной»⁴³¹.

Ближайшей целью Нечаева все же был не анархический бунт, а политический, государственный переворот, для чего он и создал «Народную расправу». Об этом со всей определенностью рассказал на склоне лет Кузнецов в своих воспоминаниях. Уже после убийства Иванова в Петербурге Нечаев посвятил Кузнецова в план цареубийства. «Нужно было, – по его словам, – 40–50 преданных организаций лиц, ворвавшихся с которыми во дворец и обезоружив стражу, возможно было покончить с царем и его семьей»⁴³². Николаев в своих показаниях рассказал о некоторых деталях этого плана. Так, он утверждал, что Нечаев говорил ему: «19 февраля 1870 года стоит только собрать 30 человек, расставить их по разным площадям в Москве и начать крик с таких слов: «Царь убит» и «хотят сделать всех крепостными», а затем уже вся революция сделана»⁴³³.

Надо сказать, что подобный план соответствовал пунктам «Программы революционных действий». Не случайно Нечаев заставил жену Успенского переписывать имеющийся экземпляр этой программы⁴³⁴.

Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, заставляют нас думать, что «Народная расправа» не была анархистской организацией, хотя ее членам вменялось в обязанность распространять

и те прокламации, которые вышли из-под пера Бакунина. Она должна была стать со временем организацией заговорщической и сориентированной прежде всего на государственный переворот.

С самого начала своего возникновения организация была поражена своеобразным «революционным бюрократизмом». Это явление будет вполне понятно, если вспомнить о том, с какими трудностями столкнулся Нечаев осенью 1868 – весной 1869 гг., когда все его попытки создать дееспособную организацию неоднократно проваливались из-за бесполковщины, отсутствия минимальной дисциплины, нежелания подчиняться единому центру и т.д. Нечаев усматривал лишь один путь преодоления всех этих преград: установление тотального контроля, по возможности, за каждым членом организации. А этот контроль он мог осуществить лишь бюрократическими методами, опутывая, как паук паутиной, членов организации всякого рода подписками, отчетами и т.п. При этом Нечаев с самого начала проявил незаурядные организаторские способности. По мере накопления новых членов в создаваемых кружках, он составил правила работы организации – «общие правила организации», обобщив в них опыт кружковой деятельности. В показаниях Успенского содержится интересная характеристика этих правил. Главною преобладающей мыслью их была мысль о «доверии к личности». «И действительно, – показывал Успенский, – мы безусловно доверяли Нечаеву и подчинялись его приказаниям. Прежде это было в силу сознательного соглашения с ним, а потом в силу привычки»⁴³⁵. Показания Успенского в этой части настолько любопытны, что заслуживают того, чтобы привести их полностью. «Мы уже разучились не соглашаться и покорно склонились перед его приказаниями, – писал он, – прежде он был сильным, как в силу его ума, своей энергии, а потом в силу своего высшего положения. Он уверил нас в необходимости безусловного повиновения в интересах самого дела и мы подчинились ему без возражений, требовали от других того же. К этому еще присоединялось правило не убеждать, и, следовательно, все мало-мальски увлекающиеся люди шли с закрытыми глазами только потому, что верили тем, за кем шли, а те, в свою очередь, верили другим и все верили Нечаеву. Одним словом, мы были солдатами или еще ниже их. Нам говорили иди и мы шли, приходи и приходили».

«В другое время, – продолжал Успенский, – ничего этого мы не перенесли бы, но тут все думали, что служили идее и потому считали возможным принести в жертву наши личные самолюбия. Всякий старался показать, что у него совсем почти нет этого чувства, чтобы не подумали, что он собственное я ставит выше дела, а потому нам приходилось иной раз сносить разные выходки Нечаева, частично грубые, частично пошлые. При этом, – заключил свой рассказ Успенский, – правила требовали не делать вопросов к высшим себя и это соблюдалось очень строго и иные, чтобы показать, что насквозь прониклись правилами, не делали никогда ни одного вопроса, чтобы перед глазами не происходило»⁴³⁶.

Рассказ Успенского дополняется воспоминаниями Кузнецова. Последний писал: «В кружках была введена железная дисциплина и требование безусловного исполнения всех распоряжений и велений центрального комитета «Народной расправы»... – Работа в кружках велась весьма секретно, – продолжал Кузнецов, – но бдительность и контроль Нечаева были изумительны. Внезапно появляясь на заседаниях кружка, он поражал участников знанием не только всей проводившейся кружком работы, но временем и местом заседания»⁴³⁷. Причины изумительной осведомленности и оперативности Нечаева были довольно простыми и детально описаны Успенским в его показаниях. Долгов, отвечающий за работу в кружках, регулярно доставлял в «центр» протоколы их заседаний, но, помимо этого, Нечаев, побывав на собраниях всех академических кружков (обычно это он делал тайно, сидя в соседней комнате или за ширмой), приносил Успенскому сведения более полные и ясные. «Долгов иной раз изумлялся, что мне, – показывал Успенский, – многое известно раньше, тогда ему было сказано, что в академии есть еще ветвь отделения, о которой он не знает»⁴³⁸. Кроме того, Нечаев активно собирал сведения о каждом члене организации. Успенский писал по этому поводу: «право, он иной раз представлял из себя что-то вроде духовника: все ему рассказывали и доверяли самую последнюю мелочь, он вмешивался в отношения личные, семейные, я уже не говорю, – продолжал Успенский, – о письмах, которые он читал и по желанию и помимо желания писавшего»⁴³⁹.

Цель создания кружков «должна была заключаться первое время в подготовительной работе, то есть в накоплении капиталов, в

направлении общественного мнения, в поддержании агитации»⁴⁴⁰. «Впоследствии же, – разъяснял Успенский, – эти же кружки должны были регулировать и направлять самые массы народные, то есть стараться возвысить его до тех требований, которые сами по себе едва ли бы явились в народе, – одним словом, быть цивилизующею силою»⁴⁴¹.

Показания Кузнецова существенно расширяют представления о структуре и назначении кружков, так он заявил, что «одни члены должны были вербовать людей в общество, через посредство которых должны были увеличиваться средства и силы общества, а другие кружки составлялись из людей, которых брали частью из прежде составленных кружков, частью набирали из новых. Назначение последних было действовать в народе непосредственно»⁴⁴². Кроме того, «всякий проявивший себя положительно в революционной работе в кружках низших степеней продвигался в вышестоящий кружок, а лиц безнадежных, то есть таких, из которых нельзя было выковать революционеров, беспощадно выбрасывали»⁴⁴³.

Вербовка в кружки поводилась по-иезуитски изощренно. Нечаев до деталей продумал «механизм» постепенного опутывания людей, чтобы отступить назад, у них не было никакой возможности. Об этом подробно поведал Кузнецов, сам немало отдавший времени и сил на организационную деятельность, в силу чего его показания приобретают в наших глазах особую ценность. Так, он писал: «Нечаев устраивал вербовку в члены общества различными средствами, и тех, кто не поддавался на его желание, обставлял таким образом: окружал их незаметно для них самих людьми, которые все старались уговорить не желавшего, давали понимать, что все должны служить общему делу, что это нужно ради же их самих, ибо иначе народ, когда поднимется, истребит всех, кто не стоит в наших рядах. Старания эти вели к тому, что нежелавший поддавался сначала только на пожертвование в пользу дела деньгами, а потом, связавши себя уже этим пожертвованием, вступал в дело и лично. Вообще, – показывал Кузнецов, – Нечаев обладал удивительной ловкостью к тому, чтобы склонять к участию в обществе, он умел представить это дело в таких размерах, придать ему такой характер общего дела, что силою этих доводов увлекал за собою. Но убеждением он действовал лишь до того времени, –

подчеркивал Кузнецов, – покуда надо было склонить человека на согласие, а коль скоро получал это согласие, то изменялся в отношении к согласившемуся совершенно, – он приказывал и требовал подчинения его узаконениям»⁴⁴.

Помимо всего прочего Нечаев был опытным конспиратором. Успенский утверждал, что «помимо его обыкновенной манеры представлять дело в гораздо большем виде, чем оно было на самом деле, все действительно происходящее он тщательно скрывал... все, что он считал более или менее важным, было известно только ему и еще тому лицу, которое исполняло его поручения»⁴⁵.

Наконец, большую роль в поддерживании революционного энтузиазма и дисциплины в «Народной расправе» являлись многочисленные мистификации, на которые Нечаев был большой мастер. Так, по словам Успенского, «он сам заботился о распространении стихотворения, написанного Огаревым в его честь, которое было扑щено в ход, распространялось им как можно шире и не только читалось, но должно было быть положено на музыку и петься»⁴⁶. Кроме того, он широко пользовался именем Интернационала, рассказывая о его (не существовавшей к тому в времени) деятельности в России. Так, он заявлял, что «общество это (Интернационал. – А.М.) уже давно имеет в России своих членов с помощью которых была поднята студенческая история в Петербурге»⁴⁷.

Даже в тот момент, когда «Народная расправа» агонизировала в результате арестов, Нечаев для поддержания боевого духа лгал «сопротивникам», что в России «находится 5 эмигрантов и что это известно полиции»⁴⁸.

Организационное ядро «Народной расправы» сложилось уже в сентябре 1869 г. Помимо Нечаева и Успенского в него входили Прыжков, Кузнецов, Иванов, позднее к нему присоединились Черкезов и Николаев. С самого начала по отношению к этим людям Нечаев использовал приемы грубейшей мистификации для того, чтобы заставить их поверить в серьезность предпринятого дела. В конце сентября он объявил о том, что едет по делам общества «в один из северных городов»⁴⁹. На самом же деле он поехал в Петербург, где у него действительно имелись сторонники. Во всем объеме петербургские связи Нечаева мы рассмотрим ниже, сейчас же остановимся на посещении им кружка Ивана Лихутина⁵⁰, деятельности которого во время студенческих волнений мы касались выше.

В кружок осенью 1869 г., кроме отставного артиллерийского подпоручика Ивана Лихутина, входили: его сестра Екатерина (о ней Прыжов в своих показаниях выразился следующим образом: «Ближайшею особою к Нечаеву в Петербурге была госпожа Лихутина»)⁴⁵¹, его брат Владимир, Мокриевич, Попов, Щелкунов, поддерживал связи с этим кружком и Р. Ковалевский, жених Екатерины Лихутиной. Свои убеждения Иван Лихутин высказал с достаточной откровенностью на следствии: «я, – писал он, – сочувствовал революционным идеям и надеялся достичь путем восстания... представительного правления с большею относительною свободою личности и слова»⁴⁵².

Нечаев, явившись в этот кружок, как показывал один из его участников, Попов, «приглашал бросать учебные заведения и идти в народ, указывая при этом на 19 февраля 1870 года, как на момент, особенно удобный для этой цели»⁴⁵³. Ему, очевидно, удалось завербовать И. Лихутина в организацию. Последний в своих показаниях писал: «Нечаев произвел некоторое впечатление на меня. Он увлек меня своими смелыми предположениями и таинственностью, а также безопасностью предприятия»⁴⁵⁴. Нечаев предложил ему проверить серьезность созданной им организации и они совместно отправились в Москву, где Лихутину предстояло разыграть роль «ревизора» от «женевского комитета».

По приезде Лихутин побывал на заседании «головного» кружка. Свою роль он сыграл блестяще. Лихутин «представил в кружок бланк с женевской печатью и сообщил, что в Петербурге имеются организованные кружки среди военных и в Москве, в некоторых частях войск, имеются такие же кружки, с которыми он вошел в связь»⁴⁵⁵.

Конечно, приезд «ревизора» от «Комитета» через несколько дней после формального создания организации, не мог не произвести большого впечатления на подопечных Нечаева, окончательно уверовавших в серьезность организации. Что же касается Лихутина, то, как он писал в своих показаниях, «увидя ясно, что московская организация может быть только причиной гибели людей, просил Нечаева оставить нас в покое. Он на это согласился только под тем условием, чтобы я, – продолжал Лихутин, – достал вексель от Колачевского на шесть тысяч рублей; он же поучал меня тому, что и как нужно для этого сделать, присовокупив для моего

успокоения, что вексель нужен ему вовсе не для взыскания с него денег, а для того только, чтобы иметь его в своих руках. После этого, – заключил Лихутин, – мы распостились, и я уехал обратно в Петербург»⁴⁵⁶.

Почему в качестве объекта шантажа и вымогательства был выбран именно А.Н. Колачевский, ответить нетрудно. В свое время он был тесно связан с ишутинской организацией. Тогда, в 1866 г., Колачевский предлагал принять «в основание иезуитское правило, как идеал, к которому должны стремиться, так что, если бы пришлось обокрасть или даже убить человека, то и воровство и убийство никако не гнусны»⁴⁵⁷. Колачевский был довольно состоятельный человеком и выделял значительные средства на поддержание деятельности «Сморгонской академии»⁴⁵⁸. Нечаев также рассчитывал на его поддержку, так, Лихутин утверждал, что Нечаев говорил ему о том, что «Колачевский обещался помогать... некоторой суммой денег... кажется 300 рублей в месяц»⁴⁵⁹.

Конечно, человека с такой биографией шантажировать было крайне легко. В начале октября Колачевский был приглашен к Лихутинам, якобы для того, чтобы предложить ему заняться юридическими делами одного из знакомых. Перед уходом Колачевскому была передана записная книжка Нечаева, и было сказано, что это «вещь секретная» и что ее надо передать Негресскулу, известному противнику Нечаева в Петербурге.

Когда Колачевский вышел из квартиры Лихутиных, его нагнал офицер, который представился чиновником III отделения и объявил перепуганному Колачевскому, что тот арестован. Затем он был доставлен в какой-то дом, где его сильно напоили вином и угрожая пистолетом, заставили написать вексель на 6000 рублей. После этого ему завязали глаза, взяли под руки и вывели из дома. Опьяневший от вина и пережитого страха Колачевский смутно помнил, как очутился на улице с завязанными глазами, как кто-то некоторое время вел его и, наконец, сорвал повязку⁴⁶⁰.

Колачевскому, который был связан с революционным подпольем Петербурга, не составило большого труда выяснить, кто на самом деле вымогал у него деньги. Когда он, на следующий день, вместе с Негресскулом отправился к Лихутиным требовать вексель обратно, угрожая обратиться в полицию, то Лихутины ему «разъяснили», что если дело пойдет судом, то будет разъяснено, что

книжка в руках у него была (записная книжка Нечаева. – А.М.) и вообще разъяснится вся политическая сторона дела, причем приятнее (Лихутиным. – А.М.) и легче будет отвечать за дело с характером политическим, нежели за простую кражу»⁴⁶¹. Вексель же был передан Нечаеву во время приезда в Петербург, уже после убийства Иванова, 24 ноября⁴⁶².

Вернемся к рассмотрению хода дел в московской организации. Восстановить деятельность ее в течение октября – ноября 1869 г. не составляет особого труда, поскольку в материалах следственного дела сохранились показания Успенского, представляющие собой по сути дела развернутый комментарий книге протоколов заседаний головного кружка «Народной расправы». В сочетании с показаниями арестованных членов общества общая картина вырисовывается следующим образом.

В течение последних дней сентября Нечаевым были распределены обязанности между Успенским, Прыжовым, Кузнецовым и Ивановым. Успенскому Нечаев поручил быть представителем «отделения» – новой, высшей ступени организации в сравнении с низовыми кружками. Ему вменялось в обязанность «хранение адресов, ведение кассы, сношение с комитетом и прием разных лиц, которые будут приезжать из других городов»⁴⁶³. Успенский должен был также вести все протоколы собраний отделения и обрабатывать отчеты, приносимые раз в неделю из различных кружков Долговым. Успенский был в наименее доверительных отношениях с Нечаевым, и его можно считать вторым человеком в «Народной расправе» после Нечаева.

Алексей Кириллович Кузнецов взял на себя деятельность в среде купечества и приказчиков, где у него было немало знакомых. Он отличался исполнительностью, и поэтому Нечаев нещадно его эксплуатировал, от чего, впрочем, Кузнецов никогда не отказывался. Он внес весьма большой денежный вклад в кассу общества, около 300 рублей⁴⁶⁴. Нечаев утверждал, что Кузнецов «хотел пожертвовать 10000»⁴⁶⁵. Известно, что Кузнецовым выдвигались разнообразные проекты пополнения кассы общества. К примеру, он надеялся на некоего знакомого, который должен был вести биржевую игру, а деньги предоставлять Кузнецову с последующей передачей на нужды общества⁴⁶⁶.

Надо сказать, что благодаря стараниям Кузнецова, средства общества были сравнительно по тем временам большими. В материалах дела сохранился листок с кассовыми расчетами «Народной расправы». В кассе было несколько сот рублей, причем наибольший вклад, судя по записям, внесли Черкезов, Кузнецов и Зубков⁴⁶⁷. Успенский показывал: «Вообще Нечаева постоянно озабочивала мысль о средствах. ...Он составлял различные проекты. Так, ему хотелось взять у купца Ивановского (Зубкова) 10 000 рублей, которые будто бы были обещаны, и еще Нечаев хотел взять батьку за бока, как он выразился»⁴⁶⁸. Были и еще более рискованные проекты. Нечаев предложил Успенскому «взять» из кассы магазина Черкезова, где Успенский работал приказчиком, 200 рублей «посредством телеграммы, будто бы присланной на имя магазина»⁴⁶⁹. Успенский отмечал в показаниях, что «этот проект был оставлен по своей крайней непрактичности»⁴⁷⁰.

Все эти проекты так и не были реализованы. Нечаеву не на кого было рассчитывать в этом отношении, кроме как на помощь Черкезова и Кузнецова.

Убедившись в предприимчивости и работоспособности Кузнецова, Нечаев поручил ему « заняться изобретением и составлением шифра для сношений кружков и представлять по организационным вопросам в кружках»⁴⁷¹.

Одной из наиболее ярких и крупных личностей в окружении Нечаева был Иван Гаврилович Прыжов – довольно известный в радикально-демократических кругах историк и публицист. Его перу принадлежали работы «Нищие на святой Руси» и «История кабаков в России» и множество антирелигиозных писаний. Он был, по словам исследователя его жизни М. Альтмана, «резко выраженным антирелигиозником и не пассивным только, а и воинствующим безбожником, считавшим попов и монахов первыми врагами культуры человека»⁴⁷².

Кроме того, Прыжов был сторонником «украинизма». В книге «Малороссия (Южная Русь) в истории ее культуры с XI по XVIII век», изданной в Воронеже, он проводил идею, что «язык южной Руси заключает в себе столь же самобытные и древние черты, как и остальные славянские наречия»⁴⁷³. «Во всех моих трудах, – свидетельствовал сам Прыжов, – говорил не в пользу правительства»⁴⁷⁴.

Прыжов был связан с каракозовцами. Видный каракозовец П.Ф. Николаев вспоминал в 1909 г.: «Не следует забывать, что кружок (каракозовский) имел близкие отношения с Успенским и Прыжовым, возбуждался даже вопрос об их привлечении, да они и сами просились, но были по некоторым соображениям забракованы»⁴⁷⁵. Входил Прыжов и в «Рублевое общество» Ф.В. Волховского. Все мемуаристы, пишущие о Прыжове, упоминают о том, что он был чрезвычайно «слаб» к крепким напиткам и «слабость» эта, с годами увеличивающаяся, к моменту его знакомства с Нечаевым переросла в хроническую болезнь.

Нечаев появился у Прыжова 5 сентября 1869 г. и, по словам последнего, предложил ему принять на себя «организацию нищего класса городских населений», а также «составить кружок из знакомых с целью сделать агентами народного восстания»⁴⁷⁶. Уже при этой первой их встрече Прыжов активно включился в «дело» и тут же «накидал на клочке бумаги три... прокламации»⁴⁷⁷. Одна из них впоследствии была выпущена за границей Нечаевым в отредактированном виде под названием «До громады».

Нечаев произвел огромное впечатление на Прыжова: «Я прожил 40 лет на свете, писал он в своих показаниях, – встречался со многими, но такой энергии, как у Нечаева, я никогда не встречал и не могу представить себе»⁴⁷⁸. В свою очередь, Нечаев высоко ценил Прыжова, как «великого практика и человека незаменимого»⁴⁷⁹.

На первом заседании отделения «Народной расправы» Прыжов, по словам Успенского, «как человек, более всех нас практический, как человек хорошо – и теоретически и практически – знающий быт народа и его потребности, взял на себя работу в низших слоях общества, среди так называемой преступной части общества, той, которая собирается в кабаках, разных трущобах, лавочках, подземельях»⁴⁸⁰. Под «хорошим теоретическим и практическим знакомством» с бытом народа имелось в виду прежде всего отменное знание кабаков, завсегдатаем коих был Прыжов, и в которых он видел своего рода «народные революционные клубы», где начинались всевозможные бунты и волнения.

Прыжов, обладающий массой свободного времени (он нигде к тому времени не работал), сделал немало для организации: он доставал паспорта – у него были знакомства с мелким чиновным

людом Москвы, заводил знакомства с простонародьем, вербовал новых членов в «Народную расправу» среди студенчества, устраивал «спрятонсы», рассыпал прокламации, штамповал партийные бланки, собирая для организации деньги и одежду и т.д.

Заметной фигурой в составе нечесевской организации стал и Николай Николаев, земляк Нечесева и Орлова. С паспортом Николаева Нечесев отправился в первую поездку за границу. Он же по поручению Нечесева появлялся в кружках «Народной расправы» в качестве «ревизора»⁴⁸¹. Кроме того, Николаев «представительствовал в кружках как организатор среди крестьянства. Из его сообщений мы, – вспоминал Кузнецов, – узнали о недовольстве крестьян реформой 1861 года и о готовности крестьян к восстанию»⁴⁸². Характеристику Николаева можно найти в воспоминаниях Засулич: «Он, – писала она, – стал буквально его (Нечесева. – А.М.) рабом, но рабом любящим, преданным, на которого можно положиться, как на самого себя»⁴⁸³. Николаев, с подачи Нечесева, выступал «то деятелем из народа, привезшим известие о тульских оружейниках, которых нет никаких сил удержать от восстания, то ревизором, то членом Комитета»⁴⁸⁴. При этом, вспомнила Засулич, Николаеву «было строго запрещено пускаться в разговоры – говорил за него Нечесев, он же разыгрывал свои разнообразные роли в строгом молчании, но благодаря инструкциям, так успешно, что являлся пугалом для многих членов организации»⁴⁸⁵.

Иван Иванович Иванов был поначалу одним из деятельных помощников Нечесева. В его обязанности входило «ведение академии»⁴⁸⁶, то есть общая организация кружков в академии. Известно об Иванове крайне мало. Ясно только то, что он был мнительным и раздражительным человеком. Идеализировать его образ не приходится. Протоколы заседаний отделения говорят о его ретивости в деле выявления подлинных и мнимых «врагов» «Народной расправы»: так, он сообщил Нечесеву, что некий студент Бабаев представил по начальству одну из разбросанных по Петровско-Разумовской академии прокламаций и, по поручению отделения, возбудил «общественное мнение» против этого студента, лишив его возможности пользоваться студенческой кассой⁴⁸⁷. Известно также, что он «сообщил о какой-то г-же Цавловской, которой нужно опасаться как шпионке»⁴⁸⁸. Немало в течение октября 1869 г., пекся Иванов и о том, чтобы сту-

денты, вовлеченные в организацию, работали на благо «Народной расправы» и доносил на нерадивых, предлагая «Комитету» делать им «внушения» за «леность, недеятельность и попытки разглашать о существовании общества»⁴⁸⁹. Именно Иванов активно отстаивал необходимость «устроить литературные вечера и кроме того... сбирать деньги в пользу будто бы студентов (или сосланных)»⁴⁹⁰.

Деятельность отделения на первых порах заключалась в создании новых кружков, постоянного над ними контроля, распространения прокламаций, получаемых Нечаевым из-за границы, сбирания денег, устройства «притонов» и т.д.

Связь с заграницей поддерживал сам Нечаев, не поручая это делать никому. Успенский показывал на следствии, что Нечаев «посыпал туда (т.е. в Женеву), если не отчеты, так извещения о себе»⁴⁹¹. Успенскому был «известен... адрес, по которому он постоянно посыпал письма, запечатывая их «какою-то особою печатью, с именем Вильям Кон»⁴⁹². Успенский писал: «во время пребывания Нечаева в Москве были присланы прокламации следующего содержания: прокламация с обращением к студентам («Русские студенты»), Бакунинская и стихотворение Огарева под названием «Студент»⁴⁹³.

Члены отделения и участники кружков занимались также устройством склада костюмов, который находился у А.К. Кузнецова. На складе этом хранились «костюм монаха, доставленный Прыжовым, крестьянский от Николаева и офицерский от Нечаева»⁴⁹⁴. В них Нечаев появлялся, в случае необходимости, перед новыми членами организации и перед тем, кого предстояло завербовать.

Поскольку организация была задумана и создана Нечаевым прежде всего для осуществления государственного переворота (хотя эту цель он тщательно скрывал от рядовых членов организации), особой работы среди «народа» и «преступной части общества» не велось. Делами этими, как мы уже указывали, заведовал И.Г. Прыжов. К нему в качестве помощника были приставлены П.А. Енкуватов и Ф.Ф. Рипман (впоследствии в кружок Прыжова вошли также Н.Н. Николаев и Д.Е. Коведяев)⁴⁹⁵. «О Рипмане, – показывал Успенский, – он (Нечаев. – А.М.) говорил очень хорошо, что этот человек давно знаком с народом, что он учит ребятишек в деревне, где живет и пользуется большою популярностью между крестьянами»⁴⁹⁶. О П.А. Енкуватове известно, что «он предполагал

отправиться в Сибирь и там пропагандировать в народе социалистическое направление»⁴⁹⁷. Он даже пытался поступить рабочим на одну из московских фабрик, но не был принят из-за его студенческой внешности. Успенский утверждал, что Енкуватов «оказался никуда не годным по своей крайней наивности и вдобавок сифилитиком», почему его и отстранили от «работы»⁴⁹⁸.

Тем не менее, какие-то связи организации удалось завязать. «У меня, – показывал Успенский, – был в руках отчет Рипмана... шло дело о каком-то отставном солдате, о двух публичных женщинах»⁴⁹⁹. Из материалов следственного дела также известно, что Рипману удалось познакомиться с крестьянином, который «распространял революционные песни между крестьянами». При его содействии Рипман «знакомился с другими лицами»⁵⁰⁰.

Куда менее активной, в сравнении с отделением, была деятельность кружков. Возможно, конечно, что нам многое неизвестно об этой деятельности, просто в силу того обстоятельства, что большую часть вины взяли на себя члены отделения, то есть главного кружка, в который входили люди, близкие к Нечаеву. Если верить показаниям Успенского, всего кружков насчитывалось тридцать три⁵⁰¹. Не исключено, что Успенский сознательно преуменьшил число кружков в своих показаниях. Кузнецов в своих позднейших воспоминаниях говорит о том, что «в течение 2-х месяцев в кружки было завербовано до 400 человек, арестовано 310, а судилось 84 человека»⁵⁰².

На собраниях кружков читались сочинения революционного содержания, нечаевско-бакунинские прокламации, делались сборы деньгами и платьем, наводились справки о личностях, как опасных для общества, так и могущих быть полезными. О подавляющем большинстве членов кружков можно сказать словами одной из жандармских справок: «все они... играют роль незначительную»⁵⁰³, хотя это, конечно, вовсе не означает, что среди них не было крупных личностей. Успенский в число наиболее активных деятелей «Народной расправы» в своих показаниях включил себя, И.Г. Прыжова, А.К. Кузнецова, И.И. Иванова, Н.С. Долгова, Ф.Ф. Рипмана, Э.В. Лау, Н.Н. Николаева, Е.И. Беляеву, П.И. Коробынина, братьев П.А. и Д.А. Енкуватовых, С.К. Кузнецова (брата Алексея), Н.А. Шестакова, Н.И. Голикова, В.К. Ланге, В.К. Попова, И.Ф. Климина, В.В. Рязанцева, Г.А. Свечина, Кваснина, С.П. Мута-

фова, Н.М. Пирамидова, И.Р. Рахимова, А. Хаджибекова, Я. Саребекова, И. Шанаева⁵⁰⁴.

К началу ноября в организации наметился кризис: все прокламации были прочитаны и обсуждены, в «Народную расправу» были завербованы все, кого возможно было завербовать. При этом никаких крупных инициатив для поддержания «боевого духа» подавляющего большинства членов кружков не предпринималось, ибо, как мы уже говорили, вся серьезная деятельность была взята на себя членами отделения. Протоколы заседаний отделения свидетельствуют, что к началу ноября деятельность в кружках затормозилась. О том же говорят и показания Успенского: «Им (членам кружков. – А.М.) было поручено устроить кассу, – а у них в кассе было – 70 (минус 70 копеек), – писал Успенский, – за такую их недеятельность им постоянно были делаемы выговоры, замечания и т.д., в особенности насмешки действовали всего сильнее»⁵⁰⁵.

Кроме того, из Петербурга стали доходить слухи об истории вымогательства векселя у А.Н. Колачевского. 27 или 28 октября отправился в Петербург член кружка Кузнецова В.П. Скипский с рекомендательными письмами, адресованными М.Ф. Негресскулу, А.П. Старицыну и В.И. Лунину⁵⁰⁶. Возвратившись из Петербурга, он «начал рассказывать, что нас (членов «Народной Расправы») надувают, что в Петербурге ничего нет, что, напротив, все с отвращением смотрят на народную партию, так как она занимается самыми гнусными делами... все рассказывают историю о 6000, взятых обманом у кого-то и другую историю об учителе, который обещал давать деньги, а когда он не дал, то его выдали»⁵⁰⁷. В довершение всего М.Ф. Негресскул стал присыпать письма с описанием этой грязной истории «петровцам». Такое письмо получил и Успенский⁵⁰⁸.

Нечаеву не составило особого труда убедить Успенского в правильности и необходимости своих действий: «Он [Нечаев] уверил меня, – писал Успенский, – что так и следует и, наконец, я пришел к тому убеждению, что если бы со мной было поступлено таким образом ввиду общего дела, то я нисколько не был бы в претензии»⁵⁰⁹.

В свою очередь, Нечаев предпринял ответный демарш против М.Ф. Негресскула. В Петербург был послан А.К. Кузнецов с целью «подавить всякие слухи»⁵¹⁰.

Тем не менее, пресечь негативные для организации последствия разглашения скандала в Петербурге Нечаеву не удалось. Организацию покинул студент Н.И. Аврамов⁵¹¹, прекратил свою деятельность В.П. Скипский. Наконец, начал подозревать что-то неладное Иванов. На очередном заседании отделения 4 ноября 1869 г. он начал резко возражать Нечаеву, который предложил «вывешивать в разных местах академии объявления об каждом более или менее интересном случае, с целью возбудить оживление в слушателях»⁵¹². Иванов вел себя крайне вызывающе, и скандал стал бы неизбежным, если бы в этот же день Прыжов не сообщил членам отделения о так называемой Полунинской истории, разыгравшейся в стенах Московского университета. Суть ее заключалась в следующем: в начале ноября ряд студентов-медиков, недовольных стилем преподавания профессора А.И. Полунина, решили не посещать его лекций, за что и было исключено восемнадцать человек из стен университета.

Это происшествие резко активизировало деятельность «Народной расправы», и возникшие было противоречия с Ивановым временно отошли на задний план. «Нечаев, – показывал Успенский, – сейчас же решил воспользоваться этой историей с целью расширить это дело и произвести волнение во всем университете и придать ему характер движения политического»⁵¹³. Члены организации осознавали, насколько удобный случай им представился для оживления деятельности «Народной расправы». «Грешные люди, мы сильно обрадовались, когда узнали, что столько человек исключено из университета», – говорил Ф.Ф. Рипман⁵¹⁴. Реакция нечаевцев была незамедлительной.

Нечаев написал «бланку», в которой приказывал всем членам организации являться на сходки в Московском университете и стараться поддерживать всеми силами исключенных студентов, «говоря на них речи в радикально-демократическом духе»⁵¹⁵. Ему хотелось, чтобы «движение приняло бы вид политический и закончилось бы какой-нибудь демонстрацией такого же характера»⁵¹⁶. Он даже написал прокламацию под названием «От сплотившихся к разрозненным», посвященную специально полунинской истории. В ней, в частности, говорилось: «Братья! стоящие порознь, прислушайтесь к нашему зову и немедленно примыкайте к нашим

рядам, оставляя всякие одиночные личные дела и стремления»⁵¹⁷. Эта прокламация была раздана по кружкам и разошлась в количестве 30–40 экземпляров⁵¹⁸.

Вербовку исключенных студентов университета осуществили В.Д. Черкезов (к тому времени вернувшийся в Москву и сразу активно включившийся в «дело») и Ф.Ф. Рипман. Любопытно отметить, что ближайшее окружение Нечаева при этом отнюдь не брезговало использовать «нечаевские» приемы мистификации. «Черкезов, между прочим, – показывал В.Н. Смирнов, – упомянул о зарезанном на Урале Нечаеве и показал стихи Огарева на смерть Нечаева, рассказал, как Нечаев бежал из Петропавловской крепости, желая этим указать на могущество организации»⁵¹⁹.

Всего удалось завербовать около десятка человек. Наиболее выделяющимися фигурами из них были В.Н. Смирнов и, пожалуй, И.Р. Рахимов. В.Н. Смирнов (с которым уже будучи за границей Нечаев пытался возобновить сотрудничество) в особенности заинтересовал Нечаева, как лицо, пользующееся «у выгнанных большими авторитетом и имеющим у себя на руках кассу выгнанных в несколько тысяч рублей, собранных от пожертвователей, этими деньгами Нечаев надеялся воспользоваться»⁵²⁰. В книге протоколов отделения содержится следующая запись: «Смирнов – человек дорогой на готовность отиться делу народа и по влиянию на товарищей. Энергичный и молчаливый»⁵²¹.

Сам же В.Н. Смирнов утверждал, что вступать в организацию не намеревался, «думал только познакомиться с подземным миром»⁵²². Тем не менее, Н.Н. Николаев показывал, что «слышал о Смирнове от Черкезова, как о члене одного с ним кружка, весьма преданного делу организации, к которому Черкезов хотел съездить во Владимир, где Смирнов отбывал сидку, чтобы взять денег для заведения притонов»⁵²³.

Большая часть исключенных из университета была выслана в разные города. Так, В.Н. Смирнов оказался во Владимире, а его друзья А.Л. Эльсниц и А.С. Бутурлин в Ярославле. С ними по поручению Нечаева вел переписку Н.М. Пирамидов, также исключенный из университета⁵²⁴.

Кроме того, Ф.Ф. Рипману удалось завербовать несколько студентов-«инородцев»: Д.П. Ишханова, И.Р. Рахимова, С.П. Мутафо-

ва, И. Шанаева, Я. Сарыбекова и А. Хаджибекова. Они составили особый кружок, который возглавлял Ишханов. Наиболее активным членом этого кружка был И.Р. Рахимов. Н.Н. Николаев указывал на следствии, что И.Р. Рахимов «потому дорог для общества, что мог с помощью знакомых проникнуть в Александровское училище, где будто бы особенно выгодно было иметь сообщников между воспитанниками, так как в этом заведении... стояли ружья числом 300»⁵²⁵. У Рахимова же хранилось шесть фунтов типографского шрифта, который был обнаружен при обыске⁵²⁶.

К середине ноября организация «Народная расправа» была в основном создана. Кружки существовали не только в Москве, но и в других городах: во Владимире, Ярославле, Нижнем Новгороде. Организация складывалась и в Петербурге. Поэтому Нечаев стал готовиться в поездку в столицу, где он планировал окончательно консолидировать разрозненные кружки, которые там существовали, и навербовать новых сторонников. Членам отделения Нечаев показал рескрипт Комитета, в котором № 2772 (Нечаеву) предписывалось отправиться в Петербург «для образования 9-го отделения из людей, участвовавших в студенческом движении, с которыми не могут справиться петербургские организаторы»⁵²⁷.

Помимо этого, он подготовил подробный отчет о деятельности московского отделения «Народной расправы», с которым в Женеву к концу ноября должны были отправиться И.Г. Прыжов и Е.И. Беляева. П.Г. Успенский относительно этого отчета писал в своих показаниях следующее: «был составлен им [Нечаевым] и мною отчет с фамилиями лиц, привлеченных в общество. Отчет, может быть, правдивый со стороны фактов, но неверный со стороны освещения, представляющий дело в более грандиозном виде, чем оно на самом деле было». Причем, отмечал П.Г. Успенский, «старание представить дело не совсем так принадлежало Нечаеву»⁵²⁸. К отчету Нечаев приложил рекомендации для И.Г. Прыжова к Огареву и письма к Огареву и Бакунину⁵²⁹.

Поездка эта была необходима в силу нескольких обстоятельств. Организация в Москве в основном сложилась (не случайно А.К. Кузнецов называл ее численность в 400 человек). Заткни ее были и в других городах. Нечаев сформировал и новый «Комитет» из наиболее активных членов «Народной расправы».

В воспоминаниях (неизданных) З.К. Ралли есть один любопытный момент, в котором он передает один из разговоров с Нечаевым уже за границей:

– Какой это Комитет? Полно, Сергей Геннадиевич, сам хорошо знаешь, что никакого комитета не было, говорил я ему, – вспоминал Ралли.

– Ну как же не было, а Кузнецов, а П.Г. Успенский, а Прыжов, а прочие другие...

– Да ведь ты же всем объявил, что Комитет за границей, и ты его представляешь?

– То другое дело, – отнекивался Нечаев, не желая ни за что признаться в обмане всех и всякого. – То другое дело! – повторял он⁵³⁰.

З.К. Ралли, разумеется, мог сомневаться в существовании комитета, поскольку ему вряд ли были известны подробности нечайевского дела на заключительном его этапе, так как он в это время находился в тюрьме. Между тем в разговоре с ним Нечаев совершенно точно объяснил суть дела. Нечаев действительно говорил членам «Народной расправы», что «за границей комитет представляют Огарев и, в особенности, Бакунин»⁵³¹. Но перед поездкой за границу он сформировал новый комитет, без которого организация не получила бы формального «завершения». В конце-концов он ничем не рисковал, если бы по приезде в Женеву заявил, что старый «Комитет» арестован (так оно и было на самом деле), и что он вынужден был сформировать новый «Комитет». Но это действительно было «другое дело» в сравнении с заграничным комитетом. В своих показаниях П.Г. Успенский допускает весьма характерную оговорку. Объясняя логику поведения И.И. Иванова незадолго до его убийства, П.Г. Успенский пишет: «Его [Иванова] недовольство еще более усилилось, когда узнал, что мы (то есть П.Г. Успенский и И.Г. Прыжов. – А.М.) перешли в Комитет, попросту в кружок более высший по положению»⁵³².

Наши соображения относительно «Комитета» можно проиллюстрировать еще несколькими фактами. В своих показаниях И.Н. Лихутин следующим образом характеризовал «верхушку» «Народной расправы»: «это все люди недалекие, которых Нечаев увлек первыми, обещая за это высокое положение в устроемом им обществе, лишь из-за этого высокого положения старались»⁵³³. Но самое интересное, что А.К. Кузнецов в своей автобиографической

заметке свидетельствовал: «некоторым из нас... стали известны общие правила нечаевской организации, так называемый «catechisis революционера»⁵³⁴. Между тем, известно, что такого рода «литература» предназначалась только для членов «Комитета»⁵³⁵. Тот шифр, который был использован при составлении «Катехизиса» был известен людям особо «посвященным». Этим же шифром писались письма, отправляемые Бакунину⁵³⁶.

В любом случае, Нечаев уезжая за границу нуждался в органе, который бы его заменил. Сама структура организации предполагала наличие подобного органа. Но до конца довериться даже ближайшему своему окружению Нечаев не мог: он слишком много их мистифицировал, чтобы могло возникнуть полное доверие. Именно поэтому перед поездкой за границу он следующим образом инструктировал И.Г. Прыжова: «ровно ничего, никому, ни единственным словом не упоминать в Женеве о том, что делается в России, а на все вопросы отвечать «не знаю»⁵³⁷. Между прочим, на следствии И.Г. Прыжков заявил, что Нечаев велел взять ему за границу какую-нибудь женщину с тем, «чтобы при возвращении в Россию по переезде границы эту женщину, необходимую только как вроде чемодана, уничтожить каким бы то ни было способом»⁵³⁸. «Уговаривал» Нечаев поехать за границу и И.И. Флоринского. На отказ последнего Нечаев, «к общему назиданию, рассказал, что в Киеве найден повешенный студент, с запискою, в которой было сказано: «так будет поступлено с каждым, кто отступит от общества»⁵³⁹.

Но все планы Нечаева были сорваны резко обострившимся конфликтом с И.И. Ивановым, который и привел, в конечном счете, к его убийству.

Мы уже упоминали, что первые признаки расхождений между Нечаевым и И.И. Ивановым наметились еще в начале ноября 1869 г. После того, как закончилась вербовка в члены «Народной расправы» исключенных из Московского университета студентов, конфликт вновь всплыл на поверхность.

В своих показаниях П.Г. Успенский подробно описал причины конфликта и обстоятельства убийства. Интересна характеристика, которую он дал И.И. Иванову: «Иванов, – писал он, – был человеком довольно ограниченного ума, сварливый, постоянно спорящий со всеми потому только, что высказанное мнение принадлежало не ему, а кому-нибудь другому. В Академии про него говорили, что

кто бы что ни предложил, Иванов всегда представлял оппозицию. ... В частной жизни он был такой же: по целым дням злился, уходил к себе, никому не показывался, ни с кем не говорил и т.д. Вообще он имел тяжелый и угрюмый характер. Постоянно Иванов, – продолжал П.Г. Успенский, – спорил и не соглашался, иной раз на вещи самые простые, которые не были предложены другими, были бы предложены им самим... Нечаев стал раскаиваться и часто бранил себя за то, что ввел такого человека. Ему тем более было не приятно, что Иванов постоянно восставал против его (Нечаева) предложений, и, действительно, со стороны Иванова видно было не столько противоречие с мыслями и предложениями Нечаева, сколько собственно с его личностью»⁵⁴⁰.

После конфликта в начале ноября, когда Нечаев предложил вывешивать объявления «Народной расправы» в академии, а И.И. Иванов стал резко возражать. Нечаев стал постепенно «выводить из игры» Иванова. Он предложил создать Комитет (о котором мы упоминали выше), а И.И. Иванова поручить формально ведению И.Г. Прыжова и Е.И. Беляевой⁵⁴¹. Это не решило проблемы, а, напротив, привело к еще большему обострению отношений. Обидевшийся И.И. Иванов «стал болтать (перед посторонними. – А.М.) совсем без толку и без цели... о вещах, о которых он дал формальное обещание молчать, даже в случае выхода»⁵⁴². Мало того, он изъявил желание «устроить общество на основании этих же правил (только где ему хотелось быть первым)» – показывал Успенский⁵⁴³. В результате у членов свежеиспеченного «Комитета» появилось подозрение, что И.И. Иванов «был в состоянии в своем раздражении рассказать всем и вся кому, – что равнялось бы доносу»⁵⁴⁴.

В связи с этим поездку Нечаева и А.К. Кузнецова в Петербург откладывали со дня на день. Необходимо было что-то срочно предпринимать, поскольку конфликт в самой верхушке «Народной расправы» грозил дальнейшему существованию всего общества и был чреват, как минимум, сильной смутой и расколом организации. Большая часть членов «Комитета» не видела иного средства, как «обезвредить» И.И. Иванова «постепенным отстранением его от дела»⁵⁴⁵.

Нечаев рассудил иначе и, как выражался П.Г. Успенский, «поставил вопрос прямо»⁵⁴⁶. В «теории» П.Г. Успенский давно при-

знал, что «цель оправдывает средства»⁵⁴⁷. А Нечаев знал, что «раз признавши что-нибудь в теории, Успенский не отступал перед практическим выводом, как бы ни был он тяжел для него»⁵⁴⁸. Кроме того, ряд членов кружков практиковали методы запугивания и были отчасти готовы к «прямой постановке вопроса». К примеру, на следствии один из рядовых членов «Народной расправы» Н.Д. Померанцев прямо заявил, что один из братьев Енкуватовых «в случае измены грозил ему мщением»⁵⁴⁹. Но, разумеется, столь далеко заходить, как Нечаев в «практических действиях», вряд ли кто собирался.

Нечаеву стоило большого труда уговорить Успенского, поставив его перед дилеммой: «Что важнее – погибнуть самим или погубить другого». В конце концов Успенский согласился, что «нужно рассматривать дело не с нравственной стороны, а с практической»⁵⁵⁰.

Куда сложнее Нечаеву было убедить Кузнецова. Тот упорно не соглашался и настаивал на том, что конфликт можно и должно разрешить полюбовно. Он уже взял 12 ноября отпуск для того, чтобы поехать с Нечаевым в Петербург. Далее затягивать отъезд не представлялось возможным и, так ничего окончательно и не решив с Ивановым, он и Нечаев взяли билеты в Петербург на 20 ноября.

Но в это время Иванов, к несчастью, решил еще раз пойти на обострение конфликта. Успенский в своих показаниях не объясняет, что именно произошло: «выходка Иванова была очень бес tactна и нелепа, так что даже меня взорвало»⁵⁵¹. По словам же Прыжкова, последней каплей, толкнувшей Нечаева на решительный шаг было то, что «Иванов, отказываясь слушаться Нечаева, отвечал смехом на предложение представить деньги, которые он собрал, дразнил этим Нечаева, доводя его до бешенства, и отсюда произошло убийство»⁵⁵².

Ситуация складывалась крайне серьезная, и на карту было поставлено дальнейшее существование организации. «Нечаев, – писал Успенский, – уехал (в этот момент Успенский думал, что Нечаев уже отправился Петербург. – А.М.), еще когда-то явится тот, что его заменит Кузнецов, приятель Иванова и имевший на него маленькое влияние, тоже уехал. Прыжков и Беляева отправляются на днях за границу и, значит, приходится мне непосредственно сноситься с Ивановым, – и что я буду делать, – воскликнул Успенский, – ежели он не станет меня слушать?»⁵⁵³.

Нечаев, таким образом, рисковал оставить организацию «в таком критическом положении, когда все разваливается»⁵⁵⁴, в руках одного Успенского, а последний явно не был готов к этой роли. Думается, что он был вполне точен и искренен, когда давал себе следующую автохарактеристику: «Вследствие своей неуверенности в себе, для меня всегда была неприятна роль распорядительная, и... я боялся постоянно сделать что-нибудь не то и не так и потому никогда не делал ничего без Нечаева. Я, – писал Успенский, – вообще охотно подчинялся вся кому»⁵⁵⁵.

В итоге поездка в Петербург была еще раз отменена, чтобы «так или иначе покончить насчет Иванова»⁵⁵⁶. Дело оставалось за «практическим разрешением». 21 ноября 1869 г. Иванов был убит Нечаевым, Николаевым, Успенским, Прыжовым и Кузнецовым в гроте парка Петровско-Разумовской академии, куда его заманили под благовидным предлогом помочь вырыть якобы зарытую там подпольную типографию. Утром 22 ноября Нечаев и Кузнецов уехали в Петербург.

В Петербург Нечаев и Кузнецов ехали не с пустыми руками. «Я, – вспоминал Кузнецов, – вез кучу писем к различным общественным деятелям: Некрасову, Михайловскому, Деметру (заведовавшему внутренним отделом «Отечественных записок»), Лихутину, Негресскулу, Старцеву (явная описка. Очевидно следует читать – «Старицыну». – А.М.) и многим другим»⁵⁵⁷. Одно перечисление этих фамилий явно указывает на то, что Нечаев планировал завязать контакты с известными деятелями революционно-демократического лагеря. Эта его затея так и не была осуществлена в связи с разгромом «Народной расправы».

Поездка в столицу заранее обещала быть весьма трудной, поскольку петербургские радикальные круги с недоверием относились к Нечаеву: «все хотят быть генералами, – говорил Нечаев по этому поводу Кузнецову, – только давать приказания и не исполнять... это похоже на то, как дети собирались, назначили себе чин, все были генералами, но не было ни одного солдата»⁵⁵⁸.

Показания Кузнецова о совместном с Нечаевым пребывании в Петербурге страдают крайней неполнотой, поскольку Нечаев был опытным конспиратором и, разумеется, мало посвящал Кузнецова в свои тайны. Тем не менее в своих показаниях на следствии Кузнецов поведал о встречах Нечаева с Н.Ф. Даниэльсоном (который

впоследствии приобрел известность как переводчик на русский язык «Капитала» Маркса), братьями И.Н. и В.Н. Лихутиными, кружком «сибиряков» (будущих «долгушинцев») и рядом других радикальных групп.

Н.Ф. Даниэльсона Нечаев собирался шантажировать. В свое время он поведал Успенскому, что якобы Даниэльсон, будучи за границей, дал Бакунину расписку в личной солидарности с ним. При этом Нечаев просил Успенского «написать Даниэльсону письмо, в котором говорилось, что в каком-то еврейском городе у некоторого еврея открыт склад разного вида документов и, между прочим, какой-то документ за подписью Даниэльсона». Посредством этой записи, — продолжал Успенский, — он хотел взять у Даниэльсона денег, напугавши его»⁵⁹.

Из этой затеи Нечаева ничего не вышло, так как Даниэльсон даже не пустил на порог посланного к нему Нечаевым Кузнецова.

Особое внимание в свой приезд в Петербург Нечаев обратил на кружок, состоявший из тринадцати человек, в котором главную роль играли В.И. Лунин и В.И. Ковалевский. Николаев утверждал, что члены этого кружка «хотя и не вполне согласны со всеми мыслями Нечаева, но тем не менее близко соприкасаются с Московским обществом по своей цели»⁶⁰. В показаниях члена упомянутого кружка К.А. Рослякова также говорилось, что «по словам Лунина и Ковалевского цели у нас и у московского кружка были одни и те же, разница заключалась только в средствах, на этом основании они предлагали каким-нибудь образом сблизиться с московским кружком, предложив им путь, избираемый нами»⁶¹. Известная близость позиций привела к тому, что Нечаев получил в среде этих лиц определенную поддержку. Несмотря на то, что в состав кружка входил В.И. Ковалевский, отличавшийся «антинечаевскими» настроениями, некоторые его члены были не прочь сотрудничать в той или иной форме с Нечаевым и нечаевцами, а один из членов кружка, А.П. Старицын, был даже членом «Народной расправы» и числился под номером «51»⁶². На следствии, впрочем, Старицын утверждал, что «впутался в это дело боясь преследований со стороны Дмитрия Федорова (Нечаева. — А.М.), и в то же время не знал, как поступить иначе»⁶³.

Известно, что члены кружка обсуждали содержание листка № 1 «Народной расправы»⁶⁴, у них имелся также экземпляр програм-

мы бакунинского «Альянса социальной демократии», переписанной от руки членом кружка В.И. Святским⁵⁶⁵.

Не исключено, что какое-то отношение к этому кружку имел В.И. Серебренников, человек, чрезвычайно близкий к Нечаеву после его бегства за границу, совместно с которым он издал два номера журнала «Община» в Лондоне. В своих показаниях член кружка М.М. Березовский утверждал: «Серебренников – мой товарищ по гимназии, был сослан в Ригу и уехал в декабре (1869 г. – А.М.) за границу». Серебренников писал Березовскому письма из «Берлина, Лейпцига и, наконец, из Женевы, где благодарил за деньги, присланные в Берлин»⁵⁶⁶. До отъезда Серебренникова за границу, Березовский поддерживал контакты с ним через лиц, известных как активные нечаевцы: «...я, – писал Березовский в своих показаниях, – приходил в квартиру Бобарыкова, чтобы получить адрес, оставленный Миролюбовым, по которому я мог найти Серебренникова»⁵⁶⁷. Любопытно, что Серебренников скрылся за границу почти одновременно с Нечаевым. В материалах следственного дела сохранился приказ по III отделению от 19 декабря 1869 года, где говорилось: «Бывший студент Медико-хирургической академии В. Серебренников, высланный за участие в студенческих беспорядках, весною сего года в г. Ригу, неизвестно куда скрылся. Приметы его следующие: небольшого роста, слабого телосложения, худощав, волосы темнорусые, рот довольно большой, глаза серые»⁵⁶⁸.

Члены кружка В.И. Лунина – В.И. Ковалевского приютили у себя Нечаева во время его поездки в Петербург⁵⁶⁹. Впрочем, достичь своих целей и получить согласие на вхождение в «Народную расправу» Нечаеву от них не удалось. Кузнецову Нечаев заявил относительно этого кружка, что надо «сделать так, чтобы все это само распалось... С ветеранами ничего не поделаешь»⁵⁷⁰.

Одним из несомненных успехов Нечаева в его деятельности по созданию филиала «Народной расправы» в Петербурге было привлечение на свою сторону так называемого «кружка сибиряков». Этот кружок имел целью отделить Сибирь от России. Нечаев связал связи с членами этого кружка, очевидно, с подачи В.И. Ковалевского и В.И. Святского, которые жили в одной комнате с участником «кружка сибиряков» П.А. Топорковым⁵⁷¹. Нечаев рассказал Топоркову о существовании в Москве «Народной расправы», це-

лью которой было «истребить высокопоставленных личностей, чтобы они не мешали народному восстанию»⁵⁷², а затем склонил ко вступлению в ряды общества. «Я, – показывал Топорков, – сначала дал уклончивый ответ, но он стал настоятельно требовать окончательного слова и говорил, что со мной надо покончить»⁵⁷³. В конце концов Топорков дал свое согласие и указал Нечаеву на А.В. Долгушина, П.М. Кошкина и А.Е. Дудоладова как на вероятных сторонников «Народной расправы». Одним из первых активно поддержал идею вхождения в нечаевскую организацию П.М. Кошкxин. В материалах следственного дела имеются его обширные показания, в которых он подробно описывает свою жизнь и объясняет мотивы, толкнувшие его на революционный путь. Для воссоздания мировоззрения и психологии «активного нечаевца» эти показания имеют первостепенную важность.

Кошкxин был сыном бедного неудачливого сибирского чиновника. Ему пришлось немало поездить с отцом по городам и деревням Сибири. «Много надрывающих душу сцен привелось мне видеть, – вспоминал Кошкxин, – здесь я запасся той злобой, которая дала толчок к моему нравственному развитию»⁵⁷⁴. «Нравственное развитие», замешанное на злобе, закончилось тем, что Кошкxин «создал себе утопию, и эта страна утопическая была конечно – Сибирь; так как свершиться моей мечте помешало бы, конечно, русское правительство, то я решил, что Сибирь нужно отделить от России»⁵⁷⁵. Именно Кошкxину принадлежала инициатива создания «кружка сибиряков».

Учеба в высшем учебном заведении превратила его в типично-го «нигилиста»: «Изучение естественных наук показало мне, – излагал он свое кредо, – что человек – тоже животное, с более только совершенным физическим строением, что ничто не дает нам права считать царство человека особым царством природы, что все эти высокие мысли о назначении человека, о его нравственных обязанностях к самому себе, к обществу, что все это – ни что иное, как простое отправление нервной системы мозга так как пищеварение, мускульный труд и пр.»⁵⁷⁶.

Во время студенческих волнений 1869 г. Кошкxин становится сознательным и бескомпромиссным радикалом. Его возмущало, что студенческие волнения были восприняты обществом как «злов-

редный заговор», ставящий целью «сделать в России хаос, перевернуть всех, начиная от Царя-освободителя до последнего пономаря, и дать воцариться каким-то мальчишкам-студентам»⁵⁷⁷. Тогда же ему в голову пришла мысль: «...а что если общества, о которых уже в газетах пишут, существуют с давнего времени, что если они богаты результатами своей деятельности, что если все население России подготовлено к революции и новому порядку...»⁵⁷⁸.

После того, как П.А. Топорков принес «сибирякам» прокламацию «От сплотившихся к разрозненным» и № 1 листка «Народной расправы» Кошкин, А.В. Долгушин и А.Е. Дудоладов решили вести пропаганду необходимости насильственного переворота в России. Нечаев направил в кружок Кузнецова с соответствующим инструкциями. Кузнецов показывал: «каждому из них (членов кружка. – А.М.) было сказано одному следить за деятельностью другого». «Сибирякам» были читаны правила общей организации, дано списать стихотворение «Студент» <...> «От сплотившихся к разрозненным», которые они должны были разбросать ... была дана азбука, которой должны были писаться отчеты»⁵⁷⁹. Особенное впечатление на членов кружка произвела «Народная расправа» № 1, которую Долгушин «почти выучил наизусть»⁵⁸⁰.

Семена, таким образом, пали на подготовленную почву. Кошкин и раньше носился с идеей «организовать тайное общество, которое в случае повсеместного восстания народа в России, сознательного восстания, уничтожило бы каким-нибудь образом Императорскую партию для того, чтобы она не подавила восстание»⁵⁸¹.

С приездом Нечаева в Петербург эта идея получила возможность реализоваться на практике. Долгушин даже составил устав общества, известный нам в изложении Кошкина. Приведем его текст целиком: «Организуется общество тайное из людей, желающих перемены настоящего порядка, который поддерживается административно-устарелым механизмом; следовательно, если этого механизма не уничтожить, то настоящее, имеющее быть народное восстание будет подавлено. Для этого и организуется общество, чтобы помешать администрации подавить восстание, а так как администрацию представляют немногие лица, держащие де-факто все в своих руках, то этих лиц и уничтожить.

Императорская фамилия управляет только де-юре, но зато она дает всегда возможность существовать лицам, которые держат все в своих руках; поэтому, если будет возможно, то уничтожить и императорскую фамилию, но только в этом случае непременное условие, если будет возможно уничтожить всех членов династии. Если же хотя один останется, то нечего и приниматься, потому что тогда старый порядок будет восстановлен во всей силе. Общество начнет действовать и изыскивать средства для выполнения своей цели тогда, когда достигнет 200 человек, действовать же начнет только во время восстания народа. Общество организуется посредством десятков, из которых первый составляет центр, причем низшие центры не знают высших. Обязанность членов десятков – самый осторожный набор новых членов до тех пор, когда начнется по всеместное народное восстание»⁵⁸².

Как видно из вышеизложенного, долгушинский устав базировался на принципах, почерпнутых из нечаевских документов. Но свежеиспеченному обществу не суждено было стать на ноги: Нечаев, получивший известие об арестах в Москве, спешно покинул Петербург, а Кузнецов, который должен был поддерживать связь с членами кружка, был вскоре арестован. «Сибириаки» было вступили в переговоры с нечаевцами Н. Миролюбовым и А. де-Тейльсом⁵⁸³, но было уже слишком поздно что-либо предпринимать.

Нечаевские приемы были крепко усвоены Кошкиным, который успешно применял их в дальнейшем. Так, из воспоминаний Н.К. Буха, известно, что в начале 70-х годов Кошкин, возглавлявший революционный кружок в Самаре, тайно отравил жену одного из членов кружка, угрожавшей доносом. Преступление это так и не было раскрыто. Сей «революционный акт» Кошкин осуществил, по словам Буха, «артистические спрятав концы в воду», сознательно, при этом, «вдохновляясь» примером Нечаева⁵⁸⁴.

Известна также еще одна группа лиц, бесспорно принадлежавших к нечаевской организации. В нее входило около десятка человек, тесно связанных как с «Сморгонской академией» (через В.А. Черкезова), так и с самим Нечаевым. Из членов этой группы наиболее выделялся А. де-Тейльс, родственник В.В. Александровской, с которой Нечаев бежал вторично за границу. Конспект вос-

поминаний М.А. Натансона свидетельствует о том, что де-Тейльс был активным нечаевцем еще весной 1869 г., в период студенческих волнений⁵⁸⁵.

Осенью 1869 г. де-Тейльс формально вступил в «Народную расправу». Это был сознательный нечаевец, активно противостоящий кружкам М.А. Натансона и М.Ф. Негрекула в Петербурге. В материалах следственного дела сохранились показания Кузнецова, в которых он передает одну из своих бесед с Тейльсом относительно действий «антинечаевцев» в Петербурге: «Я, – писал Кузнецов, – начал расспрашивать его [Тейльса] о кружке Негрекула, он мне сказал, что собираются большей частью медики, под предлогом веселиться, ну и либеральничают...» Тейльс сообщил Кузнецову, что Негрекул «проповедует сдерживать отдельные восстания, и прибавил, что этого господина, если нужно будет, можно споить»⁵⁸⁶.

В конце ноября 1869 г. «Тейльс ездил в Ржев переодетым сапожником и там призывал крестьян к восстанию»⁵⁸⁷. Он рассказал Николаеву один из эпизодов этой поездки: «в одной деревне мужики пьянизовали в питейном заведении и когда увидели проезжающего мимо какого-то чиновника (кажется, станового пристава), то принял его за Тейльса, выскочили и сказали: «Ну что же батюшка, пора – мы готовы». Чиновник поспешил уехать, а крестьяне убедились, что они ошиблись»⁵⁸⁸.

В кружок Тейльса, состоявший по преимуществу из студентов Медико-хирургической академии, помимо Тейльса входил также Н. Миролюбов, активный участник студенческих сходок весной 1869 г.⁵⁸⁹, тесно связанный с кружком «сибиряков». На следствии Миролюбов сознался лишь в том, что вел разговоры «о ниспровержении существующего порядка вещей», поскольку-де это «составляет обычайный разговор у людей, которые следят за ходом литературы, так как очень часто та или другая книга прямо наталкивает на эти разговоры»⁵⁹⁰. В этот кружок входили также и братья Спасские. Один из них, В.А. Спасский, хотя и не признал себя виновным, тем не менее числился в списке лиц, найденных у Успенского. При обыске у него были найдены «Манифест коммунистической партии» на немецком языке, изданный в Лондоне в 1848 году, тетрадка запрещенных стихотворений и различные выписки из «Колокола» «крайне революционного содержания»⁵⁹¹.

В конспекте воспоминаний М.А. Натансона все эти лица числятся как «нечаевцы», сознательно противостоящие так называемой Вульфовской коммуне, возглавляемой М.А. Натансоном. Он пишет о том, что осенью 1869 г. различными кружками Петербурга была сделана сводка данных, собранных членами кружков, рассылавшихся по России для изучения положения народа. В связи с этим в Вульфовской коммуне был устроен вечер, посвященный вопросу о возможности восстания. 19 февраля 1870 г. Натансон упоминает о докладах де-Тейльса о голоде и готовящемся восстании. Де-Тейльса поддерживали Шапиро (очевидно Л.М. Шапир. – А.М.), Пружанский (очевидно, В.П. Ружевский. – А.М.) и М.Д. Лавдовский⁵⁹².

С этим же кружком была тесно связана Ю.В. Бобарыкова. Во время студенческих волнений 1869 г. на ее квартире происходили сходки студентов. При аресте у нее были изъяты письма Н.И. Катина-Ярцева, в которых упоминалось о В.И. Кунтушеве, участнике «Елисаветградского дела»⁵⁹³. На квартире Ю.В. Бобарыковой бывал Нечаев, и там же производилась вербовка членов «Народной расправы». Уже после арестов в Москве Бобарыкова ездила туда по вызову «Московского кружка» для получения шифрованного письма Николаева к Огареву для передачи в Женеву⁵⁹⁴. На следствии Бобарыкова объясняла свои действия тем, что «не прочь была... познакомиться с Женевскими эмигрантами»⁵⁹⁵.

Таков был, в общих чертах, тот круг лиц, который, с известной долей допущения, можно было отнести к нечаевцам или, как в случае с кружком В.И. Лунина–В.И. Ковалевского, к потенциальным сторонникам Нечаева.

Нечаев покинул Петербург 27 или 28 ноября 1869 г., пробыв там около недели. Прервать поездку его вынудили чрезвычайные обстоятельства, связанные с начинавшимися в Москве арестами членов «Народной расправы».

Инициативная роль в «Народной расправе» на заключительном этапе ее существования перешла к В.А. Черкезову. Несмотря на то, что организация фактически «агонизировала», он развил бурную деятельность. Так, именно Черкезов организовал бегство за границу Нечаева и В.В. Александровской⁵⁹⁶. Он также пытался наладить с Нечаевым связь через А. де-Тейльса, которого хотел

отправить в Женеву. Аналогичные планы были у него и насчет Ю.В. Бобарыковой⁵⁹⁷. Ему же принадлежала инициатива поездки в Тулу «к оружейникам» Тейльса и Николаева, которая состоялась 25 или 26 декабря 1869 г. Об этой поездке мало что известно, кроме того, что по возвращении из Тулы, Николаев передал Черкезову список имен тульских крестьян, являющийся, по существу, кратким путеводителем для пропагандистов по Тульской губернии⁵⁹⁸. Вскоре после возвращения Николаева и Тейльса Черкезов предложил одному из только что завербованных им членов «Народной расправы» Н. Маслову место письмоводителя у мирового посредника в Туле «с обязательством собирать сведения об энергичных личностях в народе»⁵⁹⁹.

Вообще, «тульское направление» привлекало Нечаева в связи с тем, что летом 1869 г. там жил и работал Николаев, которому, возможно, удалось завязать какие-то знакомства среди местных жителей. Кузнецов и Успенский показывали, что в одном из разговоров Нечаев выразился, что сила «наша не в Москве, а в Туле, где готово 50 человек оружейников». Черкезов же показал, что Нечаев выражался еще определеннее: «в Туле оружейники так готовы, что хоть сейчас разнесут всю Тулу»⁶⁰⁰.

Нечаев побывал в Туле совместно с Николаевым в первой половине декабря 1869 г., где он пытался пробраться на оружейный завод. В материалах сохранилось жандармское донесение, где говорится о том, что «в декабре месяце... молодой человек, имевший сходство с Нечаевым, приходил в контору Тульского оружейного завода, но просьба его Управляющим завода не могла быть выполнена, так как действие завода было приостановлено по случаю обеденного для рабочих времени»⁶⁰¹.

Следует сказать несколько слов об обстоятельствах второй поездки Нечаева за границу. Поначалу, узнав об арестах, Нечаев остался верен себе и продолжал блефовать даже в тот момент, когда было ясно, что организация обречена. По словам В.А. Черкезова, Нечаев говорил ему, что «дела... хороши, несмотря на то, что московскую организацию раскрыли». При этом Нечаев заявил, что «в Россию приехало из-за границы еще 16 человек, которые работают в других концах России, что Тула, особенно оружейники, вся готова к восстанию»⁶⁰². Нечаев, впрочем, хра-

брисся недолго и вскоре начал спешно готовиться к бегству. Он легально перешел границу с Восточной Пруссиею примерно 20 декабря 1869 г.⁶⁰³.

Обстоятельства отъезда Нечаева и его дальнейшие планы, как он их представлял к моменту отъезда, раскрываются в доносе хорошо осведомленного агента III отделения Ю.А. Луканина, жена-того на подруге Бобарыковой: «Нечаев, – доносил агент, – уехал через Берлин <...> Возвращается Нечаев через Вену и будет направляться в Тулу <...> С ним не будет ни возвзваний, ни денег, – все должны были провозить женщины, особенно Бобарыкова, которая должна была поселиться для этой цели в Кенигсберге, откуда какой-то господин переправил бы все через границу»⁶⁰⁴.

Отъезжая, Нечаев в максимальной степени постарался запутать следы, давая ложную информацию своим приближенным относительно дальнейших планов. Так, Прыжов говорил на следствии о том, что «было предложение о бегстве Нечаева в восточные губернии к Уралу; есть все основания полагать, что Нечаев может находиться в приволжских губерниях. Он, – показывал, Прыжов, – за-пасся священникою рясою»⁶⁰⁵.

Вместо Нечаева в Россию вернулась В.В. Александровская, которая немедленно была задержана уже на границе. При ней была довольно значительная сумма денег и чемодан с прокламациями и различными брошюрами, среди которых, между прочим, был «Манифест коммунистической партии» на русском языке, изданный в Женеве по инициативе Нечаева⁶⁰⁶.

Во время тщательного обыска у нее был также обнаружен список нескольких лиц, среди которых значились фамилии русских эмигрантов. Поначалу В.В. Александровская утверждала, что прокламации и деньги она должна была передать якобы Соловьевской, Трифоновой, В.М. Александрову и М.А. Натансону, так как Нечаев заявил ей, что «можно ими распоряжаться совершенно бесцеремонно... они люди не на что не годные»⁶⁰⁷. На самом же деле предназначались они для П.А. Топоркова, В.И. Святского (членов кружка «сибиряков»), В.А. Черкезова и Ф.Ф. Рипмана⁶⁰⁸. Но передать эти бумаги В.В. Александровская в любом случае никому из вышеперечисленных лиц не смогла – все они к тому времени были арестованы.

Разгром «Народной расправы» начался с обыска у Успенского в ночь с 24 на 25 ноября 1869 г. Обыск был предпринят III отделением в связи с тем, что на адрес магазина Черкесова, в котором работал Успенский и на его собственное имя из-за границы неоднократно приходили пакеты с прокламациями⁶⁰⁹. Хаотичная и бессистемная рассылка прокламаций и загубила все дело, начатое Нечаевым в России. Прокламации рассылались «вслепую», адреса, вероятно, брались из обычновенных адресных книг. Так, в Воронеж прокламации приходили дважды в магазин Стривера⁶¹⁰, к присяжным поверенным Лясковскому и Хризановичу, которые не имели к организации никакого отношения⁶¹¹.

Но одновременно прокламации рассылались и знакомым Нечаева. Скажем, на адрес Ф.П. Нефедова, сыгравшего немалую роль в формировании убеждений юного Нечаева, дважды приходили прокламации «Постановка революционного вопроса» и «Наша повесть»⁶¹². Рассылались прокламации и в редакции журналов «Отечественные записки»⁶¹³ и «Дело»⁶¹⁴. Но особенно «женевцы» переусердствовали в отношении книжного магазина Черкесова: прокламации туда приходили в течение весны и лета 1869 г. восемь раз! Общее число их достигло 50 штук, причем преобладали совершенно экстремистские «Начала революции» и «Постановка революционного вопроса». Порой на конвертах указывалась фамилия Успенского⁶¹⁵. В своих показаниях Успенский рассказывал, что при первой встрече с Нечаевым в сентябре 1869 г. последний даже «удивился – как я не арестован, так как он послал их (прокламации. – А.М.) и на мое имя несколько экземпляров»⁶¹⁶.

III отделение, конечно же, наводило справки о тех лицах, на чье имя были адресованы прокламации. В связи с этим уже 11 июня 1869 г. пишется справка: «Успенский направления либерального и в благонадежности в политическом отношении сомнителен»⁶¹⁷.

Обыск, таким образом, у него был неизбежен, хотя то, что он случился через несколько дней после убийства Иванова было случайностью. При обыске у Успенского было найдено множество документов, в том числе бланки с печатью «Комитет Народной расправы» 19-го Февр. 1860 года», заграничный паспорт на имя Н.Н. Николаева, зашифрованный текст «Катехизиса революционера», листок

«Народной расправы» № 1, «Изложение общих правил сети для отделений» и «Общие правила организации», а самое главное – список фамилий некоторых членов общества⁶¹⁸.

Одновременно жандармами было обнаружено, что у убитого Иванова, чей труп убийцы не потрудились хорошенько спрятать, и который был найден 25 ноября, «имелась записная тетрадка, в которой упоминаются несколько фамилий, указанных в списке Успенского»⁶¹⁹. Остальное было делом техники, хотя Успенскому и удалось каким-то образом во время обыска уничтожить многие документы⁶²⁰.

Несмотря на то, что многие арестованные дали поначалу достаточно откровенные показания, расследование шло вяло и многим десяткам членам организации удалось избежать ареста или отдельаться «легким испугом». Ведь в организацию было привлечено до 400 человек, а было арестовано 310⁶²¹. Хорошо осведомленный Ткачев писал по этому поводу в «Набате»: «Несомненно... что в руки правительства... попалась только некоторая часть лиц, принимавших участие (прямое или косвенное) в деятельности организации. Остальные совсем не были обнаружены; даже существенные улики добыты лишь против меньшинства лиц, привлеченных к дознанию, и только это меньшинство и было судимо»⁶²². Конечно. Ткачев явно кое-что преувеличивал, но несомненно, что некоторые из избежавших ареста или серьезного наказания членов организации, продолжили свою деятельность. Так, через два года после разгрома «Народной расправы», один из ее участников, Н.А. Тиханов, распространял нечаевские издания, среди которых, например, были листок «Народной расправы» № 1, «Манифест коммунистической партии», «Мужичкам и всем простым людям работникам» и т.д. Сама подборка этих изданий исключала какое-либо случайное совпадение, этот человек был явно связан с Нечаевым, который в это время был за границей⁶²³.

В 1872 г. в Румынии был также арестован Н.Ф. Меледин, при котором было обнаружено множество нечаевских изданий, включая «Общину» № 1 и «Катехизис революционера». Это было «зашифрованное издание «Катехизиса», – писал В.Я. Гросул, – ключ к которому был известен только наиболее близким к Нечаеву и Бакунину лицам»⁶²⁴.

Вторая пропагандистская кампания 1870 г.

Но вернемся к Нечаеву. В начале 1870 г. он объявился в Женеве. Стиль его поведения резко изменился. Ведь на этот раз перед эмигрантами предстал не «зеленый» и никому не известный юноша, а «человек дела», многоопытный конспиратор, создавший крупную революционную организацию в России. Теперь он мог свысока диктовать собственные условия заграничным кабинетным теоретикам. Нечаев сразу же потребовал от Огарева предоставления на нужды пропагандистской кампании оставшейся части Бахметьевского фонда. После смерти Герцена, последовавшей в конце января 1870 г., Огарев передал в распоряжение Нечаева требуемую сумму.

Бакунин также по-прежнему безоговорочно поддерживал Нечаева. Слухи из России о полном провале организации еще не дошли, и Бакунин был абсолютно уверен, что за спиной Нечаева стоит «Комитет», готовый возглавить назревающий бунт. И «дело» закипело вновь!

Уже в январе 1870 г. началась вторая прокламационная кампания. Она явилась продолжением первой, и цель ее заключалась в том, чтобы взбудоражить сословно-классовые интересы тех слоев, к которым были адресованы те или иные прокламации, вызвать волну тревожных слухов накануне ожидаемого бунта и, наконец, спровоцировать конфликты между разными сословиями и правительством.

Первой ласточкой новой агитационной кампании стал второй номер «Народная расправа», открывавшийся неозаглавленной статьей, в которой живописались подробности ареста в Тамбове «в последних числах октября» некоего молодого человека, в чертаках которого которого угадывался Нечаев: «Вечером в канцелярии губернатора тихо перешептывались чиновники, по рукам ходил какой-то портрет и слышались отрывистые слова: «Нечаев, переодетый, Агитация, Досье, Тайное общество, Бакунисты, Революция, 70-й год и пр.». Далее следовало повествование о гибели загадочного арестанта от рук жандармов на пути в Нерчинскую каторгу⁶²⁵. Главным назначением этой литературной мистификации было, очевидно, стремление сбить с толку швейцарскую полицию, разыскивающую Нечаева в качестве обычновенного уголовного

преступника-убийцы, создать впечатление, что он не убивал Иванова, а, напротив, сам убит царским правительством.

Возможно, какую-то роль эта выдумка на первых порах и сыграла. Но вскоре появились публикации в западноевропейских радикальных газетах за подписью самого «убитого» Нечаева. Соответственно, вышеупомянутая версия приобрела характер попросту глупой мистификации. Что показательно, в том же втором номере «Народной расправы» отнюдь не отрицался факт политического по своим мотивам убийства Иванова, напротив это убийство всячески оправдывалось. В статье с характерным названием «Кто не с нами, тот против нас» убийство Иванова объяснялось нарушением последним внутренних правил «Народной расправы». Всякий же, кто их нарушает, говорилось в статье, «выбрасывается из нашей среды как загнивший член тела, негодный для работы и могущий только передать гниение остальным частям». При этом специально подчеркивалось, что «исключение из наших рядов... есть исключение из списка живых»⁶²⁶.

В этой же статье содержалась традиционная для нечаевских изданий апология террора и революционного «иезуитизма». Аргументация при этом приобретала подчас совершенно неожиданный характер. Так, к примеру, со ссылкой на авторитет английского философа Д.С. Милля, не имеющего решительно никакого отношения к революционным идеологиям и конспирациям, заявлялось, что революционный террор является разновидностью «производительного труда»: «если спасение, сохранение или забота о жизни и благосостоянии тунеядцев есть труд не производительный, – писал Нечаев, – то их уничтожение... будет трудом истинно производительным». Причем в разряд «тунеядцев» попадал ни много ни мало как «весь внешний цивилизованный мир».

Тут же, разумеется, в «высоких» интересах революционного дела, превозносился опыт иезуитов: «Незачем противопоставлять коварству – искренность, пороку – добродетель, наглости – кротость, грубости – вежливость»⁶²⁷.

И, наконец, во втором номере «Народной расправы» имелась одна из ключевых для понимания сути нечаевщины статей – «Главные основы будущего общественного строя». Публикация

этой статьи вряд ли была личной прихотью Нечаева. Он придавал ей, судя по всему, огромное значение: не будучи склонным к «абстрактному теоретизированию», он напечатал ее в течение 1870 г. дважды: во втором номере «Народной расправы» и в номере первом газеты «Община». Причем, в «Народной расправе» он поместил ее, невзирая на возражения Бакунина, тем самым ставя под угрозу саму возможность их дальнейшего сотрудничества (впрочем, этим сотрудничеством Нечаев к тому времени вряд ли уже дорожил, относя Бакунина в разряд «кабинетных революционеров»!). Одно из объяснений подобной странной настойчивости Нечаева мы усматриваем в том, что эта статья фактически реализовала один из принципиальных пунктов ткачевско-нечаевской «Программы революционных действий», в котором говорилось о том, что к осени 1869 г. «лучшими литераторами по социальным и естественным наукам... должна быть составлена форма организации будущего устройства государства». Скорее всего, автором статьи был сам Нечаев.

Статья начиналась с заявления о том, что «состояние человечества ложное» и совершенно не соответствует его (человечества) природе, а то, что исказило и обезобразило эту природу, «выразилось главным образом в следующих четырех формах: капитал, государство, семья, религия». Революция, избавляющая народ от этих форм, должна была начаться с «сосредоточения всех средств для существования общественного в руках нашего Комитета», а большая часть «гнилых элементов» должна была погибнуть в течение нескольких дней после захвата власти.

Отношение автора статьи к «буржуазному праву» можно однозначно охарактеризовать как принципиальный правовой нигилизм: «Все юридические сословные права, обязанности и институции, освященные религиозными бреднями, не имеют места при новом строе рабочей жизни... Устраниются все возможные гарантии, как полицейские, так и судебные. Никаких контрактов и обязательств между лицами или группами не признается».

Упразднение «буржуазной законности» должно было расчистить почву для активного вмешательства революционного государства во все сферы жизни общества. Экспроприированные и сосредоточенные в руках Комитета «средства существования» должны были быть переданы «рабочим артелям», выборные члены которых соста-

вили бы сеть так называемых «контор», в чьи функции, по замыслу Нечаева, входили бы планирование общественного производства – составление таблиц «знающими людьми» и «указывающие, какие отрасли труда необходимы в данной местности»; распределение произведенной продукции – все рабочие группы обязывались доставлять в распоряжение местных контор произведения своего труда, «получая все нужное из запасных складов» и т. д.

Контора направляла деятельность всех артелей местности – «будет ли то село или город». Каждый индивид должен был примкнуть к той или иной «рабочей артели», а все не примкнувшие «без уважительных причин» лишились права доступа в общественные столовые, общественные спальни и, соответственно, оставались «без средств к существованию». Для них, заявлял Нечаев, «закрыты будут все дороги, все средства сообщения, останется один выход, или к труду, или к смерти».

Все артели должны были выбирать на неопределенный срок так называемых «оценщиков», в обязанности которых должны были входить регулирование хода работы, записывание суммы производительности труда каждого «по мере накопления, а также и его потребления», посредничество между артелью и конторой и т.д.

Как видно из вышеизложенного описываемый проект, казалось бы, не исключал возможности использования элементов общинного самоуправления. Но в условиях жесткой тоталитарной модели присвоение государством практически всех функций гражданского общества само по себе неизбежно должно было бы исключить какое бы то ни было развитие механизмов самоуправления. Таким образом, не общество, а государство выступало бы главным организатором общественной жизни.

Одним из принципиальных пунктов программы Нечаева было уничтожение традиционной семьи, одной из основных «ложных форм» состояния человечества. Его проект предусматривал полную ликвидацию семьи: «Мужчина и женщина, – провозглашал Нечаев, – могут быть свободны во всех отношениях... при взаимном согласии... живут вместе и расходятся, если найдут это более удобным».

Соответственно, огосударствлению подлежало также воспитание и обучение детей. Нечаев мечтал о том времени, когда дети будут «воспитываться обществом» в «особых зданиях», где воспи-

тание и обучение вплоть по достижении совершеннолетия должны будут сопровождаться физическим трудом.

В одном из примечаний к статье заявлялось: «Подробное теоретическое развитие наших главных положений желающие найдут в изданной нами статье «Манифест Коммунистической партии». Здесь же (т.е. в статье «Главные основы будущего общественного строя». – А.М.) выявляется, главным образом, практический путь достижения». Необходимо отметить по этому поводу, что никто иной, как Нечаев, был первым опубликовавшим перевод «Манифеста» на русском языке. Разумеется, нет ничего невероятного в том, что Нечаев мог заимствовать некоторые элементы теории Маркса, включив их в собственные теоретические построения.

Если резюмировать взгляды Нечаева на будущее государственное устройство, то следует отметить, что наиболее характерной их чертой была абсолютная убежденность в возможности беспредельной рационализации жизни человеческого общества, что, разумеется, исключало какое бы то ни было признание необходимости и неизбежности его спонтанного развития и саморегуляции. Нечаев при этом исходил из чрезвычайно примитивного представления об обществе, рассматривал его как некий простейший механизм, якобы готовый в любой момент к радикальному переустройству, которое была призвана осуществить организация революционного меньшинства по заранее разработанной «лучшими умами» абстрактно-утопической охеме⁶²⁸.

Одним из наиболее крупных по объему документов второй агитационной кампании была прокламация «К офицерам русской армии», подписанная Бакуниным. Она призвана была довести до широкого сведения принципы организации революционного меньшинства. Само по себе обращение к офицерству было для Бакунина лишь поводом для того, чтобы дать радикалам обширнейшую инструкцию, в которой излагались соображения о моральном облике членов революционной организации, способах ее подпольного функционирования и т.п. Рисуя образ «коллективного Стеньки Разина», Бакунин на первый план выдвигал такие качества членов организации, как коллективизм и «единодушие», построенные на «полнейшем самоотвержении и самозабвении каждого». Бакунин пропагандировал полный отказ от своей личности как непремен-

ном условии принадлежности к организации. Верхушка же этой идеальной организации («Комитет») вообще должна «обречь себя на вечную неизвестность». Даже в случае прихода к власти она должна оставаться в подполье, «выдвигая наружу людей, находящихся вне его («Комитета». – А.М.), может быть, даже людей чуждых целей организации, и довольствуясь тем, что эти люди будут выполнять предначертания его». Словом, члены «Комитета» должны действовать, «как иезуиты, только не с целью порабощения, а освобождения народного».

Одновременно Бакунин провозглашал «безвозвратность» вступления в организацию и тем самым оправдывал убийство студента Иванова: «Вступление в организацию свободно, но выход из нее невозможен». Парадоксально, но этот поборник «свободы личности» горячо отстаивал в своей прокламации принцип самой строгой и жесткой иерархичности. Так, член организации должен сообразовывать свое поведение «безусловно и строго со всеми приказаниями и инструкциями, полученными им свыше, не спрашивая и не стараясь даже узнать, на какой ступени организации он находится сам». Более того, Бакунин безоговорочно защищал систему всеобщего шпионажа, введенного Нечаевым в качестве основополагающего принципа в организации «Народная расправа»: «Каждый член подвергается... неумолимо строгому, взаимному контролю, какому подвергаются все остальные члены организации... действия каждого из них всегда и везде прозрачны для остальных».

Бакунин в своей прокламации изображал «Комитет» «Народной расправы» «первой, окончательно удавшейся организацией революционных сил в целой России». Эта организация, заявлял Бакунин, «не перестанет действовать до тех пор, пока вся программа ее не станет русскою обыденною жизнью, не станет жизнью всесветной»⁶²⁹. Эти слова Бакунина оказались по-своему пророческими. Ведь, по сути дела, взгляды Бакунина и Нечаева на характер и принципы построения революционной организации надолго пережили их самих. В качестве идеала ими выдвигалась тайная организация орденского типа, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация ультрацентралистическая и иерархическая, действующая по одному общему плану, подчиняющаяся одному общему руководству, представляющая собой как бы одно живое

тело, старающееся проникнуть во все поры общества: «Революционеры должны проникнуть всюду, во все высшие и средние классы, в купеческую лавку, церковь, в барский дом, в мир бюрократический, военный, в литературу, Третье отделение и даже в Зимний», – так гласил один из пунктов «Катехизиса»⁶³⁰.

Иногда можно встретить суждения о том, что «Народная распра-ва» представляла собой «обычную» заговорщическую организацию. Это лишь отчасти верно. Нечаев, Ткачев, Бакунин создали целую программу структуры, которая получила свое творческое развитие и воплощение в таких организациях, как «Земля и Воля», «Народная Воля», РСДРП(б) и, в конечном счете, на многие годы определила всю политическую систему послеоктябрьской России. Сам Нечаев, похоже, вполне сознавал свое новаторство, характеризуя свою организацию, ни много, ни мало, как «зачаток нового мира»⁶³¹. Только организация подобного типа и могла осуществить на практике неслыханную в мировой истории задачу замены всех без исключения традиционных форм жизни на «прямо противоположные». Нечаев особо подчеркивал, что «совершенно новые (формы. – А.М.) могут произойти только тогда, когда от разрушения не уцелеет ни одна из них, то есть совершенно новые формы жизни могут произойти из совершенной аморфности. В противном случае, – утверждал Нечаев, – то есть если убережется несколько, даже хотя одна старая форма – значит уцелеет зародыш других форм и возможность ему в будущем разрастись, – значит изменение будет только кажущееся и временное, а жертвы и кровь, ценой которых куплено изменение, будут потрачены даром»⁶³².

Обдумывая планы доведения до «аморфности» всех без исключения общественных отношений и институтов, Нечаев в какой-то степени опирался на опыт Французской революции. Материалы нечаевского дела и свидетельства мемуаристов показывают наличие весьма устойчивого интереса к якобинскому прецеденту у Нечаева. На раннем этапе его деятельности, еще в 1868 г., особенное влияние на образ мыслей Нечаева имели наряду с другими источниками, «несколько сочинений о Французской революции»⁶³³. И на заключительном этапе нечаевского дела это влияние сохранилось. В неопубликованных воспоминаниях З.К. Ралли писал о том, что был «удивлен его (Нечаева. – А.М.) знанием Французской революции, которую он изучал по французским книжкам»⁶³⁴. Нечаев

явился к Ралли в 1871 г. из Парижа «с маленьким ручным чено-даном и двумя книжками: «Исповедью» Ж.Ж. Руссо и «Речами» Робеспьера»⁶³⁵. «Смеем думать, – писал по этому поводу историк Б. Николаевский, – что среди русских революционеров 1860–1870 годов можно найти очень немногих, кто читал «Исповедь» Руссо и речи Робеспьера, – во всяком случае нам не помнится ни одного автора воспоминаний о той эпохе, который, перечисляя книги, оказавшие на него влияние, назвал бы эти два старые издания»⁶³⁶. Николаевский подчеркивал: «Факт интереса Нечаева к Робеспьеру и Руссо (оказавшему такое огромное влияние на первого) больше чем знаменателен: трудно предположить, чтобы Нечаев только интересовался ими»⁶³⁷. Можно утверждать, что самый дух якобинства вошел как органический элемент в политическое мышление Нечаева. Это, кстати говоря, является веским опровержением распространяемых домыслов о том, что нечаевщина является «глубоко русским национальным явлением». Практически все нечаевские идеи были почерпнуты им из книг и брошюр западноевропейских мыслителей радикального толка, или же из русской революционно-демократической мысли, представляющей собой крайнюю форму «западничества». Его «заслуга» лишь в том, что многие идеи были им выражены в яркой, недвусмысленной форме, и, кроме того, он последовательно старался их воплотить на практике.

Следует обратиться к комплексу изданий завершающего этапа второй прокламационной кампании. Большинство из них отличали полнейшая беспринципность, демагогичность и неприкрыто мистификаторский характер. Среди них следует назвать прокламации «Русское дворянство» с подписью: «Потомки Рюрика и Революционный Дворянский Комитет», «Благородное Российское дворянство», имеющее подпись: «Потомки Рюрика и Партия Российского Независимого Дворянства», а также прокламации «К русскому мещанству» и «К русскому купечеству» (с соответствующими подписями: «Дума всех вольных мещан» и «Контора компании Вольных русских купцов»). Все эти издания «были рассчитаны на разжигание своеокрыстных интересов классов и сословных групп ради возбуждения восстания любой ценой»⁶³⁸.

Несколько особняком от них стоит прокламация В. А. Зайцева «От русского революционного общества к женщинам» – одно из последних печатных изданий, вышедших в 1870 г.

В ней получили развитие идеи «Катехизиса революционера» и статьи «Главные основы будущего общественного строя» в той их части, в какой они касались так называемого женского вопроса: отношения революционеров к женщинам различных «категорий», браку и семье.

«Женский вопрос» однозначно рассматривался в прокламации Зайцева как «оружие социальной революции». Причем в данном случае одной из «устаревших форм жизни» оказывался мужчина, эксплуатирующий женщину в качестве «наложницы и кухарки». Зайцев следующим образом «революционизировал» представительниц прекрасной половины рода человеческого: «Самая талантливая из вас, – писал он, – поставлена ниже самого глупого мужчины»... «вас развращают и извращают с самого детства, вот и вся программа вашего воспитания».

Как идеал женщины в прокламации рисуется образ нигилистки, «жадно» бросающейся «на науку и труд», создающей социалистические ассоциации с тем, чтобы стать «независимыми от мужчин». Но, с точки зрения автора, в условиях самодержавного государства женщина все равно не в состоянии полностью освободиться. «Где же искать выхода?» – задается вопросом Зайцев. И отвечает: «В социальной революции, в уничтожении частной собственности и, соответственно, семьи юридической». «Жить вне религии и брака народ не помешает никому»⁶³⁹.

Между тем, в течение весны 1870 г. между Нечаевым, с одной стороны, и Бакуниным и Огаревым, с другой, назревал серьезнейший конфликт, который закончился полным и скандальным разрывом в начале июля 1870 г. Причин этому было несколько, и все они носили принципиальный характер. Известную роль сыграло нарастание идейных разногласий. Нечаев все в возрастающей степени эволюционировал в сторону бланкизма, чего Бакунин и Огарев категорически не могли принять по идейным соображениям. Самое же главное, ожидаемого «пovсюдного бунта» в России, весной 1870 г. так и не произошло, а это не могло не породить серьезных трений и взаимного охлаждения.

В довершение ко всему из России стала приходить достоверная информация, рисующая все нечаевское дело в крайне непрятном свете. Почва буквально ушла из-под ног Нечаева. Бакунин и Огарев пережили горестное разочарование в «молодом друге».

После разрыва с ними Нечаев покинул Женеву и через некоторое время объявился в Лондоне со своим подручным В.И. Серебренниковым. Там, осенью 1870 г. они совместно издали первый (и единственный) номер «Органа русских социалистов» «Община», продолжившего традиции издания «Народная расправа», но сильно уступающего ему в литературном отношении. Очевидно, на качестве публикаций сказалось отрицательно отсутствие редакторской правки со стороны Бакунина и Огарева.

Наиболее значительная публикация в «Общине» – статья «Наша общая программа», которая почти дословно воспроизвела основные пункты «Главных основ будущего общественного строя». Любопытны, впрочем, примечания к этой статье, сделанные Нечаевым. В них он грозил тем, кто не пожелает жить в проектируемой им гигантской казарме, принести их «в жертву благо-состояния масс»⁶⁴⁰.

Журнал открывался передовицей, в которой Нечаев отмежевывался от всех наличных революционных сил, существовавших тогда в России и Западной Европе. С его точки зрения, I Интернационал объединял в своих рядах «гораздо более фразеров, говорунов, лиц без всяких убеждений, чем серьезных личностей и способных борцов за народное дело». Аналогичному шельмованию подвергались и «вожди» Интернационала. Все надежды возлагались на молодых людей нечаевской складки в России да на то, что ситуация в Европе вот-вот изменится, появятся «удобно сложившиеся обстоятельства», к каковым Нечаев относил «жестокую продолжительную войну», «повсюдный голод», словом, все то, что могло «особенно усилить народное несчастье», вызвать «взрыв масс» и появление «новых вождей»⁶⁴¹. В этих своих рассуждениях Нечаев лишь следовал излюбленному своему принципу «чем хуже, тем лучше».

В заключавшем «Общину» открытом письме к Бакунину и Огареву Нечаев с характерной для него наглостью требовал доставить в редакцию остатки Бахметьевского фонда. Рассыпая иронические «комplименты» в адрес Бакунина и Огарева, он заявлял, что отказывается «от всякой политической солидарности с ними»⁶⁴².

Документом, подводящим своеобразный итог идейной эволюции Нечаева, является текст так называемых «Основных положений», представляющих собой руководство к действию для

полуэфемерных групп и кружков славянских революционеров, с которыми тесно сотрудничал Нечаев вплоть до своего ареста в августе 1872 г. В дальнейшем они составили ядро бланкистского «Общества народного освобождения», которое возглавил бежавший за границу Ткачев.

В этом документе сочетались анархистские идеи о революционном союзе славянских народов и славянской федерации, зиждущемся на общинном устройстве, с принципами республиканского государственного устройства и диктатуры революционного правительства, органичных для бланкистской идеологии. Основная идея, красной нитью проходящая через весь документ, – это идея строго законспирированной централистической заговорщической организации, которая после переворота должна сформировать всю политическую систему будущего строя⁶⁴³.

Все последующие бумаги, которые вышли из-под пера Нечаева, были написаны им уже в тюремной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости. 1 июня 1871 г. начался открытый процесс над нечаевцами, к которому были привлечены 87 подсудимых. Большинство из них под давлением либерального общественного мнения было оправдано, хотя главные обвиняемые – Успенский, Прыжов, Кузнецов и Николаев были приговорены к 12 годам каторги.

Комментарием к процессу можно было бы сделать слова Прыжова, которые он собирался произнести в последнем слове на суде: «успело вырасти новое учение радикальное. Последствия его – теперешний суд. Учение это страшно и, пожалуй, скверно, – заявлял Прыжов, – но если дела пойдут по старому, то оно в свою очередь, явится невинным, а на месте его будет что-нибудь пострашнее... передовые радикалы скоро перещеголяют Неронов»⁶⁴⁴.

Прыжов был, к сожалению, прав. Уроки «нечаевщины» были усвоены последующими поколениями революционеров, успешно «развиты» и, в конечном счете, во многом определили ход исторического процесса в России, начиная с октября 1917 г. За новыми «Неронами» дело не стало.

Нечаев же, долго скрывавшийся от агентов III отделения, брошившего на его поимку лучшие силы и огромные средства, был арестован в августе 1872 г. в Швейцарии и выдан русскому прави-

тельству как уголовный преступник. В 1873 суд приговорил его к 20 годам каторги, однако по распоряжению императора Александра II Нечаев был «навсегда» заключен в одиночную камеру Алексеевского равелина Петропавловской крепости. В заключении он вел себя мужественно, протестовал против условий заключения, требовал пересмотра своего дела. Ему удалось привлечь на свою сторону значительную часть караульной команды и связаться через распропагандированных солдат в 1881 г. с деятелями «Народной воли», которые даже обсуждали возможность организации побега Нечаева из крепости. В результате доноса в ноябре 1881 г. «заговор» Нечаева был раскрыт, условия его содержания ужесточены. Через год он скончался. Его смерть поставила окончательную точку в нечаевском деле.

Примечания

- ¹ Гросул, В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. – Кишинев, 1973. – С. 349.
- ² Гиляров, Ф.А. 15 лет крамолы (4 апреля 1866 – 1 марта 1881). – Спб., 1883. – Т. 1, ч. 1. – С. 72, 189.
- ³ Мальшинский, А.П. Обзор социально-революционного движения в России. – Спб., 1880. – С. 209–210.
- ⁴ Там же. С. 210.
- ⁵ Гиляров, А.Ф. Указ. соч. – С. 123.
- ⁶ Володин, А.И., Каракин, Ю.Ф., Плимак, Е.Г. Чернышевский или Нечаев? – М., 1975. – С. 273.
- ⁷ Маркович, С. Русские революционеры и Нечаев (1871) // Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. – М., 1957. – С. 330–331.
- ⁸ Михайловский, Н.К. Сочинения : в 6 т. – Спб., 1896. – Т. 1. – С. 851.
- ⁹ Лавров, П.Л. Народники пропагандисты: 1873–1878. – Л., 1925. – С. 27.
- ¹⁰ Цит. по: Антонов, В.Ф. Революционное народничество. – М., 1965. – С. 88.
- ¹¹ Лавров, П.Л. Избр. соч. на социально-политические темы : в 8 т. – М., 1934. – Т. 3. – С. 362.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 361–362.
- ¹⁴ Драгоманов, М.П. Биографический очерк М.А. Бакунина // Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. – Женева, 1896. – С. XCVIII.
- ¹⁵ Письма М.А. Бакунина к А.И. Герцену и Н.П. Огареву. – Женева, 1896. – С. 291.

¹⁶ Литературное наследство. – Т. 96. – С. 501.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 508–516.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7026, оп. 1, д. 1, ч. 1, л. 64–65.

²⁰ Ралли, З. Воспоминания о Нечаеве // Вестник Народной Воли. – 1883. – № 1. – С. 156.

²¹ Дебагорий-Мокриевич, В.К. От бунтарства к терроризму. – М.-Л., 1930. – С. 88–89.

²² Турский, К. Революционная расправа. Издание общества «Народного освобождения». – Б.м., 1878. – С. 5.

²³ Ткачев, П.Н. Избранные сочинения : в 6 т. – М., 1933. – Т. 3. – С. 384–385.

²⁴ Фигнер, В. Запечатленный труд. Воспоминания. – М., 1964. – Т. 1. – С. 129.

²⁵ Фроленко, М. Общество «Народного Освобождения» // Каторга и ссылка. – 1932. – № 3. – С. 98.

²⁶ Карпачев, М.Д. Очерки истории революционно-демократического движения в России. – Воронеж, 1985. – С. 126.

²⁷ Фроленко, М.Ф. Собр. соч. – М., 1932. – Т. 1. – С. 168.

²⁸ Плеханова, Р.М. Периферийный кружок «Земли и Воли» // Группа «Освобождение труда». Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. – М.-Л., 1926. – С. 91–92. На этот фрагмент наше внимание обратил В.Я. Гросул.

²⁹ Архив «Земли и Воли» и «Народной Воли». – М., 1932. – С. 65.

³⁰ Фигнер, В. Запечатленный труд. – С. 252.

³¹ Успенская, А.И. Воспоминания шестидесятницы // Былое. – 1922. – № 18. – С. 39.

³² Цит. по: Щеголев, П. Алексеевский равелин. Книга о падении и величии человека. – М., 1989. – С. 250.

³³ Фигнер, В. Сочинения. – М., Б.г. – Т. 6. – С. 382.

³⁴ Тихомиров, л. Воспоминания. – М.-Л., 1927. – С. 45–46.

³⁵ Фроленко, М. Записки семидесятника. – М., 1927. – С. 87–88.

³⁶ Фигнер, В. Запечатленный труд. Воспоминания : В 2 т. – М., 1964. – Т. 1. – С. 285.

³⁷ Богучарский, В. Активное народничество 70-х гг. – М., 1912. – С. 134, 151.

³⁸ Там же. С. 142.

³⁹ Там же. С. 147.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Кульчицкий, л. (Мазовецкий). История русского революционного движения (1801–1870-е гг.). – Спб., 1908 . – Т. 1. – С. 387.

⁴² Сватиков, С.Г. Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. – Спб., 1907. – Сб. № 1. (далее: Сватиков, С.Г. Студенческое движение 1869 года...).

⁴³ Чеховский, В.Ф. Сергей Геннадиевич Нечаев. – Спб., 1907. – С. 648.

⁴⁴ Там же. С. 647.

⁴⁵ Глинский, Б.Б. Революционный период русской истории (1861–1881). Исторический очерк. – Спб., 1913. – Ч.1. – С. 393.

⁴⁶ Там же. С. 414.

⁴⁷ Там же. С. 424.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Гаагский конгресс первого Интернационала. – М., 1970. – С. 531.

⁵⁰ Там же. С. 530.

⁵¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 37. – С. 275.

⁵² Подробнее см.: Пирумова, Н.М. Конфликт М.А. Бакунина и С.Г. Нечаева в освещении зарубежной историографии // История СССР в современной западной немарксистской историографии. – М., 1990. – С. 75.

⁵³ Плеханов, Г.В. Наши разногласия // Полн. собр. соч. : в 4 т. – М., 1925. – Т. 2. – С. 103, 147.

⁵⁴ Засулич, В.И. Нечаевское дело // Группа «Освобождение труда». Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. – М.-Л., 1924. – Сб. № 2. – С. 69.

⁵⁵ Цит. по: Шубкин, В. Грустная правда // Новый мир. 1991. – № 6. – С. 180.

⁵⁶ Как это было. Дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость. – М., 1918. – С. 17.

⁵⁷ Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 367.

⁵⁸ Горький, М. Несвоевременные мысли // Свободы вечное преддверье. – Л., 1990. – С. 160–166.

⁵⁹ Колосов, Е. За чтением Туна // Былое. – 1917. – № 6. – С. 357.

⁶⁰ Козымин, Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х гг. – М., 1922.

⁶¹ Покровский, М.Н. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX веков. – М.-Л., 1927. – С. 51.

⁶² Там же. С. 53.

⁶³ Там же. С. 54.

⁶⁴ Коваленский, М. Русская революция в судебных процессах и мемуарах. – М., 1923. – Кн.1. – С. 8.

⁶⁵ Там же. С. 13.

⁶⁶ Там же. С. 8.

⁶⁷ Там же. С. 10.

⁶⁸ Щеголев, П.Е. Алексеевский равелин. – М., 1989; Кантор, Р.М. В погоне за Нечаевым. – М.-Л., 1925; Волков, Е.З. Христо Ботев. – М.-Пг., 1923.

⁶⁹ Гамбаров, А. В спорах о Нечаеве. К вопросу об исторической реабилитации Нечаева. – М.-Л., 1926. – С. 7.

⁷⁰ Там же. С. 107.

⁷¹ Там же. С. 116.

⁷² Там же. С. 120.

⁷³ Там же. С. 138–140.

⁷⁴ Там же. С. 120.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Бонч-Бруевич, В.Д. Ленин и художественная литература // Тридцать дней. – 1934. – № 1. – С. 18.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 19.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Козьмин, Б.П. История и фантастика // Печать и революция. – 1926. Кн. 6. – С. 106.

⁸² Там же. С. 101.

⁸³ Там же. С. 105

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 108.

⁸⁶ Там же. С. 107.

⁸⁷ Козьмин, Б.П. С.Г. Нечаев и его политические противники // Революционное движение 1860-х годов / под ред. Б.И. Горева и Б.П. Козьмина. – М., 1932. – С. 169.

⁸⁸ Там же. С. 168.

⁸⁹ Там же. С. 216.

⁹⁰ Там же. С. 202.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же. С. 219.

⁹³ Там же. С. 190.

⁹⁴ Там же. С. 224.

⁹⁵ Там же. С. 225.

⁹⁶ Дейч, Л.Г. Был ли Нечаев гениален? // Группа Освобождение труда. Из архивов Г.В. Плеханова, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. – М.-Л., 1924. – Сб. № 2. – С. 82.

⁹⁷ Там же. Весьма показательным был отклик на эту статью ультралевого «настостовца» Г. Лелевича: «доказывать, будто в деятельности Нечаева не было «ничего не только особенного, но и сколько-нибудь разумного, целесообразного и полезного»... значит совершать величайшую историческую ошибку. Критиковать Нечаева, – утверждал Лелевич, – можно только за его непонимание соотношения классовых сил, но никак не за его «неэтичность». При этом Лелевич не без оправданного ехидства замечал: «совсем непонятно, когда Дейч утверждает, что уже в 70-х годах он находил приемы Нечаева «не только недопустимыми для разумного революционера, но и сколько-нибудь целесообразными даже с его точки зрения». Не правда ли, эти слова несколько оригинально звучат в устах одного из руководителей Чигиринского дела? (Печать и революция. – 1925. – № 2. – С. 196).

⁹⁸ Калякин, Ю.Ф., Плинак, Е.Г. Нечаевщина и ее современные буржуазные исследователи // История СССР. – 1960. – № 6. – С. 176–177.

⁹⁹ Там же. С. 186.

¹⁰⁰ Володин, А.И., Карякин, Ю.Ф., Плимак, Е.Г. Чернышевский или Нечаев? – М., 1976. – С. 252.

¹⁰¹ Гросул, В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. – Кишинев, 1973; *Он же. Межславянские революционные общества начала 70-х годов XIX века // Из истории экономической и общественной жизни России : сб. ст. к 90-летию академика Н. М. Дружинина.* – М., 1976; *Пирумова, Н.М. Бакунин и Нечаев // Прометей.* – 1968. – № 5; *Она же. Бакунин.* – М., 1970; *Она же (с совместно с С.В. Житомирской). Огарев, Бакунин и Н.А. Герцен-дочь в «нечаевской истории» (1870) // Литературное наследство.* – М., 1985. – Т. 96; *Она же. Александр Герцен: революционер, мыслитель, человек.* – М., 1989; *Она же. Социальная доктрина М. Бакунина.* – М., 1990; *Поглубко, К.А. Из истории русско-болгарских связей конца 60-х годов XIX века // Известия АН Молдавской ССР. – Серия общественных наук.* – Кишинев, 1965. – № 1; *Он же. Связи болгарских и русских эмигрантов // Известия АН Молдавской ССР. – Серия общественных наук.* – Кишинев, 1968. – № 1; *Он же. Очерки истории болгарско-российских революционных связей (60–70-е гг. XIX века).* – Кишинев, 1972. *Рудницкая, Е.Л. Огарев в русском революционном движении.* – М., 1969; *Она же. Новое о нечаевском «Колоколе». К истории возникновения и программы // Проблемы истории и историографии.* – М., 1971; *Она же. Русская революционная мысль. Демократическая печать. 1864–1873.* – М., 1984; *Она же. У истоков «Общества народного освобождения». К истории идейного и организационного оформления русского бланкизма // История СССР.* – 1986. – № 6; *Ткаченко, П.С. Учащаяся молодежь в русском революционном движении 60–70-х годов XIX века.* – М., 1978.

¹⁰² Лурье, Ф.М. Созицатель разрушения. Документальное повествование о С.Г. Нечаеве. – СПб., 1994; *Он же. Нечаев.* – М., 2001. К сожалению, излишняя публицистичность и политическая тенденциозность, отмеченная рецензентами книги Ф.М. Лурье (см., напр.: *Отечественная история.* – 3003. – № 5. – С. 177–180), мешает по достоинству оценить эту работу, созданную, в значительной мере, на основе изучения архивных источников.

¹⁰³ См. рецензии на эту работу: *Искра, Л.М. [Рец.] Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / под ред. Е.Л. Рудницкой.* – М., 1997. – 576 с. // *Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Изд-во ВГУ, 1998. – Вып. 3. – С. 211–214; Городницкий, Р.А., Кан Г.С. (Москва) // Отечественная история.* – 1998. – № 6. – С. 185–188; *Левандовский, А., Щербакова, Е. Охота к мелкой войне // Свободная мысль.* 1998. № 8. – С. 115–116; *Они же. Революционный радикализм в России: век девятнадцатый.* – М. : Археографический центр, 1997. – 576 с. *Вопросы истории.* – 2000. – № 9. – С. 158–160.

¹⁰⁴ Исаков, В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840 – первая половина 1880-х годов. – М., 2004;

- Минаков, А.Ю.* Феномен нечаевщины должен быть переосмыслен // Вопросы истории. – 1990. – № 11; *Он же*. С.Г. Нечаев и П.Н. Ткачев: к вопросу об идейной идентификации «нечаевщины» // Россия и реформы. – Вып. 4; *Он же*. Нечаевско-бакунинская агитационная кампания 1869–1870 гг. // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый : документальная публ. под ред. Е.Л. Рудницкой. – М., 1997; *Он же*. К портрету Сергея Нечаева // Духовность. Журнал гуманитарных исследований. Книга третья (октябрь–март). – Сергиев Посад, 2003; *Рудницкая Е.Л.* Русский бланкизм: Петр Ткачев. – М., 1992.
- ¹⁰⁵ *Ткачев, П.Н.* Избранные сочинения : в 6 т. – М., 1933. – Т. 3. – С. 395.
- ¹⁰⁶ *Сватиков, С.Г.* Студенческое движение 1869 года (Бакунин и Нечаев) // Наша страна. – Спб., 1907. – Сб. № 1. (Далее: *Сватиков, С.Г.* Студенческое движение 1868 года...).
- ¹⁰⁷ *Ткаченко, П.С.* Учащаяся молодежь в революционном движении 60–70-х гг. XIX в. – М., 1978. – С. 122 (далее: *Ткаченко, П.С.* Учащаяся молодежь...).
- ¹⁰⁸ *Ульман, Г.С.* Маркс и Энгельс о Нечаеве и нечаевском процессе // Уч. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – Л., 1948. – Т. 62. – С. 234.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ *Глинский, Б.Б.* Революционный период русской истории (1861–1881). Исторические очерки. – Спб., 1913, ч. 1. – С. 393.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² *Нечаев и нечаевцы*. – М., 1931. – С. 8.
- ¹¹³ *Ралли, З.* Воспоминания о Нечаеве // Вестник Народной Воли. – Женева. 1883. № 1. – С. 56–57.
- ¹¹⁴ *Глинский, Б.Б.* Революционный период русской истории... – С. 393–394.
- ¹¹⁵ *Козьмин, Б.П.* Неудавшаяся провокация. Новое о С.Г. Нечаеве // Красный архив. – 1926. – Т. I (XIV). – С. 151–152. (далее: *Козьмин, Б.П.* Неудавшаяся провокация...)
- ¹¹⁶ *Козьмин, Б.П.* Удавшаяся провокация // Красный архив. – 1926. – Т. 2. (XV). – С. 158–159.
- ¹¹⁷ *Козьмин, Б.П.* Неудавшаяся провокация... – С. 149–150.
- ¹¹⁸ Цит. по: *Рудницкая, Е.Л.* Русская революционная мысль... С. 133.
- ¹¹⁹ *Стеклов, Ю.* Бакунин. Его жизнь и деятельность. – М.-Л., 1927. – Т. 3. – С. 422.
- ¹²⁰ Правительственный вестник. – 1871. – 8 (20) июля (№ 161). – С. 5.
- ¹²¹ Правительственный вестник. – 1871. – 3 (15) июля (№ 157). – С. 3.
- ¹²² Там же. 6 (18) июля. № 159. – С. 3.
- ¹²³ Издание общества «Народной расправы». – Женева, 1869. – № 1. – С. 12.
- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 40.
- ¹²⁵ Покушение Каракозова : Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. – М., 1928. – Т. 1. – С. V. (далее: Покушение Каракозова).
- ¹²⁶ Там же. С. XII–XIII.

- ¹²⁷ Тихомиров, л. Несколько мыслей о развитии и разветвлении революционных направлений в России в 1870–1880-х годах // Каторга и ссылка. – 1926. – № 24 (3). – С. 114.
- ¹²⁸ Издание Общества «Народной расправы». – Спб., 1870. – № 2 (Издано в Женеве). – С. 19.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 15 об.
- ¹³¹ Цит. по: Сватиков, С.Г. Студенческое движение 1869 г... – С. 229–230.
- ¹³² ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 15 об.
- ¹³³ Издание Общества «Народной расправы». – М., 1869. – № 1 (Издано в Женеве). – С. 9.
- ¹³⁴ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 15.
- ¹³⁵ Там же. .
- ¹³⁶ Цит. по: Пицумова, Н.М. Разрушитель // Родина. – 190. – № 2. – С. 83. (далее: Пицумова, Н.М. Разрушитель...). Все ссылки на «Катехизис революционера» даются по этому изданию.
- ¹³⁷ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 15.
- ¹³⁸ Там же. Л. 36 об.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 236 об.
- ¹⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 4, л. 93.
- ¹⁴² Пантелейев, Л.Ф. Воспоминания. – М., 1958. – С. 554.
- ¹⁴³ Литературное наследство. – М., 1985. – Т. 96. – С. 534.
- ¹⁴⁴ Цит. по: Ткаченко, П.С. Учащаяся молодежь... – С. 138.
- ¹⁴⁵ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 136.
- ¹⁴⁶ Козьмин, Б.П. С.Г. Нечаев и его политические противники... – С. 180.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 180–181.
- ¹⁴⁸ Сватиков, С.Г. Студенческое движение 1869 г. – С. 182.
- ¹⁴⁹ Чудновский, С.Л. Из давних лет. Воспоминания. – М., 1934. – С. 15.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 16.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Там же. С. 16–17.
- ¹⁵³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп., 1869, д. 112, ч. 1, л. 15.
- ¹⁵⁴ Правительственный вестник. – 1871. – 9 июля (№ 162). – С. 3.
- ¹⁵⁵ Сватиков, С.Г. Студенческое движение 1869 г. – С. 189.
- ¹⁵⁶ Ралли, З. С.Г. Нечаев. Из моих воспоминаний // Былое. – 1906. – № 7. – С. 138.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 137.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 137–139.
- ¹⁶⁰ Козьмин, Б.П. Революционное подполье в эпоху «белого» террора. – М., 1919. – С. 189 (Далее: Козьмин, Б.П. Революционное подполье...).
- ¹⁶¹ Нечаев и нечаевцы... – С. 77.

¹⁶² ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 114–115.

¹⁶³ Там же. Л. 115.

¹⁶⁴ Там же. Л. 116.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. Л. 132.

¹⁶⁷ Там же. Л. 138.

¹⁶⁸ Там же. Л. 139.

¹⁶⁹ Там же. Л. 139–140; см. также: *Пирумова, Н.М. Бакунин и Нечаев // Прометей.* – 1968. – № 5. – С. 179. (Далее: *Пирумова, Н.М. Бакунин и Нечаев...*).

¹⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 100, д. 4, л. 140.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² *Коэльмин, Б.П. Революционное подполье... – С. 29.*

¹⁷³ Там же. С. 92.

¹⁷⁴ Там же. С. 29.

¹⁷⁵ Там же. С. 112.

¹⁷⁶ Нечаев и нечаевцы... – С. 71–72.

¹⁷⁷ *Засулич, В.И. Нечаевское дело... Там же. С. 26.*

¹⁷⁸ Там же. С. 27.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ *Чудновский, С.Л. Из дальних лет... – С. 128.*

¹⁸¹ Там же. С. 15.

¹⁸² *Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 128.*

¹⁸³ Нечаев и нечаевцы... – С. 58.

¹⁸⁴ *Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 30.*

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же. С. 31.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ *Никифоров, Л.П. Мои тюрьмы // Голос минувшего. – 1914. – № 5. – С. 170.*

¹⁸⁹ *Засулич, В.И. Воспоминания. – М., 1931. – С. 59.*

¹⁹⁰ Там же. С. 130.

¹⁹¹ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 171.

¹⁹² Там же. Л. 141.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же. Л. 142.

¹⁹⁵ Там же. Л. 141.

¹⁹⁶ Там же. Л. 142.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 42.

¹⁹⁸ *Правительственный вестник. – 1871. – 6 (18) июля (№ 159). – С. 6.*

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 242.

²⁰⁰ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 143.

²⁰¹ Там же.

²⁰² *Пирумова, Н.М. Бакунин и Нечаев... – С. 181.*

²⁰³ ГАРФ. Ф. 109. З. отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 13, л. 1.

²⁰⁴ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 143.

²⁰⁵ Там же. Л. 144–145.

²⁰⁶ Там же. Л. 144.

²⁰⁷ Там же. Л. 145.

²⁰⁸ Там же. Л. 146.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 142.

²¹⁰ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 147.

²¹¹ Там же.

²¹² Ралли, З. С.Г. Нечаев... – С. 138.

²¹³ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 44.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Ралли, З. С.Г. Нечаев... – С. 138.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же. С. 139–140.

²¹⁸ Там же. С. 140.

²¹⁹ Замфир, Арбуре. Опере алесе. – Кишинэу, 1957. – С. 169.

²²⁰ Ралли, З. Бакунин. Из моих воспоминаний // Минувшие годы. – 1908. – № 10. – С. 159 (далее: Ралли, З. М.А. Бакунин...).

²²¹ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 43.

²²² Гильяров, Ф.А. 15 лет крамолы (4 апреля 1866 – 1 марта 1881). – М., 1885. – Т. 1, ч. 1. – С. 114.

²²³ Неттлау, М. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. – Пг.-М., 1920. – С. 51.

²²⁴ Ралли, З. М.А. Бакунин... – С. 153, 157.

²²⁵ Нечаев и нечаевцы... – С. 85.

²²⁶ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 147.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. Л. 147–148.

²²⁹ Там же. Л. 148.

²³⁰ Гольденберг, Л.Б. Воспоминания // Каторга и ссылка. – 1924. – Кн. 10. – С. 101–102 (далее: Гольденберг, Л.Б. Воспоминания...).

²³¹ Нечаев и нечаевцы... – С. 85.

²³² Там же. С. 86.

²³³ Там же. С. 104.

²³⁴ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 149.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Ралли, З. С.Г. Нечаев... – С. 141–142.

²³⁸ Пустариков, В.Ф., Шахматов, Б.Н. П.Н. Ткачев – революционер, публицист, мыслитель // Ткачев П.Н. Сочинения : в 2 т. – М., 1975. – Т. 1. – С. 20.

²³⁹ Анненская, А. Из прошлых лет // Русское богатство. – 1913. – № 1. – С. 62.

²⁴⁰ Ткачев, П.Н. Сочинения. – Т. 1. – С. 10.

- ²⁴¹ Там же. С. 558.
- ²⁴² ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 95.
- ²⁴³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 2, л. 183.
- ²⁴⁴ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 11.
- ²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 5, л. 41.
- ²⁴⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 12.
- ²⁴⁷ Цит. по: Кушева, Е. Из истории «Общества народного освобождения» // Каторга и ссылка. – Ки. 4 (77). – 1931. – С. 57.
- ²⁴⁸ Дейч, Л.Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. – Пг., 1920. – С. 84.
- ²⁴⁹ Фроленко, М. Общество народного освобождения // Каторга и ссылка. – 1932. – № 3. – С. 98.
- ²⁵⁰ Ткачев, П.Н. Избранные сочинения : в 6 т. – М., 1933. – Т. 3. – С. 386.
- ²⁵¹ Цит. по: Горев, Б. К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности // Воинствующий материалист. – М., 1925. – Сб. № 4. – С. 113–114.
- ²⁵² Левин, Ш.М. Очерки по истории русской общественной мысли. – Л., 1974. – С. 150.
- ²⁵³ Турский, К. Революционная Расправа. Издание общества Народного Освобождения. – Б.м., 1878. – С. 5.
- ²⁵⁴ Ткачев, П.Н. Избр. соч. – Т. 3. – С. 395–396.
- ²⁵⁵ Там же. С. 402.
- ²⁵⁶ Там же. С. 383.
- ²⁵⁷ Там же. С. 384–385.
- ²⁵⁸ Там же. С. 384.
- ²⁵⁹ Там же. С. 365.
- ²⁶⁰ Там же.
- ²⁶¹ ГАРФ. Ф.109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 1, л. 269.
- ²⁶² ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 41.
- ²⁶³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 2, л. 192.
- ²⁶⁴ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 130, 139.
- ²⁶⁵ ОР. РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 138.
- ²⁶⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 130–131, 139–140.
- ²⁶⁷ ГАРФ. Ф.109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 3, л. 117.
- ²⁶⁸ Там же. л. 120 об.
- ²⁶⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 234–235.
- ²⁷⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 3, л. 256 об.
- ²⁷¹ Там же. Л. 184.
- ²⁷² Нечаев и нечаевцы... – С. 72.
- ²⁷³ Ульман, Г.С. Маркс и Энгельс о Нечаеве... – С. 236.
- ²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1872, д. 32, ч. 1, л. 95.
- ²⁷⁵ Никифоров, Л.П. Мои тюрьмы // Голос минувшего. – 1914. – № 5. – С. 169. (далее: Никифоров, Л.П. Мои тюрьмы...).

- ²⁷⁶ Ткаченко, П.С. Учащаяся молодежь... – С. 133.
- ²⁷⁷ Козьмин, Б.П. Неудавшаяся провокация... – С. 151.
- ²⁷⁸ Ралли, З. С. Г. Нечаев... – С. 142.
- ²⁷⁹ Там же; см. также: ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 50.
- ²⁸⁰ Ралли, З. С.Г. Нечаев... – С. 142.
- ²⁸¹ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 49.
- ²⁸² Ульман, Г.С. Маркс и Энгельс о Нечаеве... – С. 236.
- ²⁸³ Ралли, З. С. Г. Нечаев... – С. 139.
- ²⁸⁴ Она была опубликована в «Историко-революционной хрестоматии» (М., 1923. – С. 80–85) Далее: Историко-революционная хрестоматия...
- ²⁸⁵ Нечаев и нечаевцы... – С. 14.
- ²⁸⁶ Седов, М.Г. Некоторые проблемы истории бланкизма в России // Вопросы истории. – 1971. – № 10. – С. 47.
- ²⁸⁷ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 24. – С. 292.
- ²⁸⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 279 об.
- ²⁸⁹ Там же. Л. 280 об.
- ²⁹⁰ Нечаев и нечаевцы... – С. 70.
- ²⁹¹ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 31.
- ²⁹² Гольденберг, Л.Б. Воспоминания... – С. 101–102.
- ²⁹³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 13, л. 27.
- ²⁹⁴ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 31.
- ²⁹⁵ ГАРФ. Ф.112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 34.
- ²⁹⁶ Гольденберг, Л.Б. Воспоминания... – С. 102.
- ²⁹⁷ Никифоров, Л.П. Мои тюрьмы. – С. 170–171.
- ²⁹⁸ Сватиков, С.Г. Студенческое движение 1869 года... – С. 194.
- ²⁹⁹ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 1, л. 1.
- ³⁰⁰ Там же. Л. 3.
- ³⁰¹ Там же. Л. 5.
- ³⁰² ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 1, л. 15.
- ³⁰³ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 149.
- ³⁰⁴ Там же. Л. 149.
- ³⁰⁵ Там же.
- ³⁰⁶ Сватиков, С.Г. Студенческое движение 1869 года... – С. 194–195.
- ³⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 3, л. 46 об.
- ³⁰⁸ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 50.
- ³⁰⁹ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 151.
- ³¹⁰ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 51.
- ³¹¹ Там же.
- ³¹² ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 235 об.
- ³¹³ Там же.
- ³¹⁴ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 215.
- ³¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 1, л. 52.
- ³¹⁶ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 4, л. 93 об.–94.

³¹⁷ Там же. Л. 93.

³¹⁸ Там же. Л. 94–97.

³¹⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 239.

³²⁰ Там же.

³²¹ Там же. Л. 291.

³²² ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 4, л. 94.

³²³ Там же. Л. 99.

³²⁴ Нечаев и нечаевцы... – С. 15.

³²⁵ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 141.

³²⁶ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 154.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же. Л. 155.

³³¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 1, л. 42.

³³² ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 243.

³³³ ОР РГБ. Ф. 100, д. 4, л. 155.

³³⁴ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 247.

³³⁵ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 158.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 39.

³³⁹ Гольденберг, Л.Б. Воспоминания... – С. 103.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Ткаченко, П.С. Учащаяся молодежь... – С. 128–132.

³⁴² Нечаев и нечаевцы... – С. 82.

³⁴³ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 162.

³⁴⁴ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 112, ч. 1, л. 132.

³⁴⁵ Там же. С. 163–164.

³⁴⁶ Литературное наследство. – М., 1985. – Т. 96. – С. 501.

³⁴⁷ Там же. С. 500.

³⁴⁸ Стеклов, Ю. Бакунин. Его жизнь и деятельность : в 4 т. – М.-Л., 1927. – Т. 3. – С. 427.

³⁴⁹ Литературное наследство. – М., 1985. – Т. 96. – С. 503.

³⁵⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп., 1869, д. 112, ч. 1, л. 19.

³⁵¹ Там же.

³⁵² Там же. Л. 30.

³⁵³ Там же. Л. 19.

³⁵⁴ Там же. Л. 30.

³⁵⁵ Там же. Л. 19.

³⁵⁶ Там же. Ч. 2, л. 5.

³⁵⁷ Там же. Л. 163.

³⁵⁸ Там же. Д. 112, ч. 1, л. 163.

³⁵⁹ Нечаев и нечаевцы... – С. 103.

³⁶⁰ Там же. С. 104.

³⁶¹ ГАРФ. Ф. 109. З отд., З эксп. 1869, д. 112, ч. 1, л. 30.

³⁶² Там же.

³⁶³ Герцен, А.И. Собр. соч. : в 30 т. – М., 1954–1965. – Т. XXX. – Кн. 1. – С. 144.

³⁶⁴ Бахметьевский фонд – создан в 1858 г. по инициативе П.А. Бахметьева, который передал Герцену на нужды революционного движения в России 800 фунтов стерлингов.

³⁶⁵ Рудницкая, Е.Л. Русская революционная мысль... – С. 168.

³⁶⁶ Это также относится и к так называемому «нечаевскому «Колоколу»».

³⁶⁷ Пирумова, Н.М. М.А. Бакунин или С.Г. Нечаев? // Прометей. – М., 1968. – Т. 5. – С. 181.

³⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 100, оп. 1, д. 4, л. 140.

³⁶⁹ Козымин, Б.П. П.Н. Ткачев и революционное движение 1860-х гг. – М., 1922. – С. 97–98.

³⁷⁰ Гросул, В.Я. Предисловие // Гельман Л.З. Михаил Негрескул. – Кишинев, 1983. – С. 25.

³⁷¹ Бакунин, М.А. Речи и возвзвания. – Спб., 1906. – С. 259. (далее: Бакунин, М.А. Речи и возвзвания...)

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же. С. 260–261.

³⁷⁴ Издание Общества «Народной расправы». – Спб., 1870. – № 2. – С. 8.

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ Пирумова, Н.М. Разрушитель... – С. 83.

³⁷⁷ Цит. по: Бакунин, М.А. Речи и возвзвания. – Б.м., 1906. – С. 262.

³⁷⁸ Издание Общества «Народной расправы». – М., 1869. – № 1. – С. 15.

³⁷⁹ Цит. по: Пирумова, Н.М. Разрушитель // Родина. – 1990. – № 2. – С. 82, 190.

³⁸⁰ См.: Рудницкая, Е.Л. Русская революционная мысль... – С. 165.

³⁸¹ Гросул, В.Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. – Кишинев, 1973. – С. 394.

³⁸² ГАРФ. Ф. 109. З отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 2, л. 52.

³⁸³ Козымин, П.Б. К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма Н.Д. Го-ремыкина) // Красный архив. – 1930. – Т. 6 (43). – С. 155–156.

³⁸⁴ ГАРФ. Ф. 109. З отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 5, л. 230.

³⁸⁵ Там же.

³⁸⁶ Голицын, Н. История социально-революционного движения в России. 1861–1881. – Спб., 1877. – Гл. X. – С. 81.

³⁸⁷ ГАРФ. Ф. 109. З отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 38.

³⁸⁸ Там же. Ч. 2, л. 17.

³⁸⁹ Там же. Ч. 5, л. 331 об.

³⁹⁰ Там же. Ч. 3, л. 449.

- ³⁹¹ Там же. Ч. 3, л. 209.
- ³⁹² Ракитникова, И. Памяти Ф.А. Борисова // Каторга и ссылка. – 1929. – № 4 (53). – С. 181.
- ³⁹³ Гросул, В.Я. Российские революционеры... – С. 393.
- ³⁹⁴ Чешихин-Ветринский, В.Е. Н.Г. Чернышевский. 1828–1889. – Пг. : 1923. – С. 177.
- ³⁹⁵ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 43.
- ³⁹⁶ Там же. С. 44.
- ³⁹⁷ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 16.
- ³⁹⁸ Там же.
- ³⁹⁹ Там же. Л. 19.
- ⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1872, д. 32, л. 209.
- ⁴⁰¹ Нечаев и нечаевцы... – С. 174.
- ⁴⁰² Николаевский, Б. Варлаам Николаевич Черкезов (1846–1925) // Каторга и ссылка. – 1926. – № 4. – С. 224. (далее: Николаевский, Б. Варлаам Николаевич Черкезов...)
- ⁴⁰³ Там же.
- ⁴⁰⁴ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 394.
- ⁴⁰⁵ Там же.
- ⁴⁰⁶ Нечаев и нечаевцы... – С. 149–150.
- ⁴⁰⁷ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 396–397.
- ⁴⁰⁸ Там же. Д. 490, л. 13.
- ⁴⁰⁹ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 39.
- ⁴¹⁰ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 2, д. 2866, л. 1.
- ⁴¹¹ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 40.
- ⁴¹² Там же.
- ⁴¹³ Там же. С. 41.
- ⁴¹⁴ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка // Энцикл. сл. русского библиографического ин-та Гранат. – 7-е изд. – М., Б.г. – Т. 40. – Вып. 5–6. – Ст. 229 (далее: Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка...)
- ⁴¹⁵ Там же.
- ⁴¹⁶ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 42.
- ⁴¹⁷ Там же. С. 46.
- ⁴¹⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 2, д. 2866, л. 3 об.
- ⁴¹⁹ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 228.
- ⁴²⁰ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 42.
- ⁴²¹ Нечаев и нечаевцы... – С. 109.
- ⁴²² Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 228.
- ⁴²³ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 45.
- ⁴²⁴ Там же.
- ⁴²⁵ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 224–225.
- ⁴²⁶ Там же. С. 225.
- ⁴²⁷ Кузнецов А.К. Автобиографическая заметка... – С. 225.

⁴²⁸ Нечаев и нечаевцы... – С. 108.

⁴²⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 29.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ Там же. Л. 5 об.

⁴³² Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 227.

⁴³³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 38.

⁴³⁴ Там же. Л. 222.

⁴³⁵ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 34.

⁴³⁶ Там же. Л. 34–35.

⁴³⁷ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 226.

⁴³⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 35.

⁴³⁹ Там же. Л. 53.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 30.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² Там же. Л. 5.

⁴⁴³ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 226.

⁴⁴⁴ Нечаев и нечаевцы... – С. 108.

⁴⁴⁵ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 33.

⁴⁴⁶ Там же. Л. 19.

⁴⁴⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 26, л. 4.

⁴⁴⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 44.

⁴⁴⁹ Там же. Л. 33.

⁴⁵⁰ Так называл в своих показаниях этот кружок член «Народной расправы» Скипский: ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 1, л. 130.

⁴⁵¹ Там же. Л. 156.

⁴⁵² Нечаев и нечаевцы... – С. 132.

⁴⁵³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1872, д. 32, л. 240.

⁴⁵⁴ Нечаев и нечаевцы... – С. 131.

⁴⁵⁵ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 227.

⁴⁵⁶ Нечаев и нечаевцы... – С. 131.

⁴⁵⁷ Цит. по: Ткаченко, П.С. Учащаяся молодежь... – С. 66.

⁴⁵⁸ Козьмин, Б.П. Революционное подполье... – С. 128.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 493, л. 37.

⁴⁶⁰ См. подробный рассказ Колачевского: ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 90, л. 200.

⁴⁶¹ Нечаев и нечаевцы... – С. 131–132.

⁴⁶² Там же. С. 132.

⁴⁶³ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 36.

⁴⁶⁴ Там же. Л. 43.

⁴⁶⁵ Там же. Л. 45.

⁴⁶⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 36.

⁴⁶⁷ Там же. Д. 492, л. 246 об.

⁴⁶⁸ Там же. Д. 490, л. 45.

- ⁴⁶⁹ Там же.
- ⁴⁷⁰ Там же.
- ⁴⁷¹ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 227.
- ⁴⁷² Альтман, М. Иван Гаврилович Прыжов // Каторга и ссылка. – 1932. – кн. 6 (91). – С. 52 (далее: Альтман, М. Иван Гаврилович Прыжов...)
- ⁴⁷³ Там же. С. 69.
- ⁴⁷⁴ Нечаев и нечаевцы... – С. 101.
- ⁴⁷⁵ Цит. по: Чешихин-Ветринский, В.Е. Н.Г. Чернышевский. 1828–1889. – Пг., 1923. – С. 177.
- ⁴⁷⁶ Альтман, М. Иван Гаврилович Прыжов... – С. 79.
- ⁴⁷⁷ Там же.
- ⁴⁷⁸ Там же. С. 80.
- ⁴⁷⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 41.
- ⁴⁸⁰ Там же. Л. 35.
- ⁴⁸¹ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 227.
- ⁴⁸² Там же.
- ⁴⁸³ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 53.
- ⁴⁸⁴ Там же.
- ⁴⁸⁵ Там же.
- ⁴⁸⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 35.
- ⁴⁸⁷ Там же. Л. 37.
- ⁴⁸⁸ Там же.
- ⁴⁸⁹ Там же.
- ⁴⁹⁰ Там же. Л. 38.
- ⁴⁹¹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит Сената, оп. 1, д. 490, л. 30.
- ⁴⁹² Там же.
- ⁴⁹³ Там же.
- ⁴⁹⁴ Там же. Л. 37.
- ⁴⁹⁵ Там же.
- ⁴⁹⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 31 об.
- ⁴⁹⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 2, л. 242.
- ⁴⁹⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 37.
- ⁴⁹⁹ Там же.
- ⁵⁰⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 198 об.
- ⁵⁰¹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 492, л. 239.
- ⁵⁰² Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 226.
- ⁵⁰³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 2, л. 48.
- ⁵⁰⁴ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 46 об.
- ⁵⁰⁵ Там же. Л. 42.
- ⁵⁰⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 40.
- ⁵⁰⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 26, л. 15–16.
- ⁵⁰⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 41.
- ⁵⁰⁹ Там же.

- ⁵¹⁰ Нечаев и нечаевцы... – С. 105.
- ⁵¹¹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 39.
- ⁵¹² Там же.
- ⁵¹³ Там же.
- ⁵¹⁴ Нечаев и нечаевцы... – С. 92.
- ⁵¹⁵ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 40.
- ⁵¹⁶ Там же.
- ⁵¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 4, л. 115–116.
- ⁵¹⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 40.
- ⁵¹⁹ Нечаев и нечаевцы... – С. 95.
- ⁵²⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд. З эксп. 1869, д. 115, ч. 6, л. 93.
- ⁵²¹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 492, л. 273.
- ⁵²² Нечаев и нечаевцы... – С. 96.
- ⁵²³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 6, л. 93.
- ⁵²⁴ Там же. Л. 69.
- ⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 8, л. 67 об.
- ⁵²⁶ Там же. Ч. 4, л. 34.
- ⁵²⁷ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 61.
- ⁵²⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 47.
- ⁵²⁹ Там же.
- ⁵³⁰ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 78–79.
- ⁵³¹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 30.
- ⁵³² Там же. Л. 51.
- ⁵³³ Там же. Д. 493, л. 37.
- ⁵³⁴ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 225.
- ⁵³⁵ Нечаев и нечаевцы... – С. 104–105.
- ⁵³⁶ Гросул, В.Я. Межславянские революционные общества начала 70-х гг. XIX века // Из истории экономической и общественной жизни России : сб. ст. к 90-летию академика Н.М. Дружинина. – М., 1976. – С. 245–246.
- ⁵³⁷ Нечаев и нечаевцы... – С. 109.
- ⁵³⁸ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 212.
- ⁵³⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 494, л. 135 об.
- ⁵⁴⁰ Там же. Д. 490, л. 48–50.
- ⁵⁴¹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 50.
- ⁵⁴² Там же. Л. 51.
- ⁵⁴³ Там же.
- ⁵⁴⁴ Там же.
- ⁵⁴⁵ Там же.
- ⁵⁴⁶ Там же. Л. 52.
- ⁵⁴⁷ Там же.
- ⁵⁴⁸ Засулич, В.И. Нечаевское дело... – С. 53.
- ⁵⁴⁹ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., З эксп. 1869, д. 115, ч. 1, л. 245.
- ⁵⁵⁰ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 52.

- ⁵⁵¹ Там же. Л. 54 об.
- ⁵⁵² Нечаев и нечаевцы... – С. 103.
- ⁵⁵³ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 54.
- ⁵⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵⁵ Там же. Л. 55.
- ⁵⁵⁶ Там же.
- ⁵⁵⁷ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 227.
- ⁵⁵⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 35.
- ⁵⁵⁹ Там же. Д. 490. л. 45.
- ⁵⁶⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 37.
- ⁵⁶¹ Там же. Оп. 154, д. 32, л. 76.
- ⁵⁶² ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 36.
- ⁵⁶³ Там же. Д. 492, л. 67.
- ⁵⁶⁴ Там же. Д. 491, л. 169.
- ⁵⁶⁵ ГАРФ. Ф. 109. 3 Отд. 3 Эксп. 1872, д. 32, л. 117.
- ⁵⁶⁶ Там же. Л. 216.
- ⁵⁶⁷ Там же. Д. 32, л. 117.
- ⁵⁶⁸ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, л. 78.
- ⁵⁶⁹ Там же. Д. 115, ч. 3, л. 21.
- ⁵⁷⁰ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 35.
- ⁵⁷¹ Там же.
- ⁵⁷² Цит. по: Кункль, А.А. Долгушинцы. – М., 1932. – С. 46 (далее: Кункль, А.А. Долгушинцы...)
- ⁵⁷³ Там же.
- ⁵⁷⁴ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1872, д. 32, л. 130.
- ⁵⁷⁵ Там же.
- ⁵⁷⁶ Там же. Л. 131.
- ⁵⁷⁷ Там же. Л. 128.
- ⁵⁷⁸ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1872, д. 32, л. 128.
- ⁵⁷⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 36.
- ⁵⁸⁰ Цит. по: Кункль, А.А. Долгушинцы... – С. 50.
- ⁵⁸¹ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1872, д. 32, л. 128.
- ⁵⁸² Правительственный вестник. – 1871. – 28 августа (9 сентября) (№ 205). – С. 2.
- ⁵⁸³ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 300.
- ⁵⁸⁴ Бух, Н.К. Воспоминания. – М., 1928. – С. 48–49.
- ⁵⁸⁵ См.: Козымин, Б.П. С.Г. Нечаев и его политические противники... – С. 182–183.
- ⁵⁸⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 40.
- ⁵⁸⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3. эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 37.
- ⁵⁸⁸ Там же. л. 37.
- ⁵⁸⁹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 330.
- ⁵⁹⁰ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1872, д. 32, л. 167.

- ⁵⁹¹ Там же. Л. 74.
- ⁵⁹² Козьмин, Б.П. С.Г. Нечаев и его политические противники... – С. 183.
- ⁵⁹³ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 2, л. 225.
- ⁵⁹⁴ Там же. Ч. 4, л. 124.
- ⁵⁹⁵ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 492, л. 53.
- ⁵⁹⁶ Там же. Д. 491, л. 402.
- ⁵⁹⁷ Там же.
- ⁵⁹⁸ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 491, л. 402; ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, оп. 154, д. 115, ч. 3, л. 52.
- ⁵⁹⁹ Там же. Ч. 4, л. 125.
- ⁶⁰⁰ Цит. по: Козьмин, Б.П. С.Г. Нечаев и тульские оружейники // Красный архив. – 1930. – Т. 40. – С. 186.
- ⁶⁰¹ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 494, л. 246.
- ⁶⁰² Там же. Д. 491, л. 401.
- ⁶⁰³ Рудницкая, Е.Л. Русская революционная мысль // Демократическая печать. 1864–1873. – М., 1984. – С. 200.
- ⁶⁰⁴ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 3, л. 152.
- ⁶⁰⁵ Там же. Ч. 2, л. 235.
- ⁶⁰⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 495, л. 69.
- ⁶⁰⁷ Там же. Л. 70.
- ⁶⁰⁸ Там же. Д. 494, л. 202, 207–208.
- ⁶⁰⁹ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 115, ч. 1, л. 1.
- ⁶¹⁰ Там же. Д. 110, ч. 1, л. 71, 245.
- ⁶¹¹ Там же. Д. 110, ч. 2, л. 15.
- ⁶¹² Там же. Д. 110, ч. 1, д. 38, л. 143.
- ⁶¹³ Там же. Д. 110, ч. 1, л. 235.
- ⁶¹⁴ Там же. Д. 110, ч. 2, л. 11.
- ⁶¹⁵ Там же. Д. 110, ч. 1, л. 143, л. 233; д. 110, ч. 2, л. 13, 21, 50, 51, 178, 202; д. 110, ч. 3, л. 64.
- ⁶¹⁶ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 13.
- ⁶¹⁷ ГАРФ. Ф. 109. 3 отд., 3 эксп. 1869, д. 110, ч. 1, л. 229.
- ⁶¹⁸ Там же. Д. 115, ч. 1, л. 47–48.
- ⁶¹⁹ Там же. Л. 198.
- ⁶²⁰ ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 20.
- ⁶²¹ Кузнецов, А.К. Автобиографическая заметка... – С. 226.
- ⁶²² Ткачев, П.Н. Избр. соч. – Т. 3. – С. 402.
- ⁶²³ Гросул, В.Я. Российские революционеры... – С. 417.
- ⁶²⁴ Там же. С. 495; Скорее всего Меледин был завербован в Нижнем Новгороде, во время поездки туда Успенского – см.: ГАРФ. Ф. 112. Особ. Присут. Правит. Сената, оп. 1, д. 490, л. 37.
- ⁶²⁵ Революционный радикализм. – С. 255.
- ⁶²⁶ Там же. С. 261.
- ⁶²⁷ Там же. С. 262.

⁶²⁸ Там же. С. 262–266.

⁶²⁹ Там же. С. 279–288.

⁶³⁰ Там же. С. 246.

⁶³¹ Там же. С. 261.

⁶³² Там же. С. 218–219.

⁶³³ Козьмин, Б.П. Неудавшаяся провокация... – С. 152–153.

⁶³⁴ ГАРФ. Ф. 7026, оп. 1, д. 1, л. 46.

⁶³⁵ Ралли, З. С.Г. Нечаев... – С. 144.

⁶³⁶ Николаевский, Б. Памяти последнего «якобинца»-семидесятника // Каторга и ссылка. – 1926. – № 2 (23). – С. 217.

⁶³⁷ Там же.

⁶³⁸ Рудницкая, Б.Л. Русская революционная мысль... – С. 209.

⁶³⁹ Революционный радикализм... – С. 288–291.

⁶⁴⁰ Там же. С. 297.

⁶⁴¹ Там же. С. 291–297.

⁶⁴² Там же. С. 301–303.

⁶⁴³ Там же. С. 304–306.

⁶⁴⁴ Прыжов, И.Г. Исповедь // Минувшие годы. – 1907. – № 2. – С. 57.

Глава 5

К.Н. Леонтьев, И.И. Фудель, Л.А. Тихомиров о проблеме сближения образованного общества с народом

В истории общественной мысли пореформенной России вопрос о путях сближения образованного общества с народом особую остроту приобретает с середины 1870-х гг. После неудачного «хождения в народ», предпринятого радикально настроенной молодежью, не только в революционном подполье, но и на страницах легальной печати начинаются споры о том, «что лучше – мы или народ?», «народу за нами или мы за ним?». По признанию Ф.М. Достоевского, теперь об этом заговорили все, «кто хоть капельку не лишен мысли в голове и заботы по общему делу в сердце»¹.

В полемике о взаимоотношениях интеллигенции с народом тон, как правило, задавали противники развития России по пути, проторенному Западной Европой (М.Н. Катков, А.С. Суворин, И.С. Аксаков и др.). Однако «мыслящая» молодежь с гораздо большим желанием и воодушевлением читала радикально-народнические «Отечественные записки», «Дело» и «Слово», чем консервативную печать, призывающую интеллигенцию учиться у неграмотного мужика его «правде жизни», православной вере и христианскому смирению.

Марксистская историография традиционно интерпретировала доводы идеологов консерватизма против революционно-просветительской деятельности так называемой «прогрессивной» русской интеллигенции как проявление их реакционности и обскуран-